

ИЗ ФОНДОВ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БИБЛИОТЕКИ

Кишмахов, Магомед Хаджи-Бекирович

1. Убыхский род Берзек и его абхазо-адыгские
родословные ветви

1.1. Российская государственная Библиотека

Кишмажов, Магомед Хаджи-Бекирович

Убыхский род Берзек и его абхазо-адыгские
родословные ветви [Электронный ресурс] :
Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.07 .-М. :
РГБ, 2003 (Из фондов Российской
Государственной Библиотеки)

История. Исторические науки -- Этнография --
Россия -- Народы Кавказа -- Народы Северного
Кавказа и Дагестана -- Адыги. История.
Исторические науки -- Генеалогия -- Россия
-- Дворянские роды -- Берзек, род.
Этнография, этнология и антропология

Полный текст:

<http://diss.rsl.ru/diss/03/0987/030987040.pdf>

Текст воспроизводится по экземпляру,
находящемуся в фонде РГБ:

Кишмаков, Магомед Хаджи-Бекирович

Убыжский род Берзек и его абхазо-адыгские
родословные ветви

Карачаевск 2004

Российская государственная Библиотека, 2003
эод (электронный текст).

61:04-7/580

КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

КИШМАХОВ МАГОМЕТ ХАДЖИ-БЕКИРОВИЧ

УБЫХСКИЙ РОД БЕРЗЕК
И ЕГО АБХАЗО – АДЫГСКИЕ РОДОСЛОВНЫЕ ВЕТВИ

07.00.07 – этнография, этнология и антропология

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук,
профессор
Смыр Григорий Вахайдович

Карачаевск - 2004

_____

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава I. ИЗ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ УБЫХОВ.....	13
1.1. Об этногенезе убыхов.....	13
1.2. Основные черты культуры убыхов.....	21
Глава II. УБЫХСКИЙ РОД БЕРЗЕК И ЕГО МЕСТО СРЕДИ ЗАПАДНОКАВКАЗСКИХ НАРОДОВ В XIX В.	45
2.1. Об антропониме "Берзек"	45
2.2. Генеалогические связи рода Берзек	55
2.3. Роль рода Берзек в военно-политических событиях XIX в. на Западном Кавказе.....	71
Глава III. ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ РОДА БЕРЗЕК	101
3.1. Убыхская ветвь рода Берзек (Berzeg)	101
3.2. Адыгские ветви рода Берзек (Берзеговы=Берзековы).....	121
3.3. Абхазо-абазинская ветвь рода Берзек (Кишмария=Кишмаховы)....	136
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	168
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	175
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	190
ПРИЛОЖЕНИЯ	191

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. В трудах отечественных и зарубежных ученых, посвященных проблемам этнографии северо-западно-кавказских народов, недостаточное внимание уделено убыхам и конкретным историческим личностям из их среды.

В этом смысле «неподнятой целиной» можно назвать описание убыхских персоналий, а также наиболее влиятельных среди них фамильно-родовых групп. Между тем, их изучение может прояснить малоизвестные аспекты истории и этнографии не только самих убыхов, но и соседних с ними в прошлом народов Северо-Западного Кавказа.

Убыхи и их дворянская знать, в частности, род Берзек, как и язык, история и культура народа, являются наиболее архаичной частью единого абхазо-адыгского этнокультурного мира. Этнокультурные и генеалогические взаимодействия убыхов с близкородственными народами и этническими группами в значительной степени определяли ход и характер исторических событий в XIX веке на Западном Кавказе. Выяснение этих связей также восполнит имеющиеся в этом вопросе пробелы.

Актуальность темы настоящего диссертационного исследования обусловлена и тем, что в нем рассматриваются и некоторые аспекты убыхской антропонимики. При этом диссертант исходит из того, что в последние десятилетия XX века ученые предприняли серьезные усилия в изучении проблем ономастики, в том числе антропонимики абазин, абхазов и адыгов, но эта отрасль науки практически еще не коснулась убыхов. Тем не менее лингвистический, этнографический и исторический анализ убыхских антропонимов может помочь в решении ряда аспектов этнической истории убыхского народа. В этом плане, несомненно, представляет серьезный научный интерес происхождение антропонимов "Берзек", "Кищмахо" и других, ставших основой некоторых фамильных имен абхазо-адыгов. Не меньшее научно-теоретическое и практическое значение имеют генеалогические связи этих родов.

Убыхское прошлое бесписьменное, поэтому исследование их истории не только по архивным и печатным, но и по полевым материалам будет способствовать восстановлению целостной картины прошлого этого самобытного народа.

Изложенное выше предопределяет актуальность темы настоящего исследования.

Степень изученности темы. Имеющиеся материалы по этнографии и истории убыхов, в том числе по владетельному роду Берзек, можно условно разделить на две группы. К первой относятся весьма скудные источники, преимущественно описательного характера, ко второй – небольшие научные статьи и очерки о проблемах языка, истории и культуры убыхов, а также о жизни и деятельности некоторых представителей рода Берзек.

Хоть и краткие, но очень ценные сведения об убыхах и роде Берзек содержатся в газетных и журнальных статьях и специальных очерках, рапортах, сообщениях русских и иностранных ученых, дипломатов, военных XIX века: Дж. Белла *, А.П. Берже, И.Ф. Бларамберга, Н. Дубровина, Фр. Диобуа, Т. Лапинского, Дж.А. Лонгвортса, Л.Я. Люлье, Г.В. Новицкого, Н.Н. Раевского, Эд. Спенсера, Ф.Ф. Торнау, А. Фонвилля, Ф.А. Щербины, С. Эсадзе и других.

В этих материалах информация об убыхах и владетельном роде Берзек носит фрагментарный характер и не отражает различные стороны жизни убыхов в бытность их на исторической родине – Черноморском побережье Кавказа.

Первой этнографической работой об убыхах и о владетельном роде Берзек является очерк абхазского этнографа, офицера русской армии С.Т. Званба "Зимние походы убыхов на Абхазию", который был опубликован в 1852 г. в газете "Кавказ" (№33). Известный этнограф нашего времени М.О. Косвен еще в 1955г. отмечал, что работа С.Т. Званба "осталась и по сие время единственной специальной статьей об этом народе"**.

---

* Название работ авторов, указанных здесь и далее, см. в списке источников и литературы.

** Текст, который не имеет литературных отсылок, принадлежит автору и представляет собой полевой этнографический и иной материал.

В очерке С.Т. Званба характеризует военную организацию убыхов, сообщает некоторые факты об их пище, одежде и военном предводителе Сааткерие Адагум-ипа Берзеке, который погиб в одном из походов в Абхазию в 1825г.²

К числу первых же научных работ следует отнести статью члена-корреспондента Российской Академии Наук П.К. Услара "О языке убыхов", материал для которой он собрал при содействии полковника Горшкова осенью 1861 года, находясь в лагере нижне-абадзехского отряда царских войск на р. Белой (П.К. Услар записывал убыхские тексты со слов 14-летнего сына предводителя убыхов Хаджи Керентуха Дегумуко Берзека). К сожалению, труд П.К. Услара не был завершен: юный Берзек – информатор – исчез, решив принять участие в стычке абадзехов и убыхов с царскими войсками³.

Значительную работу по изучению языка, этнических особенностей и духовной культуры убыхов и рода Берзек провел французский филолог Ж. Дюмезиль. В 30-60-х годах XX в. он, проведя несколько научных экспедиций в Турции, собрал богатый материал, который и лег в основу ряда его публикаций (некоторые в соавторстве с А. Намитоком).

Языком убыхов в свое время занимались отечественные и зарубежные ученые: А.Н. Генко, А. Дирр, Г.А. Климов, М.А. Кумахов, Ю. Месарош, Г. Фогт и др.

Одной из первых научных работ, освещющей относительно широко отдельные аспекты этнической истории убыхов, их антиколониальную борьбу, которую возглавляли военно-политические лидеры из рода Берзек, является исследование А. Фадеева "Убыхи в освободительном движении на Западном Кавказе". В нем он, опираясь преимущественно на архивные данные, приводит краткие сведения о численности и территории расселения, типе поселений, форме общественного устройства убыхов. Основная же часть работы посвящена участию убыхов и владетельного рода Берзек в событиях Кавказской войны на Западном Кавказе. Однако серьезным недостатком этой работы, на наш взгляд, следует признать идеологическую ангажированность автора, что отра-

зилось на объективности оценки роли рода Берзек в антиколониальной борьбе убыхов и состояния общественных отношений в убыхской среде в XIX веке.

Основательные и объективные сведения об убыхском обществе содержатся в работе Л.И. Лаврова "Этнографический очерк убыхов", в которой, наряду с описанием численности, типа поселений, особенностей хозяйства и культуры убыхов, дана достоверная картина их сословных отношений, места и роли убыхской феодальной знати. Хаджи Керентуха Дегумуко Берзека Л.И. Лавров справедливо назвал "вождем убыхов"⁴, сыгравшим большую роль в борьбе убыхов и западных адыгов против колонизации их края русским царизмом.

Значительное место занимают убыхи и владетельный род Берзек в трудах абхазского ученого-кавказоведа Ш.Д. Инал-ипа. Из них наибольший интерес представляют его работы «Убыхи и их этнокультурные связи с абхазами» и «Садзы», которые во многом восполнили пробелы в исследовании этнографии убыхов. Указанные работы связаны, главным образом, с выяснением территориального и этнического содержания термина «убых», а также этнокультурных взаимоотношений убыхов с соседями – абхазами. Во второй работе Ш.Д. Инал-ипа много внимания уделил и убыхским персоналиям из рода Берзек. Наряду с восторженной оценкой деятельности предводителей убыхов из числа Берзек, он подвергает критике их действия в период Кавказской войны.

Некоторые аспекты языка, этнокультурных связей убыхов и отдельные свидетельства о роде Берзек содержатся в ряде работ абхазских ученых З.В. Анчабадзе, Ю.Д. Анчабадзе, Р. Гуажба, Г.А. Дзидзария, К.С. Шакрыл и других.

Вместе с тем, говоря о степени изученности избранной нами темы, следует подчеркнуть, что отечественная историография об убыхах и о владетельном роде Берзек исчерпывается перечисленными публикациями. До сих пор не разработаны многие проблемы истории и этнографии этого народа. Так сложилось, видимо, потому что, во-первых, специалисты располагают весьма скуч-

ными материалами; во-вторых, убыхи как целостный этнос перестали существовать. Между тем, несмотря ни на какие трудности, настало время детального изучения истории и этнографии убыхов: ведь народ, хотя и потерял язык, существует (в Турции и сегодня убыхи компактно проживают в нескольких селениях). Сбор и обобщение материалов по ним – лучший памятник этим живым потомкам некогда легендарного этноса. Тем более, что сведения по этнической истории убыхов можно извлечь из древних памятников письма, архивных фондов, из которых далеко не все материалы вовлечены в научный оборот. В этих целях неоценимую помощь окажут также труды М.А. Абдушелишвили, А.П. Алексеева, В.Г. Ардзинба, В.В. Бунака, Н.Г. Волковой, Ю.Н. Воронова, И.В. Джавахишвили, О.М. Джапаридзе, И.М. Дьяконова, Вяч.В. Иванова, Б.А. Куфтина, В.А. Марковина, Г.А. Меликишвили, Р.М. Мунчаева, Л.Н. Соловьева, Г.Ф. Турчанинова, Я.А. Федорова, А.А. Формозова и др.

На сегодня в отечественной и зарубежной историографии нет комплексных монографических исследований этнографии убыхов и отдельных ее аспектов. Предлагаемая работа не претендует на воссоздание целостной картины прошлого убыхов и места владетельного рода Берзек (это задача целого ряда исследований). Мы ставили перед собой локальную задачу – попытаться на примере этнографии рода Берзек и отпочковавшихся от него в средние века других фамильно-родовых групп осветить отдельные грани многосложной и почти не изученной этнической истории убыхов в рамках известной теории об единстве происхождения и идентичности культуры народов абхазо-адыгского круга. Такая попытка предпринимается впервые в отечественной науке. При этом, как показали материалы, многие из них требуют критической оценки, ибо в трудах предшественников немало фактических ошибок, искажений исторических и лингвистических реалий, слишком вольной интерпретации фактов и событий. Диссертант старается не упускать и этот аспект проблемы.

Автор настоящей диссертационной работы исходит из того, что дальнейшее изучение языка и исследование проблем этнической истории убыхов вне-

сут существенные корректизы в устоявшимся в науке взгляды на место убыхов в абхазо-адыгской этнической общности.

Цель и задачи исследования. Актуальность и неизученность темы определили основную цель исследования: опираясь на этнографию убыхского владетельного рода Берзек и его генеалогические связи с другими абхазо-адыгскими фамильно-родовыми подразделениями, осветить неизвестные аспекты этнической истории убыхов и их взаимодействие с родственными народами и этническими группами на Западном Кавказе.

Задачи исследования. Поставленная цель требует решения следующих задач:

- определить место убыхов в этногенетических процессах народов абхазо-адыгской языковой подсемьи;
- рассмотреть проблемы, связанные с происхождением антропонимов "Берзек", "Кицмахо" и других генеалогически близких роду Берзек фамильных имен;
- выявить основные генеалогические и этнокультурные связи рода Берзек с другими фамильно-родовыми группами абхазо-адыгов;
- определить истинную роль убыхов и их владетельного рода Берзек в разрешении сложившейся в XIX веке военно-политической ситуации на Западном Кавказе;
- восстановить этнографический портрет владетельного рода Берзек и некоторых его генеалогических ответвлений, проанализировать их современное состояние;
- дать полную этнографическую, культурно-бытовую картину общего и особенного между основными абхазо-адыгскими ветвями рода Берзек.

Хронологические рамки исследования охватывают в основном XIX-начало XX вв. Однако в работе есть этнографические события, связанные с происхождением антропонимов "Берзек", "Кицмахо", с жизнью и деятельностью конкретных представителей нескольких фамильно-родовых групп в более ранние периоды истории и в наши дни.

Территориальные рамки исследования – Республика Абхазия, Республика Адыгея, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Краснодарский край и Турция.

Объектом исследования является убыхский род Берзек. Предметом исследования стали вопросы происхождения фамильного имени Берзек, его генеалогические связи с другими фамильно-родовыми группами абазин, абхазов и адыгов, место и роль представителей этого рода в историческом процессе народов абхазо-адыгского мира.

Методологической и теоретической основой диссертации являются методы конкретно-исторического, сравнительно-исторического, лингвистического, социологического, статистического, логического и ретроспективного анализа историко-этнографических материалов и исторических явлений, теоретико-методологические труды и монографические исследования крупных ученых по этнографии, этнологии, антропологии, лингвистике и другим смежным с ними дисциплинам.

В качестве исходной точки при исследовании темы были учтены основные правила образования абхазо-адыгских антропонимов, принципы единства происхождения и общности этнокультурного пространства абхазо-убыхо-адыгов, сходства этнических и исторических процессов, которые обусловили для них практически один и тот же вектор развития. При этом учтены и использованы труды ученых: З.В. Анчабадзе, В.Г. Ардзинба, П.У. Аутлева, Н.А. Баскакова, Б.Х. Бгажнокова, С.Н. Бейтуганова, Р.Ж. Бетрозова, А.Х. Бижева, З.У. Блягоз, Р.Х. Гугова, К.Ф. Дзамихова, Г.А. Дзидзария, Х.М. Думанова, И.М. Дьяконова, Ш.Д. Инал-ипа, С.Х. Ионовой, Х.А. Касумова, Дж.Н. Кокова, Л.Дж. Коковой, Т.Х. Кумыкова, Л.З. Кунижевой, А.Э. Куправа, Х.С. Кушхова, Л.И. Лаврова, К.Х. Меретукова, А.С. Мусукаева, В.А. Никонова, М.З. Саблирова, Г.Г. Стратанович, Г.В. Смыра, Ю.А. Тхаркахо, Д.В. Шабаева, К.С. Шакрыл, А.Х. Шеуджен, С.Х. Хотко и др. по общеметодологическим и конкретным вопросам, дающим ключ к теоретическому осмыслению и практическому решению задач исследования.

Источники исследования. Приходится отмечать сложности источниковой базы исследования в связи со скучностью материалов. Нет никаких значимых сведений об убыхском этносе и владетельном роде Берзек вплоть до XIX века.

Однако по различным вопросам их истории и этнографии, участия в Кавказской войне основная масса документов сосредоточена в архивах, музеях и центральных государственных библиотеках гг. Москвы, Санкт-Петербурга, Тбилиси и Краснодара.

Кроме того, по убыхам и владетельному роду Берзек имеется ряд публикаций в иностранных изданиях – в Англии, Германии, Франции и Турции.

Помимо упомянутых выше материалов ученых и военных, полезную информацию об убыхах и роде Берзек можно почерпнуть и из других источников и литературы второй половины XVIII-XIX вв., авторами которых являются И. Аверкиев, Н. Альбов, Д.Г. Анучин, Ф. Боденштедт, С. Броневский, Д. Бухаров, М. Владыкин, И.А. Гюльденштедт, С. Духовский, Д. Зубарев, П. Зубов, Н.О. Карлгоф, Г.Ю. Клапрот, Н. Клинген, Н. Колюбакин, М. Пейсонель, Я. Потоцкий, Я. Райнеггс, С. Сафонов, В.Д. Скорятин, В. Солтан, Тебу де Марини и др.

Важными источниками явились специальные научные работы К. Берзега, Н. Берзега, С. Берзега, Н.Г. Волковой, Л.И. Лаврова, Ш.Д. Инал-ипа, А. Фадеева и др., в которых содержатся ценные материалы об убыхах и роде Берзек.

Многие положения работы основаны на материалах полевых изысканий, проводившихся автором в 1996-2003гг. в Абхазии, Адыгее, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Краснодарском крае, личных встреч и бесед со старожилами, знатоками своих родов, сказителями.

При изучении темы использовались также статистические и демографические данные, семейные архивы, фотодокументы, проводились аудио-видеозаписи, составлялись посемейные списки с отражением многих исходных сведений, производились документальные записи различных легенд, преданий, рассказов, песен, стихов, в том числе написанных представителями рода Берзек.

В целом, перечень и объем сформированных источников и литературы, других материалов позволяют раскрыть тему диссертации, достичь ее главную цель и решить ее задачи.

Научная новизна работы заключается в том, что впервые исследованы:

- проблемы, связанные с происхождением фамильных имен «Берзек», «Берзения», «Кишмахов» и других, генеалогически близких убыхскому роду Берзек, фамильно-родовых групп;
- основные генеалогические и этнокультурные связи убыхского рода Берзек с некоторыми фамильно-родовыми подразделениями абхазо-адыгов;
- этнографический портрет убыхского рода Берзек и его генеалогические ответвления, современное состояние их развития.

В научный оборот введены новые материалы полевых изысканий по этнографии убыхов и владетельного рода Берзек, а также данные об этом роде из зарубежных источников.

Теоретическая и практическая значимость диссертации. Материалы и выводы диссертационной работы могут быть использованы при написании обобщающих трудов по этнографии и истории убыхов и близкородственных народов, при разработке теоретических и практических программ по истории и этнологии народов Кавказа для учебного процесса студентов исторических факультетов ВУЗов. Результаты данного исследования позволяют методологически точно обозначить этнологический объект и предмет, особенности генеалогического изучения.

Структура диссертации подчинена главной цели и задачам исследования. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы, списка сокращений и приложений.

В содержательной части исследования раскрыты основные этнографические аспекты, связанные с происхождением и историей убыхов и владетельного рода Берзек, ряда других фамильных групп абхазо-адыгов, отпочковавшихся от него в разное время, дается их современный этнографический портрет. В заключительной части обоснованы все аспекты исследованной темы.

Апробация результатов исследования проведена на кафедре истории России Карачаево-Черкесского государственного университета. Диссертационная работа рекомендована к защите. Основное содержание, положения и выводы исследования отражены в монографии и ряде публикаций (общ. объем – 29,37 усл.п.л.), а также в сообщениях на международной и региональных конференциях в гг. Сухуме и Карабаевске.

Примечания:

¹ Косвен М.О. Материалы по истории и этнографии Кавказа в русской науке // КЭС. — I. — М., 1955. — С. 356.

² Званба С.Т. Этнографические этюды / Под ред. и с предисл. Г.А. Дзидзария. — Сухум, 1955. — С. 43.

³ Услар П.К. О языке убыхов // Прилож. к «Этнографии Кавказа». Языкознание. — Тифлис, 1887. — С. 81.

⁴ Лавров Л.И. Этнографический очерк убыхов // Уч. записки АдНИИЯЛИ. — Т. VIII. — Майкоп, 1968. — С. 8.

Глава I. ИЗ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ УБЫХОВ

1.1. Об этногенезе убыхов

Проблема этногенеза убыхов – одна из самых сложных в исторической науке. Ее решение требует комплексного изучения и анализа материалов по археологии, антропологии, лингвистике, этнографии и других смежных с ними наук.

Историческая наука на сегодня располагает фундаментальными исследованиями по абазинам, абхазам и адыгам. О близкородственном им убыхском народе этого сказать нельзя. Причины разные. Среди них, первое – скучность материалов по ним в целом и по их этнической истории, в частности, второе – сам народ как самостоятельный этнос уже не существует и, третье – до настоящего времени, за исключением нескольких научных статей по языку и некоторым аспектам их истории, нет обобщающего монографического исследования.

В настоящей работе не ставится цель решить эту многосложную проблему. Наша задача – изложить свое видение основных моментов происхождения убыхов в рамках общей концепции этногенеза абазин, абхазов и адыгов.

В отечественной исторической науке относительно вопросов происхождения и в целом ранней этнической истории народов абхазо-адыгской языковой подсемьи на Западном Кавказе, в т.ч. в Прикубанье, существуют разные позиции, которые условно можно разделить на три группы: автохтонная, миграционная и автохтонно-миграционная теории¹. На сегодня признанной считается последняя. Тем не менее, не останавливаясь подробно на известных теоретических проблемах, отметим, что в научных кругах в основном противостоят две точки зрения, объясняющие вопросы происхождения и формирования абазин, абхазов, адыгов и убыхов.

Согласно одной из них, колыбель абазин, абхазов, адыгов и убыхов локализуется на Северном Кавказе, в Прикубанье – Прикубанская экологическая ниша (Г.А. Меликишвили, М.Д. Лордkipанидзе и др.). Отсюда часть этих западнокавказских народов до I тыс. до н.э. переместилась на Черномор-

ское побережье Западного Кавказа, заполнив три экологические ниши: до Гагрского хребта – зихи, позднее убыхи; далее до хребта Аж-Амгва – абасги; и южнее последнего хребта – апсилы и мисимиане². В оправдание своих претензий не только на Абхазию, но даже и на земли вплоть до устья Кубани некоторые грузинские ученые во главе с литературоведом П.Ингороква в недавнем прошлом исповедовали и другую псевдотеорию, по которой предки современных абхазов заняли нынешнюю территорию расселения лишь в XVII в. н.э.³ Все сторонники указанных гипотез, не имея реальных доказательств, свои доводы базируют на факте проникновения майкопской и дольменной культур в III-II тысячелетиях до н.э. на территорию Западной Грузии с севера на юг до р. Кодор, носители которых (абазины, абхазы и убыхи) якобы потеснили пракартельские племена. Вместе с тем, как известно из многих исследований археологов, антропологов и лингвистов, на Западном и Северо-Западном Кавказе всегда преобладали южные культурные потоки (из Малой Азии по Черноморскому побережью до северного Причерноморья)⁴. Поэтому гипотеза о миграции предков абазин, абхазов и убыхов с севера на юг не имеет каких-либо серьезных обоснований.

Другая точка зрения о малоазийско-колхидском происхождении и раннем этногенезе абазин, абхазов, адыгов и убыхов в науке признана наиболее достоверной⁵. По этой версии, в аборигенное кавказское население восточного побережья Черного моря проникли малоазийские земледельческие кашко-абешлайские племена – предки абазин, абхазов, адыгов и убыхов. Сторонники этой точки зрения расходятся лишь во времени, когда произошло это событие. Одни считают, что их миграция происходила в III тыс. до н.э., другие относят данный факт к концу II – началу I тыс. до н.э. (О.М Джапаридзе, Г.А. Меликишвили, В.Г. Ардзинба и др.), когда из Колхиды началось интенсивное культурное влияние на Черноморское побережье Кавказа⁶. Это культурное явление своего апогея достигло к IX-VII вв. до н.э. ("Колхидско-Кобанская металлургическая провинция"). При этом часть предков абхазо-абазин оставалась в Колхидской экологической нише, другая расселилась до Гагрского хребта, за ними

предположительно до Туапсе – предки зихов-убыхов, а далее на север до Геленджика – праадыгские племена. Всех их в этих местах застали античные авторы в лице апсилов, абасгов, санигов, брухов, зихов, ахеев и т.д. В дальнейшем, в период раннего средневековья письменными источниками отмечались незначительные перемещения этнонимов, в основном по направлению с юга на север до Приазовья и Крыма, а затем в развитое и позднее средневековье зафиксирована миграция части абазин и адыгов (кабардинцы) на восток к Центральному Кавказу⁷. Обратного же течения больших масс населения из Северного Кавказа в Закавказье исследователями не отмечено. Все это говорит в пользу миграционных потоков предков абазино-абхазо-убыхо-адыгов с юга на север, но никак не в обратном направлении.

Не вдаваясь в детали теории южного происхождения и раннего этногенеза абазин, абхазов, адыгов и убыхов, приведем доводы сторонников этой точки зрения.

Согласно современной российской классификации убыхи, как и абазины, абхазы и адиги, относятся к понтийскому типу средиземноморско-балканской подрасы (малой расы) южной ветви большой европеоидной (индосреднеземноморской) расы⁸.

С позднего неолита (сер. IV тыс. до н.э.) понтийский антропологический тип, характерный для малоазийских кашко-абешлайских племен – предков абазин, абхазов, адыгов и убыхов, начинает распространяться из северо-восточных районов Малой Азии по Западному Кавказу и далее – по Прикубанью. Этот процесс завершается в основном к концу II тыс. до н.э., а по мнению ряда авторов – позже⁹.

Положение о том, что северо-восточный сектор Малой Азии, прилегающий к Черному морю, Западный Кавказ и Прикубанье в IV-II тыс. до н.э. для народов абхазо-адыгской языковой группы (в т.ч. убыхов) являлись колыбелью процесса их раннего этногенеза, не вызывает никаких сомнений. По общему мнению большинства археологов, антропологов, лингвистов и этнографов, сперва первобытные люди, потом – носители праязыка западнокавказских на-

родов или, возможно, уже диалектных языков проникли на Западный Кавказ и в Прикубанье через так называемый Черноморский путь. Предки абазин, абхазов, адыгов и убыхов в это время принесли сюда не только малоазийскую земледельческую культуру, характерные типы предметов и орудий труда, глиняную посуду, собственную металлургию, но и дольменную культуру¹⁰. Аборигенность и широкое распространение здесь кашко-абешлайских племен признается и лингвистами, которые считают, что в эпоху энеолита и до конца III тыс. до н.э. в этих местах отмечается присутствие диалектов абхазо-адыгского типа. На это указывает наличие абхазо-адыгских корней в топонимике северо-востока Малой Азии, прилегающей к Черному морю, Западной Грузии и Черноморского побережья Кавказа, в древнейших картвельских географических названиях и этнических терминах¹¹.

Малоазийские племена кашко-абешлов и пёхов (ср. пахува//хапхи древних источников) – предки абазин, абхазов, адыгов и убыхов в начале IV тыс. до н.э. антропологически и лингвистически еще представляли собой единый народ¹². В последующем, с перемещением и территориальной разобщенностью этнических групп, в условиях замкнутой экологической ниши (благодаря консервирующей роли горного ландшафта) начинается процесс дробления пранарода и праязыка народов абхазо-адыгской языковой подсемьи, со временем появляются диалекты, самостоятельное и длительное развитие которых приводит к появлению совершенно разных языков¹³.

В оценке времени дивергенции (распада) праязыка абхазо-убыхо-адыгов мнения ученых несколько расходятся. Одни считают, что это произошло в начале или в первой половине II тыс. до н.э.¹⁴, другие на рубеже III-II тыс. до н.э.¹⁵, третьи – в III тыс. до н.э.¹⁶ При этом авторы не приводят достаточно аргументированных фактов в пользу своих гипотез.

При выяснении вопроса о сроках (начале и окончании) дивергенции языка-основы близкородственных народов абхазо-адыгской языковой подсемьи необходимо учесть не только данные лингвистики, но и других наук: антропологии, археологии, этнографии и т.д.

В современной лингвистической науке признанной считается гипотеза Н.С Трубецкого, С.А. Старостина и др., по которым нахско-дагестанские и западно-кавказские языки родственны и образуют северокавказскую семью. В V тыс. до н.э. северокавказская семья языков еще была единой, но ее распад произошел в IV тыс. до н.э.¹⁷ Одним из основных факторов, способствовавших этому, является перемещение в этот период носителей ныне нахско-дагестанских и западнокавказских языков в разные экологические ниши¹⁸. В это же время, по данным антропологов, понтийский антропологический тип, как уже отмечалось, принадлежащий кашко-абешлайским племенам, предкам абазин, абхазов, адыгов и убыхов, распространяется по северо-восточному сектору Малой Азии и вдоль восточного побережья Черного моря. Мы полагаем, что с этим продвижением напрямую связано начало дивергенции их языка-основы. Процесс распада, на наш взгляд, завершился не позднее середины III тыс. до н.э. Доказательств этому немало.

С началом развития бронзовой металлургии (III тыс. до н.э.) в языке предков западнокавказских народов уже обнаруживаются заметные расхождения. У абазин, абхазов и убыхов, например, к тому времени термин "бронза" или "бронзодел" совершенно идентичен (соответственно – "а-куалх", "а-куалх" и "кулх"). У адыгов "бронза" называется "домбякъ". Аналогично с названием железа. Таких фактов множество.

Ярким доказательством завершения процесса распада прайзыка западно-кавказских народов на три ветви до II тыс. до н.э. является существование этнонимов "каски" (XVII в. до н.э.), "пахува" // "пёхи" (XIV в. до н.э.) и "абешла" (XII в. до н.э.)¹⁹. Древние хеттские источники сообщают, что в кашкайском союзе насчитывалось от 9 до 12 близкородственных племен. Они длительное время, на протяжении столетий, вели ожесточенную борьбу с племенами индоевропейцев (хеттов-неситов), которые на рубеже III-II тыс. до н.э. вторглись в их страну – Хаттусу²⁰. И.М. Дьяконов полагал, что северо-западно-кавказские племена говорили на родственных абхазо-адыгских языках не только в III тыс. до н.э. в центральной и западной частях Северного Кавказа, на Восточном При-

черноморье, но и в Колхиде и в районах Южного Причерноморья до р. Галис (Кызыл-Ирмак)²¹. Такой территориальный разброс предков абазин, абхазов, адыгов и убыхов, и признание существования в III тыс. до н.э. абхазо-адыгских племен и языков является свидетельством свершившегося факта распада прарода и прайзыка. Об этом говорят и другие примеры. Если принять во внимание устоявшееся мнение, что носителями дольменной культуры (вместе с обрядом вторичного захоронения) являются племена абазино-абхазо-убыхского круга, а майкопской – далекие предки адыгов, то надо признать, что единого прайзыка ко времени этих разных культур уже не было²². Данное положение имеет право на жизнь, так как в середине III тыс. до н.э., согласно Г.Ф. Турчанинову, уже существовал самостоятельный абхазо=абазино=убыхский язык. Дешифрованные надписи силлабопиктограмм на двух серебряных сосудах Майкопского кургана середины III тыс. до н.э. прочитаны им на языке абхазов и абазин. Это письмо Г.Ф. Турчанинов не без оснований назвал "ашуйским (древним абхазо-абазино-убыхским)"²³. Его работа доказательно никем не отвергнута, хотя существует ряд критических статей, далеких от научных обоснований²⁴. Напротив, поддерживая Г.Ф. Турчанинова, австрийский семитолог А. Ирку признал, что псевдоиероглифическое письмо принесли с собой в Библ "люди Майкопа" в 2000-1800 гг. до н.э.²⁵

К той далекой эпохе, на наш взгляд, относится зарождение самостоятельного убыхского диалекта, последующее развитие которого в условиях замкнутой экологической ниши уже в горах Западного Кавказа в течение 1600 лет (согласно теории глottогенеза) приводит к его отдалению от близких к нему абхазо-абазинских. Вопрос о языке убыхов нельзя признать до конца изученным, хотя им занимались многие лингвисты. Есть ряд нерешенных аспектов этого языка. В частности, отведенный ему статус "промежуточности" между абхазо-абазинскими с одной стороны и адыгскими, с другой, нельзя признать верным. Этот термин, мягко говоря, не точен по отношению к действительному положению этого языка в системе абхазо-адыгской подсемьи языков. Итоги, пока предварительных, сравнительно-лингвистических изысканий, свидетельствуют

об этом. Ряд исследователей считают доказанным, что он, в отличие от абазинского, абхазского и адыгских языков, стоит ближе к хаттскому. Одни ученые относят его к абазино-абхазской ветви языка, другие – к адыгской. Все это требует дополнительных исследований.

Самоназвание убыхов по древним ассирийским источникам – пёхи // пёкхи – "пахува"²⁶. Упоминание об убыхах под названием "брухи" встречается в антично-раннесредневековых (V-VI в.) источниках уже на Черноморском побережье Кавказа²⁷, на стыке земель усилившимся к тому времени Абасгийского и Зихского племенных союзов (Сочи-Гагрский сектор побережья). Собственно под названием "убыхи" они были зафиксированы источниками лишь в 40-х годах XVIII в.²⁸ Происхождение этого термина требует пояснений. Архивные источники (в т.ч. сведения Г. Новицкого и Ф. Торнау) указывают, что этноним "убых" восходит к одноименному названию урочища и реки Убых²⁹. Тогда возникает закономерный вопрос – откуда взялись в свою очередь наименования топонима и гидронима?

Наше видение этой проблемы следующее. Часть убыхов, сохранивших в чистоте свой язык, в первой половине XIX в. действительно проживала в долине р. Убых, истоки которой граничили с местностью Туб на северном склоне Главного Кавказского хребта. Термин "убых" // "уббых" – сложное слово, состоящее из двух частей "уб" и "бых". Первая – связана с названием местности Туб, вторая – восходит к самоназванию убыхов – пех // пехи. Этноним "убых" // "уббых" – иноназвание убыхов. Их так называли соседние адыги, точнее, это "имя" им дали абадзехи, жившие в Тубах, и на их языке этот термин в буквальном смысле означает "пехи, живущие ниже Тубов".

Все источники и литература XIX в. убыхов помещают в нагорной части до Главного хребта и в прибрежной полосе Черноморского побережья Кавказа между реками Шахе и Хоста. С северо-запада их соседями были шапсуги, с севера за Главным Кавказским хребтом – абадзехи, с юга-востока – горные общества абхазов и абазин³⁰.

Относительно численности убыхов, до их изгнания в Османскую империю в 1864 г., источники дают разные данные, от 5 до 115 тыс. чел.³¹ В результате тщательного анализа всех документов, в том числе материалов двух (1866 и 1896 гг.) комиссий, обследовавших земли и селища убыхов (их было около 95, с численностью не менее 150 дворов в каждом), с учетом средней численности убыхской семьи в 7 чел. (по А. Берже), нами установлено, что численность убыхов в середине 50-х годов XIX в. могла составлять около 99-100 тыс. чел. Это близко к истине, если учесть, что по официальным данным изгнаны 74567 убыхов³², остальные могли погибнуть, умереть от голода, массовых заболеваний во время последних 9-10 лет Кавказской войны, а часть их – самостоятельно выехать в Турцию еще до завершения войны и после нее, тем самым могли быть не учтены офицерами царской армии, которые назначены были для отправки убыхов в Порту лишь в начале мая 1864 г.³³

Подводя итог, нам представляется необходимым сделать следующие выводы:

1. Убыхи (пехи), как абазины, абхазы и адыги, относятся к понтийскому типу средиземноморско-балканской малой расы (по российской классификации) и всегда считалась наиболее "чистым" типом.
2. В позднем неолите средиaborигенного населения Западного Кавказа, затем и в Прикубанье распространяется понтийский антропологический тип, характерный для малоазийских кашко-абешлайских племен – предков абазин, абхазов, адыгов и убыхов, которые в IV тысячелетии до н.э. еще представляли собой единую историко-культурную общность.
3. IV тысячелетие до н.э. – начальный этап в истории предков народов абхазо-адыгской языковой подсемьи на территории северо-востока Малой Азии, Колхиды и Черноморского побережья Кавказа, где, благодаря консервирующей роли горного ландшафта, стали самостоятельно развиваться их диалекты, которые к середине III тыс. до н.э. с большой степенью условности можно определить соответственно как абхазский (абазгийский), пехский и адыгский языки. В ту далекую эпоху убыхский (апёхский) язык, как нам представляется, был наи-

более архаичным и близким к хаттскому языку, чем современные абазинский, абхазский, адыгейский и кабардино-черкесские языки.

4. Положение о том, что северо-восток Малой Азии, Западный Кавказ и Прикубанье уже в IV-III тыс. до н.э. для абазин, абхазов, адыгов и убыхов являлись колыбелью их зарождения и процесса раннего этногенеза, не вызывает никаких сомнений. Это подтверждается естественными миграционными потоками с юга – со стороны Малой Азии и Ближнего Востока, откуда в глубокой древности сперва первобытные люди, потом – носители языка-основы абазин, абхазов, адыгов и убыхов проникли на Западный Кавказ и в Прикубанье. Об этом же свидетельствуют и реликтовые топонимы северо-восточного сектора Малой Азии, Западной Грузии и всего Черноморского побережья Кавказа абазино-абхазо-убыхо-адыгского происхождения.

Элементы их языка до сих пор ясно заметны в картвельских наименованиях Западной Грузии и Черноморского побережья Кавказа. Они установлены в сванском, мегрельском и лазском языках, а также в топонимике Большого Сочи.

5. Источники отмечают устойчивую локализацию убыхов в VI-XIX вв. между реками Шахе и Псоу Черноморского побережья Кавказа. Их численность очевидцами их жизни на исторической родине оценивалась по-разному, от 5 до 115 тыс. чел. Однако, учитывая официально учтенных в 1864 г. убыхов в 74567 душ и их потери во время последних 9-10 лет Кавказской войны и естественную убыль из-за нескольких голодных зим и массовых заболеваний населения, имевших место в этот период, более правдоподобной считаем их численность в середине 50-х годов XIX в. в 99-100 тыс. чел.

1.2. Основные черты культуры убыхов

В источниках не так много свидетельств о хозяйстве убыхов. Все они в основном относятся к XIX в. Тем не менее, они дают определенное представление о характере их занятий. Одной из традиционных отраслей хозяйствования убыхов, как и абазин, абхазов и адыгов, с древнейших времен были земледелие и скотоводство³⁴. Известные как малоазийские племена, они не изменили этим

занятиям и на Черноморском побережье Кавказа. Здесь на протяжении веков у них выработались свои системы земледелия и скотоводства, совершенствовались предметы и орудия труда.

Система земледелия убыхов была обусловлена рельефом местности, наличием плодородных и удобных земель для возделывания сельскохозяйственных культур. Их в местах проживания убыхов было крайне мало, да и почва немногочисленных полян бедна элементами питания, а плодородный слой на лучших из них незначителен. В виду ограниченности относительно ровных угодий под распашку, небольшие по размеру участки для возделывания сельскохозяйственных культур были разбросаны по всей убыхской территории, использовались и склоновые земли. В.Д. Скорятин в 1862 г. писал, что на побережье "не видишь ни одного клочка земли, доступного к обработке, который оставался бы в запущении. Горы изрезаны до самых вершин шахматами пашни"³⁵.

Для возделывания сельскохозяйственных культур, ведения садоводства и виноградарства в горных условиях они часто использовали террасную систему земледелия, а для получения стабильных урожаев – орошение, где это было возможно, а также применялись местные удобрения (перепревший навоз, помет и зола). Склоны приходилось очищать от древесной растительности и камней, устраивать из них ограждения, каналы для отвода поверхностных вод с целью сохранения плодородного слоя от смыва. Устраивались также искусственные каналы орошения³⁶.

Учитывая условия местности, убыхи земледелием занимались все же больше на побережье. В горной зоне и средней полосе разводились сады, возделывалось в основном просо, на ограниченных площадях выращивались ячмень, овес, пшеница, кукуруза. В 6-10-километровой зоне вдоль прибрежной полосы, кроме указанных культур, в большом количестве имелись посадки фруктовых деревьев, винограда, в достатке выращивались лук, чеснок, красный перец, свекла, тыква, репа, капуста, огурцы и т.д. Население верхней (горной) Убыхии свои фрукты, мед и другую продукцию животного происхождения

обычно обменивало на недостающий хлеб, огородную и другую продукцию, производимую жителями побережья³⁷.

Для обработки земли население горной зоны пользовалось мотыгами и другими ручными орудиями труда. Ими применялась также плоская дугообразная легкая соха с короткими, почти перпендикулярными ручками, деревянные бороны для рыхления и выравнивания почвы после пахоты. В качестве тягловой силы чаще всего использовались волы³⁸. В прибрежной же зоне, где почва была более плодородной и мощной, обычно применялся более тяжелый плуг с железными элементами типа имеретинской – "киви"³⁹.

Убыхи славились своими садами и виноградниками. Т. Лапинский писал: "В Убыхии вырабатывают много вина, которое очень крепко и вкусом сходно с вином греческих островов. Все виды фруктовых деревьев произрастают очень хорошо, и, хотя на них затрачивается сравнительно мало труда, здесь можно найти все сорта хороших фруктов"⁴⁰. Другие очевидцы отмечали, что их селения "тонут в зелени садов и рощиц", в них растут каштаны, орехи, яблони, груши, вишни, черешни, персики, айва, хурма, тутовники и виноград⁴¹. О глубоком знании убыхами передовых на то время приемов садоводства говорит тот факт, что они "производили высокие сорта нежных плодов"⁴², одни фрукты отличались сочностью и величиной, другие – продолжительной сохранностью⁴³.

Были очевидцы хозяйства убыхов и иных взглядов, которые горцев считали ленивыми, а уровень их земледелия и животноводства – отсталыми⁴⁴. Их было единицы, и чаще всего этим они оправдывали последствия Кавказской войны, длительное запустение земель, неспособность новопоселенцев понять технологию ведения земледелия, ухода за садами и виноградниками в горных условиях⁴⁵. Большинство же очевидцев жизни убыхов на исторической родине отмечали высокую культуру ведения ими хозяйства. Англичанин Э. Спенсер писал, что "вид страны и населения превзошел самое пылкое мое воображение". Вместо пустыни, населенной дикарями, он нашел здесь непрерывные ряды обработанных холмов, почти ни одного клочка земли некультивированного, коттеджи с изящными верандами, фермами, фруктовыми садами, которые ука-

зывали на то, что их обладатели были постоянно обеспечены всем необходимым для жизни⁴⁶.

Главной отраслью экономики убыхов, в особенности верхней Убыхии, было животноводство. Э. Спенсер, неоднократно посещавший убыхские поселения, заметил: "... огромные стада коз, овец, лошадей и быков бродили в разных направлениях по колено в траве"⁴⁷. О большом значении скота у убыхов, а также у других этнических групп (абазин, абхазов и адыгов), говорит то обстоятельство, что у них крупный и мелкий рогатый скот и лошади всегда были мерой товарообмена, "денежной единицей" при расчетах за невесту, за какие-либо другие услуги и штрафы, налагаемые судом по обычаям⁴⁸. Поэтому бедным считался тот горец, который имел не более десятка крупного рогатого скота, пару лошадей и менее тридцати овец и коз⁴⁹. Из-за многочисленности стад овец, коров, быков и табунов лошадей, о наличии которых упоминают авторы XIX в.⁵⁰, убыхам не хватало своих пастбищных угодий и они вынуждены были обращаться к своим соседям абадзехам и абазинам за разрешением выпаса своего скота на их землях. Большие стада скота убыхи перегоняли на северные склоны через два перевала в верховьях реки Шахе – Черкесский, ведущий в местность Тубы, и Белореченский, через который можно было попасть на пастбищные земли бассейна реки Ходзь, левого притока р. Лабы⁵¹.

Среди убыхов, как и у абазин, абхазов и адыгов, относительно широко было развито бортничество и пасечное пчеловодство – одно из древнейших занятий⁵². Практически все античные авторы отмечали, что среди населения восточного побережья Черного моря были распространены эти отрасли хозяйства⁵³.

Охотой горцы Северо-Западного Кавказа занимались меньше всего. Равнодушны были они и к рыболовству, хотя в море и в горных реках всегда в достатке водилась разная рыба. Охотой занимались лишь отдельные люди, которые в основном вели торговлю мехом и шкурами зверей⁵⁴.

У убыхов издавна были развиты различные домашние промыслы и ремесла. Эти отрасли домашнего хозяйства были непосредственным образом свя-

заны с ведением натурального хозяйства, использованием многих продуктов переработки не только в пищу, но и для хозяйственных нужд – изготовления обуви, одежды и для реализации их в обмен на необходимые товары⁵⁵.

Домашний промысел убыхов включал в себя и изготовление изделий из дерева: арб, арчаков для седел, домашней посуды и другой утвари, сельскохозяйственных орудий – сох, борон, вил, граблей и т.п.⁵⁶

Убыхи занимались не только земледелием, животноводством и виноделием. Относительно соседей у них лучше были развиты металлургия, кузнечное дело и производство оружия. В связи с этим С. Духовский, офицер царской армии, признал: "Нигде промышленность и благодеяние не были развиты в городах в такой степени, как у убыхов, живших на Вардане"⁵⁷. Убыхи были отличными кузнецами и оружейниками, изготавливали прочную кольчугу, хорошего качества мечи, кинжалы и огнестрельное оружие, а порох добывали в здешней стране из селитры, которую вырабатывали из растений⁵⁸. С. Смоленский в 1874 г. в своих воспоминаниях указывал: "Винтовки и шашки их (убыхов) изделия имели высокую цену по своему достоинству и славились на всем Западном Кавказе"⁵⁹.

В отличие от соседей, убыхи более успешно занимались и шелководством. По этому поводу Г. Новицкий в 1829 году заметил: "В последнее время... на землях смежных с абазинцами..., убыхи и гуае приучились разводить оных (шелковичных червей. – М.К.) и добывать из них в малом количестве шелка для собственного употребления"⁶⁰.

Все же надо заметить, что все эти промыслы и производства у убыхов не поднялись выше кустарного. Как свидетельствуют источники, попытки организовать мелкие предприятия были, но они не увенчались успехом. Например, турецкие лесоторговцы, вывозившие деловой лес с убыхо-джигетского побережья, построили лесопильное предприятие на р. Багрипш, но оно было настолько технически несовершенным, что не давало необходимого эффекта⁶¹. Убыхи больше всех вели морскую торговлю с Турцией. Турецкие купцы на так называемых кочермах (легких парусных судах) приставали к стоянкам в устьях рек

Субешх, Хобза, Вардане, Псахе, Сочи и Хамыш. Они привозили соль, разные ткани, железо, оружие, порох, свинец⁶². Убыхи продавали им мед, воск, строевой лес (бук, орех, самшит), шкуры диких и домашних животных, овчину, кукурузу⁶³. Главной же статьей экспорта убыхов были девушки для гаремов и приобретенные рабы. Убыхи занимались работорговлей больше, чем остальные народы Черноморского побережья Кавказа. "Убыхи, - подчеркивал Т. Лапинский, - у которых имеется самое большое количество рабов, поставляют самый значительный контингент в гаремы Константинополя и благодаря этой торговле имеют самые большие связи с турками..."⁶⁴

Вплоть до выселения горцев Черноморского побережья в Убыхии, как и у соседей, фактически отсутствовали дороги. По этому поводу очевидец отмечал: "Дорог и путей, собственно, нет... В равнинах там и сям есть дороги, по которым с большим трудом могут продвигаться отдельные телеги, в горах и это не возможно. Связь поддерживается узкими пешеходными тропинками, на которых европеец-пешеход и неместная лошадь могли бы сломать себе шею, в то время как абазская лошадь проходит там с полной уверенностью"⁶⁵.

В некоторых исторических документах XIX в. содержатся сведения о способах мостостроения у убыхов. Чаще всего переправа через многочисленные реки и их притоки убыхи совершали вброд. Но в ряде мест ими были сооружены примитивные мосты⁶⁶.

Рельеф местности и острый недостаток удобных для жизни земель в значительной мере повлиял на характер поселений убыхов. В источниках мало сведений о них. Однако и те немногие факты, что зафиксировали очевидцы, позволяют восстановить картину убыхских поселений.

В прибрежной части Убыхии, возле устьев и в бассейнах значительных рек Шахе, Дагомыс, Псахе, Сочи и Хоста, где имелись широкие поляны, преобладали поселения, которые условно можно назвать аулами приречного типа (по классификации Витова М.В.). Действительно, когда речь идет об убыхских поселениях, в литературе XIX в. встречаются термины "аул" – "село", например, аул Мытыхуаса, аул Бабуково, село Зенги и т.д.⁶⁷ Но дело в том, что термины

аул, село, деревня и смысл, который мы обычно вкладываем в них, совершенно не подходят к характеру убыхских поселений. Даже в прибрежной полосе (6-10 км зоне от берега моря), где имелись относительно значительные пространства, удобные для поселений, домовладения отстояли друг от друга на приличном расстоянии и располагались в лесу⁶⁸. Сумма таких домовладений в одной местности в исторической литературе было принято называть аулом, селом, обществом⁶⁹. Ю. Клапрот отмечал, что убыхи "не живут в деревнях, но рассеяны в лесу, по три-четыре дома"⁷⁰.

Обследования убыхской территории, проведенные специально созданными в 1866 и 1896 гг. комиссиями, подтвердили, что действительно в приморской части поселения убыхов представляли собой тип многодворных селений⁷¹, упоминающихся в исторической литературе как аулы или общества. Сведения из источников об убыхских усадьбах и жилищах, их внутреннем убранстве также скучны, как и о поселениях. В отчете комиссии, побывавшей на убыхской земле в 1866 г., есть сведения о том, что жилища убыхов "были построены из хвороста и смазаны глиною"⁷². А. Фонвиль оставил также следующее упоминание о кунацкой Измаил-Бея, который представлял из себя "земляной пол, стены из глины, крыша, покрытая дырявыми планками, сквозь которые можно было считать звезды на небе"⁷³.

Побывавший среди убыхов на 25 лет раньше, чем А. Фонвиль, Дж. Белл довольно подробно описал внутреннее убранство жилья одного из знатных убыхов на Вардане: "Моя комната имеет в длину около 30 футов и в ширину 12 футов, во всем остальном она однородна той, что я занимал в Субеше... Имеет маленькое, хотя и без стекла, окно, которое можно закрывать ставней, диван расположен как раз вдоль одной из стен комнаты, в непосредственной близости от очага. Стены над диваном покрыты циновками прекрасной работы. Вокруг комнаты, по ее стенам – ряд тесно расположенных деревянных колышков для того, чтобы вешать на него оружие гостей. На диване – одна из самых лучших циновок и снабжен он подушками, покрытыми темного цвета шелком, и моя постель, приготовленная на этом диване, оказалась прошлой ночью безукориз-

ненной. У меня были мягкий матрац, обшитый по краям бархатом, бархатные подушки, стеганное шелковое одеяло и, что лучше всего, чистые белые простыни"⁷⁴.

Из поля зрения ряда очевидцев не ускользнула и разница в строениях дворян и родовых общинников. Дома первых отличались более внушительными размерами и богатой внутренней обстановкой. П. Невский, посетивший в 1864 г., сразу после изгнания убыхов в Турцию, аул Хаджи Бабуко Берзека (Бабуковский аул в верховьях р. Шахе), описывает его домовладение следующим образом: "В ряду... хижин возвышается новый, двухэтажный, деревянный дом с тесовою крышей... В верхнем этаже... находились комнаты князя, оклеенные дешевыми разнокалиберными обоями; в спальной стояла железная широкая кровать с балдахином, увенчанным короной. Комнаты освещались окнами, в которые вставлены были рамы со стеклами. Вокруг верхнего этажа устроена галерея, в нижнем – конюшни и кладовая"⁷⁵. Жилые дома рядовых общинников, как отмечается в ряде источников, были лишь одноэтажными, чаще всего одно – редко двухкамерные, стены из плетенки, обмазанные глиной, окна без стекол, в лучшем случае – со ставнями, кровля из папоротника или жердей, накрытых ветками и соломой, с открытым очагом посреди комнаты или в углу⁷⁶. О характере хозяйственных построек убыхов фактически нет никаких подробных сведений, за исключением краткого упоминания И.О. Орехова о хлебном амбаре на столбах негноя и овчерьем загоне, выстроенном из теса и крытом им же⁷⁷.

Сведений об одежде убыхов, отличном от одежды их соседей, нет⁷⁸. Они быть и не могли, так как форма одежды всех приморских абазино-абхазо-убыхо-адыгов, как одного этнокультурного мира, формировалась и развивалась под влиянием одних и тех же национальных традиций, временных, технологических, природных, цивилизационных и многих других внутренних и внешних факторов.

Пища, перечень и качество блюд убыхов практически ничем особенным не отличались от традиционной национальной кухни соседей – горных и при-

черноморских абазин, абхазов и адыгов. О структуре, обилии и особенностях питания убыхов писали многие очевидцы⁷⁹. Один из них, кроме всего прочего, заметил одну очень важную особенность у приморских горцев: "Пища абазов лучше и обильнее, чем у крестьян большей части Европы, и ее главное достоинство – это чистота, с которой приготавливаются кушанья. Хлеба выпекаются мало, и его заменяет любимая шва – паста – круто сваренная просяная каша или, за недостатком ее, каша из кукурузы. ...У богатых людей часто подается 20-30 кушаний"⁸⁰.

Фольклор убыхов в XIX в. был представлен в основном устным народным творчеством, танцами и песнями. Заметное место в фольклоре убыхов занимал древний героический эпос "Нарты". К сожалению, нартские сказания убыхов никому не удалось восстановить целиком. Однако из коротких сюжетов, записанных Г. Фогтом, Ж. Дюмезилем и А. Намитоком у турецких убыхов, можно сделать вывод, что убыхские нартские сказания являются эквивалентами соответствующих преданий абазин, абхазов, адыгов, осетин и др. О широком спектре мироощущения, об удивительном совпадении мотивов рассказов и волшебных сказок, приемов их подачи и словесных формул в них с аналогичным устным народным творчеством абазино-абхазо-адыгов свидетельствуют многие убыхские народные изустные произведения: "Обманутый обманщик", "Красногрудка", "Смерть Саусеруко", "Кусэкух", "Человек, решивший стать несчастным в молодости", "Три совета", "Честный врач", "Юноша, научившийся понимать язык животных" и другие⁸¹. Собственно убыхскими, записанными еще на их исторической родине, являются легенды о кладе у старинных руин на Сукукхе, о субешхском змееборце Mago (она сохранилась до настоящего времени у шапсугов, живущих в с. Большой Кичмай недалеко от устья р. Шахе) и о спящей красавице. Последняя легенда напоминает мотив Прометея⁸².

Свое миропонимание, отношение к добру и злу, подвигу и измене, красоте и уродливым явлениям в жизни убыхи ярко выражали в своих песнях, танцах. Наряду с песнями смешными, с песнями о любви, у убыхов было немало песен, воспевающих мужество и подвиги героев. Причем, новые песни появля-

лись сразу после какого-либо сражения или подвига, совершенного кем-либо. "Каждое сражение, каждая крепость, каждое радостное или печальное событие прославляется песней. И как следуют друг за другом события, так следуют друг за другом и песни, вытесняя и стирая одну другую, так как они никогда не записываются" – писал Ф. Боденштедт⁸³. Он же записал одну из убыхских песен, которая называлась "Песнь о Мураде". К сожалению, привести текст песни нет возможности, она заняла бы восемь страниц и отражает широкий спектр действительности жизни убыхов в то время. С нею можно ознакомиться в указанном источнике. Мы же хотим отметить следующее. В этой песне, кроме самого характера убыхской песни, можно заметить три обычая убыхов: 1) они никогда и не при каких обстоятельствах на поле боя или в руках врага не оставляли тела убитых; 2) всякое важное собрание устраивали в священных местах: у культовых деревьев, священных камней, кузниц и т.д.; 3) большие и малые собрания, совещания старейшин проводили стоя в кругу, сидеть могли лишь несколько уважаемых старцев.

У убыхов с незапамятных времен установилась традиция устраивать "ночное сиденье" возле постели больного или раненного в бою воина, во время которого "сидельщики" рассказывали всякие сказки, шутили, пели, танцевали, проводили разные розыгрыши, чтобы облегчить участь страдавшего. Эта традиция у убыхов носила название "чапша"⁸⁴, как и у абазин – "Чапщара", у абхазов – "ачапшьара", что является дополнительным подтверждением факта, что эти народы говорили на одном языке. Даже песенный рефрен у этих народов один и тот же: уа-райда, уа-ра, уа-райд-ра, иа-уара-да⁸⁵.

Любое торжественное событие у убыхов не обходилось без танцев, песен в сопровождении национальных музыкальных инструментов. А. Фонвиль, Дж. Белл, Т. Лапинский и другие оставили нам практически одинаковые описания их праздников, песен и танцев⁸⁶. В их описаниях современному знатоку хореографии нетрудно угадать пляски под названиями: "Свадебный танец", "Молодежный танец", "Девичий танец", абазинский танец "К'ивашара" или адыгский – "Уыджъ". Убыхи, несомненно, пели и танцевали под аккомпанемент нацио-

нальных музыкальных инструментов. Однако в источниках нет прямых указаний о них. Вместе с тем, не могло быть так, что у их соседей – абазин, абхазов и адыгов были гобой, арфа, флейта, двух- и трехструнные скрипки, деревянные трещотки и т.п., о которых имеется ряд сведений, а у убыхов их не было. В едином этнокультурном пространстве обычно такого не бывает. О наличии, к примеру, у убыхов и черкесов вида гобоя, а также флейты и двухструнной скрипки указывает Дж. Белл⁸⁷.

Все свадьбы убыхов, равно как и любые другие торжества, сопровождались скачками и военными играми молодых людей. Скачки обычно проводились не только с целью выявить лучшую лошадь, но и со стрельбой на меткость на полном скаку. Иногда они устраивались для выявления лучшего джигита, достойного руки одной из красавиц. В таких случаях предметом состязаний молодых всадников становился зеленый флаг или девичий платок⁸⁸.

Народными играми заканчивали убыхи даже религиозные праздники. Очевидец одного из религиозных праздников писал: "Моление заканчивалось общей трапезой, для которой каждый приносил еду. Тут же резали быков и ягнят для общего стола. Празднество оканчивалось плясками и военными играми"⁸⁹.

Убыхи, как и их соседи, в домашних условиях изготавливали всю свою одежду и домашнюю утварь, а также вооружение, и часто вся эта продукция орнаментировалась⁹⁰. Отдельные элементы предметов чеканились. Женщины и девушки занимались золотым шитьем, украшением кожи и ткани аппликациями. Но, к сожалению, никто из очевидцев не описал характер и формы убыхских орнаментов⁹¹.

Важной составляющей духовной культуры убыхов являлась религия. Официальные российские источники XIX в. считали убыхов мусульманами суннитского толка⁹². Те же источники свидетельствуют, что они следовали и некоторым христианским обрядам⁹³. Вместе с тем немало документов говорят о приверженности основной массы убыхов своим древним верованиям⁹⁴. Все это обязывает любого исследователя к осторожным оценкам, когда речь идет о ре-

лигиозных предпочтениях убыхов в XIX в. О том, что простой убыхский народ, в отличие от знати, не имел никаких представлений о христианстве и об исламе, свидетельствуют многие. Очевидец писал про убыхов: "Называясь мусульманами, они мало знакомы с догматами этой веры, многие не исполняют ее обрядов и придерживаются более или менее прежних верований. От язычества остались у них: поклонение священным рощам, жертвоприношения и некоторые праздники"⁹⁵.

В источниках содержатся довольно противоречивые и скучные данные об устройстве убыхского общества. Тем не менее, некоторым исследователям (А. Фадеев, Л. Лавров, Ш.Д. Инал-ипа и др.) удалось извлечь из разных архивных документов отрывочные сведения и восстановить в общих чертах картину общественных и семейных отношений убыхов.

Убыхи, как известно, свергли власть князей в конце XVIII в., и форма управления обществом стала демократической⁹⁶, основанной на обычном праве – адате. К началу XIX в. убыхское общество состояло из четырех сословий: рабов, зависимых (крепостных, посаженных на землю) крестьян, свободных общинников (крестьян) и знати – дворян, князей. Каждому из этих сословных названий в убыхском языке были свои термины: князья – ах, аха (ср. абх.-абаз. – ах, аха); дворяне – къуашхъа; свободные общинники (крестьяне) – вагъышв; зависимые крестьяне (крепостные) – геры (ср. абаз. – агрыуа); раб (мужчина) – арап, рабыня – хъалайк (ср. абх. – ахулак)⁹⁷. Эти сословные термины в языке убыхов зародились одновременно с возникновением соответствующей социально-экономической формации, и было бы несерьезно отрицать наличие у убыхов в XIX в. феодальных отношений с вытекающими отсюда формами взаимоотношений собственности и управления обществом⁹⁸. Другое дело, что нельзя отрицать и тот факт, что в XIX в. у убыхов действительно были еще сильны пережиточные формы патриархально-родового строя⁹⁹. В литературе XIX в. немало фактов, свидетельствующих о существовании у убыхов того времени обычая экзогамии, трудовой взаимопомощи, кровной мести, непрере-

каемого уважения к старшим, бесправного положения женщин, умыкания невест, атальчества, усыновления чужеродцев и т.д.¹⁰⁰

Высшей общественно-экономической организацией убыхов, наряду с развитием феодальных форм, в XIX в. оставалась сельская община, а органом управления общиной – собрание взрослых мужчин, а в ряде случаев – совет старейшин, на которых обсуждались вопросы войны и мира, важные экономические проблемы, избирались члены совета старейшин и разрешались судебные дела по адату. Обычно собрания общины и заседания старейшин происходили у культовых мест (священные рощи, кузницы, позже с введением норм ислама – в мечетях)¹⁰¹. Общинами, советами старейшин руководили всегда выборные старейшины из числа прежде всего знати, а где их не было – из числа авторитетных воинов или старейшин¹⁰².

Поскольку рамки нашего исследования крайне ограничены, остановимся на кратком изложении других моментов общественных и семейных отношений убыхов, их обычаев и традиций. Бывшие убыхские князья, в том числе дворяне, в отличие от абазинской, абхазской и адыгской (кабардинцев, темиргоевцев, бесленеевцев, бжедугов) знати, признавались народом и последние подчинялись им ровно настолько, насколько был высок их личный авторитет. У других народов власть знати держалась преимущественно на "палочной системе" и беспощадной эксплуатации. В отличие от домашних рабов и крепостных других народов убыхские, как сообщают источники XIX в., были вооружены¹⁰³, могли с владельцем вместе за общим столом принимать пищу, без их согласия они не могли быть проданы (переданы, обменены) другому владельцу, сами же имели право перехода к другому хозяину и т.д.¹⁰⁴ Все это свидетельствует о демократических началах в отношениях с домашними рабами и крепостными ("посаженными на землю").

Основную массу убыхского населения составляли свободные крестьяне (вагъышв), т.е. свободные общинники. Они имели свою землю, вели самостоятельно хозяйство, многие занимались торговлей. Источники особенно выделяют из убыхской знати представителей двух фамилий – Берзек и Дишан (Дэчэн).

Первые жили в Верхней Убыхии, в обществе Субешх (р. Шахе), на Дагомысе и недалеко от устья р. Сочи, вторые – в устье р. Бзыч (приток р. Шахе). Кроме них влиятельными фамилиями были: Аблагу (на р. Сочи), Чызымогуа (на р. Псахе), Дзепш (на рр. Вардане и Лоо) и Хамыш (на р. Хоста). К числу влиятельных, но не дворянских фамилий относились Дизаа (Диже?) на р. Буу¹⁰⁵.

Многие очевидцы жизни горцев Северо-Западного Кавказа выражали свое удивление тем, что местные народы, не имея над собой единого централизованного государственного управления (за исключением Абхазского царства), были весьма высоко самоорганизованы¹⁰⁶. У убыхов все более или менее значительные вопросы войны и мира решались на собраниях или съездах народа, внутриродовые проблемы – на сходах рода или на совете старейшин. Все их решения исполнялись безоговорочно¹⁰⁷.

Семейные отношения убыхов практически ничем не отличались от абаинских, абхазских и адыгских. В источниках XIX в. не так много сведений о семье и семейном быте убыхов. По Т. Лапинскому, в каждом убыхском дворе проживало в среднем 25 душ обоего пола¹⁰⁸. "В одном фамильном дворе (юнэ) живут, - писал он, - кроме родителей, все их женатые и неженатые сыновья и незамужние дочери"¹⁰⁹. Из этого можно заключить, что в середине XIX в. убыхские семьи были большесемейными. Глава семьи обладал неограниченной властью. В убыхской семье, как и во всех западно-кавказских семьях, существовала строгая половозрастная иерархия¹¹⁰, все члены семьи подчинялись главе, младшие – старшим, женщины – мужчинам. Только глава семьи мог распоряжаться имуществом, отчуждать собственность, решать проблемы раздела семьи, выделять женатых и т.д. Из братьев особое положение имел старший, он же был преемником отца. Среди женщин старшей в семье всегда была мать, без ее ведома ни дочери, ни невестки не могли распоряжаться чем-либо. После смерти матери семейства старшинство среди женщин переходило обычно не к ее старшей дочери, а к жене старшего по возрасту сына. Все члены большой убыхской семьи жили в общем дворе¹¹¹.

К воспитанию детей в убыхской семье подходили строго, согласно веками выработанному этикету. Детей за какое-либо озорство не принято было бить. Среди них речь не могла идти о каком-либо непослушании старшим, родителям или старикам в особенности¹¹². Очевидцы отмечали, что девушки до замужества не были загружены домашним хозяйством, они были освобождены от тяжелых полевых и домашних работ. Это касалось как богатых, так и бедных семейств. Их самая сложная работа ограничивалась шитьем, вязанием и другими видами рукоделия¹¹³. Особое отношение в убыхской семье было к мальчикам. Как в богатой, так и в бедной семье его в первую очередь учили ездить верхом на лошади, владеть оружием: кинжалом, мечом, луком, пистолетом, ружьем. Подростки вместе со взрослыми принимали участие в работах на поле, в лесу и нередко принимали участие в военных набегах. Мальчиков из богатых семей обычно воспитывали атальки¹¹⁴.

У убыхов, как и у других народов Кавказа, широко были развиты, кроме атальчества, и другие формы этнокультурных контактов: обычай гостеприимства, куначества, патроната, усыновления, побратимства и т.д.

Основные начала гражданского и уголовного права убыхов состояли из нескольких десятков неписанных положений. Судопроизводство вели, как правило, определенное число старейшин, выбранных со стороны ответчика и со стороны истца. От этих сторон выдвигались по одному лицу – в качестве обвинителя и в качестве адвоката. Решение такого суда (присяжных), как правило, выполнялось незамедлительно. Судебные решения принимались всегда в виде штрафов и пени по обычному праву¹¹⁵.

Суды обычно накладывали штрафы, пени, но никогда не выносили смертных приговоров, в т.ч. за убийство. В одном из источников отмечается, что если такое решение и принималось, то преступника обвещивали камнями и бросали в море или реку. В.Д. Скорятин зафиксировал случай, когда убыхи сами не хотели казнить преступника, который убил своего отца. Убийцу они привели царскому военачальнику и просили его сослать в Сибирь¹¹⁶.

Необходимость добычи источников существования, защиты себя и семьи, собственности, участие в походах и постоянные угрозы извне в течение многих столетий выработали в убыхском обществе свою систему военной организации¹¹⁷.

Военным и морским грабежом, в частности, они занимались с давних времен. Еще Страбон, как и ряд других античных авторов, отмечал, что народности, населяющие Черноморское побережье Кавказа, живут морским разбоем, для чего у них есть небольшие, узкие и легкие лодки; у греков они называются "камарами"¹¹⁸. Морским пиратством убыхи не прекращали заниматься вплоть до середины XIX в. "Эти необузданные варвары, – писал о них И.Ф. Бларамберг, – нападают иногда на торговые суда, которых задерживает в море безветрие на этих широтах"¹¹⁹.

Убыхи совершали военные походы не только на северокавказские земли. Они были частыми "гостями" у абхазов, мегрелов, имеретин. Дж. Белл в своем дневнике отмечал: "В свои ранние годы он (речь о Хаджи Берзеке. – М.К.) прослыл одним из самых бесстрашных людей в своей общине и среди воинских подвигов, в которых он участвовал, есть многочисленные грабительские походы в Менгрелию и Имеретию. Говорили даже, что он знает названия всех деревень в этой части Грузии"¹²⁰.

Убыхи необычным образом извещали родственников об убитых и взятых в плен. Один из участников похода приближался к сакле убитого или взятого в плен, становился на самое высокое место, вызывал кого-либо из семейства и спрашивал – возвратился ли домой такой-то? Это было сигналом о гибели или плене отца или сына¹²¹.

Таким образом, характеризуя культуру и быт убыхов первой половины XIX века, можно сделать следующие выводы: 1) экономика убыхов представляла собой натуральное хозяйство, ее основу составляли земледелие, скотоводство, садоводство, виноградарство, бортничество, в меньшей степени – охота, рыболовство и собирательство диких плодов (каштанов, орехов и т.д.); 2) относительно были развиты домашние промыслы и ремесла, из которых кузнечное

дело поднялось до уровня кустарного производства, позволявшего торговать определенными видами изделий с соседями, в основном вооружением, но не было производств, работавших на внешний заморский рынок; 3) основными статьями доходов внешней торговли были мед, воск, кожа, лес, рабы; 4) отсутствовали хорошие колесные дороги и регулярное транспортное сообщение как внутри территории, так и с внешним миром; 5) материальная и духовная культуры были идентичны с культурой соседей – абазин, абхазов и адыгов; 6) общественный строй представлял собой выраженный феодальный строй с демократическими принципами, без централизованной власти, все общественные и судебные вопросы решались народными собраниями и судами по обычному горскому праву; 7) семейный быт и нравственные устои регулировались выработанными столетиями обычаями и традициями; 8) религия была изначальной, почитались священные места (рощи, кузницы и т.п.), различные божества, хотя в некоторых случаях они были смешаны с традициями христианства и ислама.

Примечания:

- ¹ Бетрозов Р.Ж. Происхождение и этнокультурные связи адыгов. — Нальчик, 1991. — С. 4-7.
- ² Воронов Ю.Н. Абхазы — кто они? (Экспресс- очерк). — Гагра, 1993. — С.7.
- ³ Там же. — С. 7-8; Инал-ипа Ш.Д. Вопросы этнокультурной истории абахазов. — Сухум, 1976. — С. 51.
- ⁴ Воронов Ю.Н. Указ. соч. — С. 8-9; Федоров Я.А. Историческая этнография Северного Кавказа. — М., 1983. — С. 27-31, 40-41, 53-56.
- ⁵ Воронов Ю.Н. Указ. соч. — С. 8-9; Бетрозов Р.Ж. Указ. соч. — С. 48-78.
- ⁶ Ардзинба В.Г. Ритуалы и мифы древней Анатолии. — М., 1982; Он же. О некоторых новых результатах в исследовании истории, языков и культуры древней Анатолии // Послесловие к кн.: Маккуин Дж.Г. Хетты и их современники в Малой Азии. — М., 1983; Джапаридзе О.М. К этнической истории грузинских племен. — Тбилиси, 1976; Меликишвили Г.А. К изучению древней восточноалоазийской этнографии // ВДИ. — 1962. — № 1; Он же. К истории Древней Грузии. — Тбилиси, 1959. Он же. Возникновение Хеттского

царства и проблема древнейшего населения Закавказья и Малой Азии // ВДИ. — 1965. — № 1.

⁷ Воронов Ю.Н. Указ. соч. — С. 8-9; Бетрзов Р.Ж. Указ. соч. — С. 140.

⁸ Абдушишвили М.Г. Антропология древнего и современного населения Грузии. — Тбилиси, 1964; Бунак В.В. Антропологический состав населения Кавказа // Вестник музея Грузии. — Т. XIII. — Тбилиси, 1947.

⁹ Инал-ипа Ш.Д. Указ. соч. — С. 117; Федоров Я.А. Указ. соч. — С. 28.

¹⁰ Федоров Я.А. Указ. соч. — С. 55-56; Соловьев Л.Н. Погребения дольменной культуры в Абхазии и прилегающей части Адлерского района // Труды АБИЯЛИ. — Т. XXXI. — Сухум, 1960. — С. 162-164.

¹¹ Гордезиани Р.В. Кавказ и проблема древнейших средиземноморских языковых и культурных взаимоотношений. — Тбилиси, 1975. — С. 8, 10; Иванов В.В. Об отношениях хаттского языка с северо-западно-кавказскими // Древняя Анатолия. — М., 1985. — С. 97-98.

¹² Бетрзов Р.Ж. Указ. соч.; Джапаридзе О.М. К этнической истории грузинских племен. — Тбилиси, 1976; Дьяконов И.М. Языки древней Передней Азии. — М., 1967.

¹³ Инал-ипа Ш.Д. Указ. соч. — С. 325; Шакрыл К.С. Некоторые лексические и звуковые соответствия в абхазо-адыгских языках. — Сухум, 1968. — С. 60.

¹⁴ Инал-ипа Ш.Д. Указ. соч. — С. 86.

¹⁵ Бетрзов Р.Ж. Указ. соч. — С. 75-76.

¹⁶ Джапаридзе О.М. Указ. соч. — С. 17-18; Дьяконов И.М. Указ. соч. — С. 176.

¹⁷ Старостин С.А. Культурная лексика в общесеверокавказском словарном фонде // Древняя Анатолия. — М., 1985. — С. 74-90.

¹⁸ Воронов Ю.Н. Указ. соч. — С. 8, 9; Бетрзов Р.Ж. Указ. соч. — С. 48-78.

¹⁹ Инал-ипа Ш.Д. Указ. соч. — С. 122, 123, 140.

²⁰ Там же. — С. 112, 126.

²¹ Дьяконов И.М. Указ. соч. — С. 13.

²² Федоров Я.А. О дольменной культуре Западного Кавказа и ее носителях // Вестник МГУ. — № 4. — 1974. — С. 79, 86, 93.

- ²³ Турчанинов Г.Ф. Открытие и дешифровка древней письменности Кавказа (середины III тыс. до н.э. — IV-V вв. н.э.). — М., 1999. — С. 19, 20, 25, 40.
- ²⁴ Там же. — С. 231-239.
- ²⁵ Там же. — С. 35.
- ²⁶ Меликишвили Г.А. К изучению древней восточномалоазийской этнонимики // ВДИ — № 1. — 1962. — С. 62-63.
- ²⁷ Прокопий из Кесарии. Война с готами. — СПб. — М., 1950. — С. 383; Псевдо-Ариан. Объезд Эвксинского Понта // ВДИ. — 1948. — № 4. — С. 662.
- ²⁸ Аутлев П.У. Адыгея в хронике событий (с древнейших времен до 1917 года). — Майкоп, 1990. — С. 18-19.
- ²⁹ РГВИА. — Ф. ВУА. — Д. 414. — Л. 36; Там же. — Ф. 90. — Оп. 1. — Д. 120. — Л. 2.
- ³⁰ Берже А.П. Выселение горцев с Кавказа // Эмиграция северокавказских народов в Османскую империю (вторая половина XIX — начало XX в.). Сб. ст. — Махачкала, 2000. — С. 9; Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII — начале XX века. — М., 1974. — С. 78.
- ³¹ РГВИА, ф. ВУА, д. 19256, л. 6 об.; Бларамберг И.Ф. Историческое, топографическое и военное описание Кавказа // АБКИЕА. Нальчик, 1974, с. 401; Лапинский Т. Горцы Кавказа и их освободительная война против русских. Нальчик, 1995, с. 80. Кроме указанных ими данных о численности убыхов (5 и 115 тыс. чел.), Новицкий считал, что их 9600 чел. (газ. «Тифл. Ведом.», 1829, №22) и 40 тыс. чел. (газ. «Кубанск. обл. ведом.», 1884, №38), Сталь - 10 тыс. чел. («Кавк. сб.», XXI, Тифл., 1900, с. 70), Торнау - 6 и 10,6 тыс. чел. («Восп. кавк. офиц.», ч. 1, М., 1864, с.114,116), Зубарев – 12 тыс. чел. («Руск. вестн.», 1848, №6, с.83), Дубровин – 19 и 25 тыс. чел. (Черкесы..., Краснодар, 1927, с. 22), Берже – 25 тыс. чел. («Кавк. календ. на 1858», с. 269) и 74,5 тыс. чел. («Русск. стар.», 1882, т.XXXIII, №1, с.163). Все эти данные, кроме последних А. Берже о количестве выселившихся убыхов, совершенно не правдивы и никакими расчетами не подкреплены. Исключение составляют сведения Т. Лапинского (115 тыс. чел.), который обосновал свои расчеты.
- ³² Берже А. Указ.соч. — С. 7.
- ³³ ЦГИАРГ. — Ф. 416. — Оп. 3. Д. 145. — Л. 3-4.
- ³⁴ Дюбуа де Монперэ. Путешествие вокруг Кавказа. — Сухум, 1937. — С. 88-90; Скорятин В.Д. Заметки о Кавказе // Отечественные записки. — 1862, май. — С. 313; АМИГС. — Ф. 2. — Д. 27. — Л. 47-48.

- ³⁵ Скорятин В.Д. Указ.соч. — С. 313; Орехов И.О. По южную сторону Западного Кавказа // ВС. — СПб., 1869. — № 12. — С. 343; Верещагин А.В. Путевые записки по Черноморскому округу. — М., 1874. — С. 63.
- ³⁶ Клинген Н. Основы хозяйства в Сочинском округе. — СПб., 1897. — С. 20-43.
- ³⁷ Скорятин В.Д. Указ. соч. — С. 313; Отчет комиссии по исследованию земель на северо-восточном берегу Черного моря, между Туапсе и Бзыбью // ЗКОСХ. — 1867. — № 5-6. — С. 134; Варгас де Бедемар Л. Записки об осмотре западного черноморского берега Закавказского края // ЗКОСХ. — № 3-4. — Тифлис, 1867. — С. 13.
- ³⁸ Лавров Л.И. Указ. соч. — С. 12.
- ³⁹ Инал-ипа Ш.Д. Страницы исторической этнографии абхазов. — Сухум, 1971. — С. 292.
- ⁴⁰ Лапинский Т. Указ. соч. — С. 55.
- ⁴¹ АМИГС. — Ф. 2. — Д. 27. — Л. 47; Скорятин В.Д. Указ. соч. — С. 313; Невский П. Кубанский край в 1864 году // «Кавказ». — Тифлис, 1868. — № 101. — С. 343-347; Клапрот Г.Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807-1808 гг. // АБКИЕА. — Нальчик, 1974. — С. 244.
- ⁴² Орехов И.О. Указ. соч. — С. 475-476.
- ⁴³ Лавров Л.И. Указ. соч. — С. 13.
- ⁴⁴ Лапинский Т. Указ. соч. — С. 58; Колюбакин. Взгляды на жизнь общественную и нравственную племен черкесских // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. — Т. 1 — Нальчик, 2001. — С. 217.
- ⁴⁵ АМИГС. — Ф. 2. — Д. 27. — Л. 1-65.
- ⁴⁶ Спенсер Э. Путешествие в Черкесию / Перевод Нефляшевой Н. — Майкоп, 1993. — С. 89-95.
- ⁴⁷ Там же. — С. 90.
- ⁴⁸ Месарош Ю. Язык пёкхи (на нем. яз.). — Чикаго, 1936. — С. 49.
- ⁴⁹ АМИГС. — Ф.2. — Д. 27. — Л. 47.

- ⁵⁰ Спенсер Э. Указ. соч. — С. 90.
- ⁵¹ АКАК. — Т. X. — Тифлис, 1885. — С. 633.
- ⁵² Лапинский Т. Указ. соч. — С. 59; Новицкий Г.В. Географическо-статистическое обозрение земли, населенной народом Адехе // Тифлисские ведомости. — 1829. — № 24.
- ⁵³ Страбон. География // ВДИ. — 1947. — № 4. — С. 305.
- ⁵⁴ Лапинский Т. Указ. соч. — С. 59; Новицкий Г.В. Указ. соч.
- ⁵⁵ Лапинский Т. Указ. соч.
- ⁵⁶ Там же. — С. 56, 57, 60.
- ⁵⁷ Духовский С. Материалы для описания войны в Западном Кавказе // ВС. — СПб., 1864. — № 11-12.
- ⁵⁸ Лапинский Т. Указ. соч. — С. 61.
- ⁵⁹ Смоленский С. Воспоминания кавказца // ВС. — 1874. — № 9. — 1875. — № № 5, 11.
- ⁶⁰ Верещагин А.В. Путевые заметки по Черноморскому округу. — М., 1874. — С. 98; Новицкий Г.В. Указ. соч.; Отчет комиссии... С. 40.
- ⁶¹ Аверкиев Ив. С северо-восточного побережья Черного моря // Газ. «Кавказ». — 1866. — № 76.
- ⁶² Аверкиев Ив. Указ. соч.; Орехов И.О. Указ. соч. — С. 153; Новицкий Г.В. Указ. соч. — № 23, 24.
- ⁶³ Лапинский Т. Указ. соч. — С. 65; Сталь К.Ф. Этнографический очерк черкесского народа // КС. — Тифлис, 1900. — Т. XXI. — С. 97; Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. — Т. I. — Екатеринодар, 1910. — С. 321, 322; Лавров Т.И. Указ. соч. — С. 15.
- ⁶⁴ Лапинский Т. Указ. соч. — С. 106, 108.
- ⁶⁵ Там же. — С. 53; АМИГС. — Ф. 2. — Д. 27. — Л. 21, 27, 33, 38, 39, 43, 44.
- ⁶⁶ Орехов И.О. Указ. соч. — № 11. — С. 175-176.
- ⁶⁷ В литературе 19 в. встречается деление убыхской земли на несколько независимых сельских обществ: от трех (Вардане, Саше и Убых) до семи (Субешх, Хизе, Вардане, Псахе, Саше, Хоста и Убых). Субешх располагался в низовьях р.Шахе, главное село из 150-200 дворов находилось в 3-х км. от берега

моря, большинство сел вплоть до верховьев р. Шахе принадлежало роду Берзек. Далее по берегу моря, к юго-востоку, располагались аулы общества Хизе (с сельскими общинами Хобза и Пшогия) по долинам рек: Осакай, Хаджипс (Якорная щель), Буу, Детляшха, Беранда; здесь наиболее значительным считался аул рода Дизаа (Диже), состоял из 200 дворов, располагался на р. Буу. От р. Беранда и до водораздельного хребта р. Псахе размещались аулы самого крупного общества Вардане по бассейнам рр. Хобзы, Лоо (село Дзепиш – **Исмаила Баракая Дзепиш**, убыхского дипломата, руководителя адыго-убыхской делегации в Англию, состояло из 150-200 дворов), Ниже, Легутей и Дагомыс (село Фагуа, имевшее около 800 дворов, тянулось по долине этой реки на 18 км.). В верховьях долины р. Дагомыс находился аул **Хаджи Керентуха Берзека** из 350 дворов. Далее к юго-востоку от Дагомыса до водораздела р. Сочи лежало общество Псахе, состояло из нескольких аулов (**Чизымогуа, Чизма, Мамай** и др.) объединявших около 500 дворов, принадлежали роду **Чизымогуа**. Далее следовало общество Саше, аулы располагались по долинам рр. Сочи, Бзугу, Цаник, Мацеста, Агура. В устье р. Соча находился крупный аул из 700 дворов **Аубла Ахмета**; в верховьях этой реки, на левом берегу, в долинах ее притоков, вытекающих из хребта Алек, находились аулы Архшна-аху, Дегумуко, Чехашк и др., принадлежавшие так же роду Берзек (Хасану, Сааткерию, Джембулату и др.). Еще одно большое село, принадлежавшее обществу Саше, находилось у истоков р. Мацеста, переименованное в советское время в с. Абазинка. По побережью моря за р. Агура простиралось общество Хоста, во главе которого стоял род **Хамыш**. Аулы находились по ущельям мелких рек до Адлера. Из них очевидцы выделяют 3 больших села, в т. ч. Зенги на берегу моря. Общество Убых (в лит. Верхняя Убыхия) наиболее самобытная часть Убыхии, где сохранялся чистый убыхский язык, находилось в нагорной полосе Черноморского побережья (за 10 км. от прибрежной зоны) между р.р. Шахе и Сочи. Сохранились названия лишь нескольких поселений: на правом берегу р. Сочи, на месте впадения в нее р. Агуа, находился аул Мытыхуаса, где жил **Хаджи Исмаил Дегумуко Берзек**, южнее окраины этого аула находился аул Апохуа (рода Берзек). В среднем течении р. Бзыч располагался аул Дишан (рода Дэчэн), а у устья реки – еще один, название которого неизвестно. У истоков р. Шахе, по притокам правого берега, разбросанно по ущельям подножья Главного хребта находился большой аул Бабуково – **Хаджи Алим-Гирея Бабуко** из рода Берзек. В горах, у истоков р. Хобзы было большое село Уцуа, в верховьях р. Буу – с. Эбжноу, на Убыхской поляне (стык бассейнов рр. Шахе и Сочи) – большой аул с неизвестным названием. Сохранились аулы рода Берзек под названием Верхний Кичмай (на прав. берегу р. Шахе, у впадения в нее р. Кичмай) и Старый Кичмай (на лев. берегу р. Шахе в верховьях, ниже совр. с. Солохаула), а так же названия еще двух аулов в горной зоне: Питлу и Ципт, точное местонахождение которых не установлено. См.: Инал-ипа Ш.Д. Садзы ..., 1995, с.120-130. Он же. Страницы исторической этнографии абхазов. Сухум, 1971, с. 264; Лавров Л.И. Указ. соч., с. 7,8.

⁶⁸ Лавров Л.И. Указ. соч. — С. 10.

- ⁶⁹ Фонвилль А. Последний год войны Черкесии за независимость 1863-1864 г.
(Из записок участника-иностраница). — Киев, 1991. — С. 27.
- ⁷⁰ Лавров Л.И. Указ. соч. — С. 10.
- ⁷¹ АМИГС. — Ф. 2. — Д. 27.
- ⁷² Лавров Л.И. Указ. соч. — С. 10.
- ⁷³ Фонвилль А. Указ. соч. — С. 14.
- ⁷⁴ Белл Дж. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837, 1838, 1839 гг. // АБКИЕА. — Нальчик, 1974. — С. 464.
- ⁷⁵ Невский П. Указ. соч.
- ⁷⁶ Белл Дж. Указ. соч. — С. 461.
- ⁷⁷ Орехов И.О. Указ. соч. — С. 174.
- ⁷⁸ Лапинский Т. Указ. соч. — С. 113; Фонвилль А. Указ. соч. — С. 18.
- ⁷⁹ Фонвилль А. Указ. соч. — С. 14; Белл Дж. Указ. соч. — С. 467.
- ⁸⁰ Лапинский Т. Указ. соч. — С. 111-112.
- ⁸¹ Хварцкия И. Абхазские сказки и легенды. — М., 1994. — С. 193-220.
- ⁸² Лавров Л.И. Указ. соч. — С. 23-24.
- ⁸³ Боденштедт Ф. По Большой и Малой Абхазии. О Черкесии — М., 2002. — С. 64.
- ⁸⁴ Фогт Г. Словарь убыхского языка. — Осло-Лимож, 1963. — С. 58-62.
- ⁸⁵ Там же. — С. 58
- ⁸⁶ Фонвилль А. Указ. соч. — С. 17-19; белл Дж. Указ. соч. — С. 465, 480; Лапинский Т. Указ. соч.. — С. 123.
- ⁸⁷ Белл Дж. Указ. соч. — С. 458, 459.
- ⁸⁸ Фонвилль А. Указ. соч. — С. 17.
- ⁸⁹ Гуажба Р. Убыхи: наша общая история // Газ. «Республика Абхазия». — Сухум. — 1998. — № 107.
- ⁹⁰ Сталь К.Ф. Указ. соч. — С. 37.
- ⁹¹ Фонвилль А. Указ. соч. — С. 18.
- ⁹² Лавров Л.И. Указ. соч. — С. 21.
- ⁹³ РГВИА. — Ф. ВУА. — Д. 6164. — Л. 12.

- ⁹² Лавров Л.И. Указ. соч. — С. 22, 23.
- ⁹⁵ АКАК. — Т. Х. — Тифлис, 1885. — С. 234.
- ⁹⁶ Бларамберг И.Ф. Указ. соч. — С. 376; Спенсер Э. Указ. соч. — С. 143.
- ⁹⁷ Лавров Л.И. Указ. соч. — С. 19; Фадеев А. Убыхи в освободительном движении на Западном Кавказе // ИС. — Л., 1935. — № 4. — С. 138-141.
- ⁹⁸ Фадеев А. Указ. соч. — С. 140; Инал-ипа Ш.Д. Указ. соч. — С. 296.
- ⁹⁹ Лавров Л.И. Указ. соч. — С. 17; Фадеев А. Указ. соч. — С. 138.
- ¹⁰⁰ Лавров Л.И. Указ. соч. — С. 17; Инал-ипа Ш.Д. Указ. соч. — С. 294, 295.
- ¹⁰¹ Лавров Л.И. Указ. соч. — С. 18; Лапинский Т. Указ. соч. — С. 15, 16.
- ¹⁰² Скорягин В.Д. Указ. соч. — С. 322-323.
- ¹⁰³ Духовский С. Даховский отряд на южном склоне гор в 1864 году // ВС. — СПб., 1864. — № 11-12. — С. 285.
- ¹⁰⁴ Белл Дж. Указ. соч. — С. 466; Лавров Л.И. Указ. соч. — С. 20.
- ¹⁰⁵ Лавров Л.И. Указ. соч. — С. 20-21.
- ¹⁰⁶ Лапинский Т. Указ. соч. — С. 76.
- ¹⁰⁷ Фонвилль А. Указ. соч. — С. 16.
- ¹⁰⁸ Лапинский Т. Указ. соч. — С. 79.
- ¹⁰⁹ Там же. — С. 78-79.
- ¹¹⁰ Там же. — С. 117-135.
- ¹¹¹ Там же. — С. 110-111.
- ¹¹² Там же. — С. 117.
- ¹¹³ Там же. — С. 121.
- ¹¹⁴ Лапинский Т. Указ. соч. — С. 16-17; Бларамберг И.Ф. Указ. соч. — С. 379-380.
- ¹¹⁵ Лапинский Т. Указ. соч. — С. 16; Люлье Л.Я. Черкесия (историко-этнографические статьи). — Киев, 1991. — С. 43-56.
- ¹¹⁶ Скорягин В.Д. Указ. соч. — С. 537.
- ¹¹⁷ Званба С.Т. Этнографические этюды. — Сухум, 1955. — С. 43-54.
- ¹¹⁸ Страбон Указ. соч. — С. 305.
- ¹¹⁹ Бларамберг И.Ф. Указ. соч. — С. 391.
- ¹²⁰ Гуажба Р. Указ. соч. — № 118.
- ¹²¹ Званба С.Т. Указ. соч. — С. 53-54.

Глава II. УБЫХСКИЙ РОД БЕРЗЕК И ЕГО МЕСТО СРЕДИ ЗАПАДНО-КАВКАЗСКИХ НАРОДОВ В XIX В.

2.1. Об антропониме "Берзек"

В последние годы историки, этнографы, лингвисты, философы и ученые других гуманитарных дисциплин проявляют неподдельный интерес к исследованию института фамилий (родов). В свет вышло немало научной литературы, посвященной этой теме. Тем не менее, не изученных проблем остается немало, в частности в абазино-абхазо-адыговедении. К ним относится и изучение антропонимов северо-западно-кавказского происхождения, которые представляют не только серьезный теоретический, но, прежде всего, научно-практический интерес, так как их исследование проясняет малоизвестные аспекты этнической истории народов этого региона, в особенности, когда речь идет о знаковых фамилиях прошлого.

В этом смысле заслуживает внимания и фамилия Берзек, носители которой во многом определяли ход исторических событий XIX в. на Северо-Западном Кавказе.

Архивные и письменные источники XIX в. свидетельствуют, что род Берзек по своему происхождению является убыхским¹ и среди народов Северо-Западного Кавказа был известен как владетельный дворянский род². Он внесен в список знаменитых в прошлом фамилий народов Кавказа. Как о великом роде пишет о Берзеках французский исследователь Ж. Дюмезиль в книге, изданной в 1957 году Парижским университетом и посвященной убыхам. Некоторые сведения об этом роде можно почерпнуть из многих документов царских офицеров периода Кавказской войны, а также из французской грампластинки с записями фольклора убыхов под названием "Старый Гирандук"³. Казалось бы, вопрос об этнической принадлежности фамильного имени Берзек ясен – оно убыхское.

Вместе с тем попытка этимологизировать термин "Берзек" и выяснить его значение осложнилась по ряду, на первый взгляд, неразрешимых проблем. Во-первых, известно, что практически все убыхское население было изгнано в Османскую империю в 1864 году и по данным переписи населения 1926 года в

СССР проживало всего лишь 9 убыхов⁴. В связи с этим мы полагали, что из потомков рода Берзек, фактических руководителей антиколониальной борьбы убыхов в период Кавказской войны, никого в стране не осталось. Во-вторых, судя по этнической принадлежности, антропоним "Берзек" восходит к убыхскому языку. Носителей же этого языка в мире уже нет. Язык этот давно признан мертвым. В-третьих, этимологизация данного антропонима с позиций абхазо-адыгских языков также не дало ожидаемых результатов. Поиски же ответов в архивных документах и в отечественной исторической литературе XIX в., в том числе зарубежной, также не увенчались успехом. Между тем, удалось установить, что потомки рода Берзек, но уже под фамилией Берзеговы все же проживают в Адыгее, и это обстоятельство позволило нам в дальнейшем выйти к положительному решению поставленной задачи.

Первые сведения о современных потомках рода Берзек были получены в апреле 1998 г. от Берзегова Нуха Асланчериевича, известного в прошлом руководителя Адыгеи на протяжении почти 25 лет. Он сообщил, что "Берзеговы являются представителями старинного рода Берзек. Из уст старейшины нашего рода Туркуби Берзегова, когда я и мои сверстники были еще молоды, слышали о том, что мы абадзехи, аул наш находился на р. Белой, незадолго до окончания Кавказской войны нас переселили на Лабу и мы основали аул Егерухай на нынешнем месте. Часть рода была поселена в ауле Хачемзи". К сожалению, от Н.А. Берзегова не удалось узнать что-либо о его предках далее, чем деда. Вместе с тем, им был представлен богатый материал об истории семьи, близких и родственников, живших в его время, о чем будет изложено ниже. Наряду с этим, он указал на двух старейшин рода, которые могут что-то вспомнить из прошлого о своих предках.

Действительно, более расширенную информацию представил Берзегов Аскарбий Учужукович из аула Хачемзи Республики Адыгея. Он свидетельствовал: "Берзеговы поселились в аулах Егерухай и Хачемзи около 1864 года. Нас в ауле Хачемзи в недавнем прошлом насчитывалась 21 семья (84 человека), сейчас меньше. В ауле Егерухай, видимо, их больше, так как туда переселилось

большинство семей Берзеговых. На адыгейском языке наша фамилия звучит и пишется "Бэрзэдж", а на русском – Берзегов. Из уст старейшин слышал, что мы абдзэхи, по-русски – абадзеши, у которых также, как и у натухайцев и шапсугов, не было князей, а административная власть находилась в руках совета старейшин. Старики говорили, что до поселения на нижнем течении Лабы, наши предки проживали в районе нынешней станицы Тульской под Майкопом, на р. Белой. В местах нового поселения, в аулах Хачемзи и Егерухай, не все Берзеговы закрепились. Еще до начала этого столетия, отсюда, из нашего аула Хачемзи, уехал в Турцию эфенди Бэрзэдж, имени его не помню, но он имел хороший двухэтажный дом. Уже до и после Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. многие Берзеговы стали жить в Майкопе, Краснодаре, аулах Хатажукай, Бжедugoхабль и других местах. Еще знаю, что Берзеговы есть бжедуги, они жили в основном в Бжедugoхабле и некоторых других аулах, которые были расположены там, где сейчас построено большое водохранилище под Краснодаром. А на ваш вопрос, что означает наша фамилия, ничего не могу сказать. В советское, сталинское время наши отцы боялись говорить о таких вещах, о Кавказской войне, потому и мы мало что знаем".

Из этих сведений информаторов, конечно, можно допустить, что действительно, учитывая тесные взаимоотношения убыхов и абадзеев, а также некогда совместное их проживание на южных склонах Кавказского хребта, часть Берзеков могла переместиться и жить в бассейне р. Белой задолго до начала в Закубанье (1830 г.) активных боевых действий в период Кавказской войны. Но вызывало сомнение в их данных то обстоятельство, что Берзеговы являются абадзеями и бжедугами. Все это требовало дополнительной проверки как путем опроса информаторов из других аулов, так и документального подтверждения этих фактов из архивных фондов и других источников. С этой целью было опрошено еще несколько старейшин из аулов Бжедugoхабль, Егерухай, Хачемзи и Кошехабль, которые без сомнений заявили: "мы абадзеши", "мы бжедуги". Информаторы были правы. Действительно, когда основная масса рода Берзек проживала вместе с убыхами на южных склонах Кавказского хребта, в нагор-

ной полосе между реками Шахе и Хоста, представители отдельных ветвей этой фамилии не позже 90-х годов XVIII в. обосновались среди абадзехов и бжедугов на территории современной Адыгеи. Об этом говорят архивные документы и историческая литература того времени.

Так, 10 июня 1796 г. в 18 километрах к югу от современного Краснодара, в долине р. Бзеюк, произошло межадыгское сражение. На поле брани сошлись 50 тыс. воинов: крестьяне шапсуги, абадзеши и натухайцы с одной стороны, и бжедугские дворяне с шапсугской знатью, поддержаные казаками, с другой стороны. Обе противоборствующие стороны понесли большие потери, но битву выиграли бжедуги, у которых погибли многие дворяне, в том числе их предводитель Батыр-Гирей и главные его сподвижники – Хаджимоков, Батоков, Берзеков и другие. По поводу них бжедугами была сочинена песня-плач, в которой воспета храбрость предводителя одной из бжедугских дружин Берзекова: "Под ним был горячий конь Кодемах, он им топтал шапсугскую пехоту, Едыг Берзеков"⁵.

Когда в первой половине XIX в. были учреждены первые меновые дворы для закубанских горцев, в одном из них успешно перепродавал привозимые сюда соплеменниками разные товары абадзех Кайтуко Берзеч, находившийся уже на службе в царской армии в чине прапорщика. В ведомости поступивших товаров в меновой двор значится, что закубанские черкесы Сутух, Осман, Гаджекуль, Батюк и Мегмет (фамилии не значатся) лично доставили ему 30 пудов меда, 8 пудов коровьего масла, полпуда воска, одну кожу буйвола, шкур овечьих 15 шт., заячьих – 5, лисьих – 1, куных – 1 шт.⁶

Тебу де Марини во время путешествия в Анапу (1824г.) был свидетелем функционирования 8 меновых дворов, организованных на правом берегу р. Кубань. Три из них (Талызин, Кара-Кубань и Великолагерная) были созданы "на-против народности шапсугов, которые... избавились от своих князей.., теперь управляются старейшинами и дворянами". Среди наиболее известных из них он назвал и дворянина Хаута Берзеча⁷.

Н. Дубровин в своем очерке "Черкесы" также говорит о шапсугском дворянине Хаджи Берзеке, воспитавшем по обычаям атальчества сына темиргоевского князя Джембулата Болотокова – Аслан-Бека⁸. Впрочем, Н. Дубровин явно ошибся, причислив Хаджи Берзека к шапсугам, так как он был знаменитым предводителем убыхов, который воспитал немало других именитых князей народов Северо-Западного Кавказа, в том числе последнего владетеля Абхазии – князя Михаила Чачба (Шервашидзе).

В ведомости за 1852 г. на отпуск соли покорившимся аулам значится и Черченеевский аул бжедугов Заурбека Берзеча, который владел 60 душами. В этой же ведомости указан аул Берзечегабль дворянина Пшекуха Берзеча, во владении которого находилось 210 душ⁹.

В своем кратком обзоре горских племен, живущих в Закубанье и вдоль восточного берега Черного моря до р. Ингур, Ф.Ф. Торнау среди 6 дворянских родов у абадзехов называет и фамилию Берзек¹⁰. Это подтверждается и другим архивным документом. В частности, в конце апреля 1861 г. Хаджи Келемету Берзеку были выданы билеты на его переезд вместе со своим аулом в Турцию. Его аул находился в обществе Дахо в верховьях р. Белой¹¹.

Нет ничего сверхординарного в том, что указанные выше информаторы и историческая литература свидетельствуют об абадзехской, шапсугской или бжедугской этнической принадлежности части Берзековых, живших в Закубанье в конце XVIII – первой половине XIX в., а также современных Берзеговых Адыгеи. Науке известно немало примеров, когда в ходе исторического процесса не только отдельные фамильные подразделения, а целые этнические группы в результате смешений, инфильтраций и разных перемещений ассимилировались в других этносах или этнических группах. Однако, при повторных встречах летом 1998 г. со многими старейшинами рода Берзеговых, в том числе с Нуход Асланчериевичем (г. Майкоп) для продолжения нашей работы, они вспомнили много других фактов из истории своего рода. Тогда же они признались: "Мы беседовали со своим самым старшим в роду сказителем Борэном Османовичем Берзеговым. Он нам сказал, что, действительно, мы – Берзеговы –

выходцы из Убыхии". Нам было рекомендовано встретиться с ним, что мы и сделали.

Борэн Османович, в основном, подтвердил сведения предыдущих информаторов о том, что до поселения Берзеговых на Лабу, они жили на р. Сагуаша (р. Белая), считали себя абадзехами. Другая часть рода, что живет в аулах Ассоколай, Бжедугохабль и других населенных пунктах Адыгеи, причисляет себя к бжедугам. Они являются дальними родственниками егерухаевцев и хачемзинцев. Указанный им фамильный знак совпал с аналогичным, который помещен на обложке книги работы Нихата Берзега "Изгнание черкесов"¹². Автор этой работы является потомком махаджиров-убыхов Турции из рода Берзек (Berzeg) по линии Емин. Из этого ясно, что у Берзеговых из Егерухая и Хачемзи, или выходцы из этих аулов, проживающие в разных городах и селах Адыгеи, и у махаджиров – убыхов из линии Емин, проживающих в Турции, предок был один, все они являлись убыхами в прошлом, но не абадзехами.

После уточнения всех вопросов, связанных с фамильным знаком Берзеговых, Борэну Османовичу был задан самый главный наш вопрос об истории или обстоятельствах наречения рода именем "Берзек" и о его значении. В ответ на это он сказал: "Старики говорили, что фамилию нашу род носит с III века н. э. В частности, об этом говорил Туркуби Хабзевич Берзегов, умер в возрасте 103 года, по-моему, в 1992 или 1993 году, точно не помню. Фамилия возникла от имени новорожденного мальчика из княжеской семьи. Все мужчины этой семьи погибли в сражении с другой княжеской семьей. Его, мальчика, родившегося от вдовы князя, которого прятали от врагов в навозе, назвали Берзек, а что означает это имя я не знаю. Старики, друзья наших дедов, которых мы еще мальчишками застали и жили в нашем ауле Егерухай, говорили, что "вы Берзеговы – из навоза". Эти старцы утверждали, что родоначальником нашей родовой ветви является предок по имени Ашвын (от слова "швына" – "ягненок", т.е. "ручной ягненок"). Его нашли новорожденным на берегу моря в свертке, отдали Хаджи Берзеку. Он его воспитал и часть Берзеговых, которые проживают в аулах Егерухай и Хачемзи, произошли от него – Ашвына. От последнего происходит и

прадед Нуха Асланчериевича Берзегова, нашего бывшего первого секретаря обкома КПСС. Ашвын стал хорошим коневодом. Кроме него, у Хаджи Берзека был сын Паго, а у последнего – два сына – Туркуби и Хусин, а также дочь Гошдахо. Вот все, что я знаю о происхождении фамилии и о предке нашей родовой ветви".

К сожалению, мы в наших ранних работах¹³, руководствуясь указанием Борэн Османовича о происхождении антропонима "Берзек", считали, что он означает "выросший в навозе"// "воспитанный в навозе". В этом мы были убеждены по двум причинам: во-первых, западнокавказские народы (абазины, абхазы, адиги и убыхи) в древности большое лечебное значение придавали навозу, в особенности для излечения детей с рождения от всяких недугов и укрепления их здоровья, а также в целях сохранения от сглаза; во-вторых, этот антропоним не поддается этимологизации на современных абхазо-адыгских языках. На них слово "навоз" пишется совершенно иначе. К тому же, сведения нашего информатора совпали полностью с турецким преданием, хотя он и не знал о его существовании.

В турецком предании, записанном со слов сказителя-убыха Мустафы Невзата Псака, говорится, что около 1500 лет тому назад жили два княжеских семейства, которые систематически враждовали между собой. В конце концов одно из этих семейств уничтожило всех мужчин другого. В последнем остались одни немощные старцы и молодые женщины, одна из которых носила под сердцем ребенка. Победившая княжеская семья решила, что, если у нее родится мальчик, умерщвить и его. Действительно, у этой женщины родился мальчик, которого родственники роженицы выкрали, прятали и воспитывали в навозных кучах, вдали от чужих глаз. Таким образом, ему сохранили жизнь и впоследствии дали имя Берзек, значение которого не известно. У него родились сыновья Емин, Дегу, Бабук и Канболат, которые стали основателями четырех родовых линий Берзек¹⁴. (Кстати, С. Берзег, кроме указанных четырех родовых линий, называет еще ветви Шханук, Шевлох и Улгай (Улагай?), образовавших потом самостоятельные фамильно-родовые подразделения)¹⁵.

Указанное выше предание подтверждает и Нихат Берзег, реэмигрировавший из Турции несколько лет тому назад и живущий в г. Майкоп. Он также не может сказать ничего иного, кроме того, что говорится в предании и в информации Борэна Османовича Берзегова о значении антропонима "Берзек".

Не отвергая версию Берзековых о том, что значение антропонима «Берзек» связано, возможно, с сохранением жизни его первообладателя (новорожденного мальчика) в навозе, нельзя исключать и другое объяснение. Оно заключается в следующем.

Учитывая указание наших информаторов и сведение из предания, содержащееся в турецком источнике, о древности происхождения имени "Берзек", в целях расшифровки значения этого антропонима мы обратились к языку убыхов. При этом, с учетом времени происхождения антропонима, мы не исключали возможность проникновения в убыхский язык этого термина из иноземных языков – скифо-сарматского, греческого, латинского, арабского, аланского, итальянского, тюркского и др., носители которых сталкивались с абхазо-убыхо-адыгскими этническими группами на Черноморском побережье Кавказа. Результаты наших анализов оказались неожиданными.

На наш взгляд, антропоним "Берзек" восходит к убыхскому слову "браскъэ" – среда – к названию дня недели. Данный термин в убыхский язык проник из греческого¹⁶. А в языке-источнике (греч.) этот термин означает "пятница" (paraskeue). Этот термин широко распространился и в языках других народов: ингуш. "nIасраска", чечен. "nIераска" и грузин. "paraskewi" означают "пятница", осетин. барысчIи // бараскIа – "траур, пост".

В адыйской языке термин "paraskeue" вошел как название дней недели: среды (бэрэскэжъый) и пятницы (бэрэскэшху). К тому же, в христианский период истории адыгов, этот термин, наряду с названием дней недели, означал, как и в осетинском языке, "пост" (бэрэздж)¹⁸. Не зря Тебу де Мариньи, совершивший путешествие в Анапу в 1824 г. и ранее, писал: "Довольно забавны названия среды и пятницы – "малый" и "большой пост", хотя черкесы их вовсе не соблюдают, а также то, что их названия имеют отношение к "параскеви", что

по-гречески означает "подготовка", т.е. название пятницы, потому что евреи в этот день готовились праздновать следующий день"¹⁹. Это свидетельствует, что к греческому "пятница" (paraskeue) восходят убыхско-адыгские термины греческого периода их истории – браскъэ // бэрэскэжъий // бэрэскэшху // бэрэдж. Последний термин в значении "пост" (в среду – "малый", в пятницу – "большой") является основой антропонимов "Бэрзэдж", "Бэрэдж", "Бэрсек" (Березг // Березговы – Берсек // Берсековы – фамилии распространены в Кабардино-Балкарии) и "Бэрзэдж" (Берзек – Берзеч – Берзег – Берзеговы – Берзековы – носители фамильного имени живут в Адыгее, Кабардино-Балкарии и Турции). Возможно, что к этому греческому слову восходит и фамильное имя Берсыр (абадзехи). Эти фамильные имена закрепились и в топонимике Адыгеи. Так, термином "Бэрзеджъхабле там" (околоток Берзеговых) называется лес на южной окраине а. Нешукай, а термин "Бэрэдж хъабль" – Берзеговых поселение – сохранился как старое название окраины г. Майкопа на р. Белой²⁰. Это все дает основание утверждать, что современные адыгские фамильные имена Берзек, Берзег, Берзеговы, Берзеговы, а также Берзековы и Берсековы, возможно, и Берсыровы восходят к греческому термину "paraskeue", являются родственными, одного происхождения – убыхи по этнической принадлежности, часть которых впоследствии, в ходе ассимиляционных процессов, стали адыгами: абадзехами, шапсугами, бжедугами и кабардинцами.

Мы полагаем, что наши информаторы из рода Берзеговых (Адыгея) и сказитель Мустафа Невзат Псак (Турция) не знают значения антропонима "Берзек" по одной простой причине. Они запомнили лишь главные события, связанные с уничтожением мужчин одной ветви княжеского рода, с рождением мальчика у молодой вдовы этого рода, которого намеревались также умерщвить враги. По этой причине его прятали в навозе. А назвали новорожденного мальчика Берзек не потому, что его прятали в навозе, а потому что родился, видимо, в день священного поста – в пятницу. По всей вероятности, этот момент был упущен на каком-то этапе передачи изустного предания из поколения в поколение. Сегодня кого ни спроси из современников, очень редко, кто положительно может

ответить в какой из дней недели он родился. Не говоря уже об этом, как показывает наш опыт, многие старики не знают день и месяц своего рождения, а некоторые даже год рождения.

Нельзя исключить и другую версию. Возможно даже, что первообладатель фамильного имени Берзек по своему изначальному происхождению был греком. В этом нас убеждают два обстоятельства. Во-первых. Абазино-абхазы греков называют "абырзенквა"²¹, в русской транслитерации – "берсеки, берзеки", восходящие, видимо, также к греческому "paraskeue". Во-вторых. В преданиях абхазов сохранились упоминания об убыхских "бырзыках", "бырзыкской молодежи"²² (абх. бырзыкъаа рычкунцэа; ср. с уст. абх.-абаз. названием греков – "абырзенквა")²³, где термин "бырзыкъ" // "барзакъ" выступает для обозначения родовой принадлежности убыхской молодежи – род Бырзыкъ // Барзакъ (абх.-абаз.), а слово "рычкунцэа" (абх.) и рычкынчва (абаз.) – означает "молодежь". Само же абх. слово "бырзыкъаа" также восходит к греческому "paraskeue". Последний термин, безусловно, вошел в абхазо-адыгские языки в связи с внедрением греками христианской веры и религиозных традиций – "малого" и "большого" постов в среду и в пятницу. Уместно будет отметить, что у абхазов имя "Берзек" сохранилось в качестве родового имени (фамилии) "Барзыгъаа" (с. Лата) и "Бырзыкъ"²⁴, а также личного имени "Базрыквა"²⁵. В качестве фамильного имени у них выступает и термин "абырзенквა" (греки) – Берзения (ср.: абх. Бырзыкъ), носители которого живут в городах Сухум, Ткуарчал, в некоторых селах Гудаутского района и селах Река, Паквеш (Очамчирский р-н) Абхазии²⁶. Со слов старейшины из этой фамилии Мушни Берзения (с. Река) и других информаторов, их род происходит из убыхов, от Берзеков, и жили за Гагрским хребтом среди убыхов. По данным Сагария Б.Е. абхазские Берзения проживают в Македонии, пишутся Барзания²⁷. Следует также отметить, что абхазское родовое имя "Бырзыкъ" (абаз. Барзакъ) присутствует в качестве личного имени в нартских сказаниях абхазов²⁸.

Факт происхождения абазино-абхазо-адыгских знатных родов, фамильных имен от греко-римских терминов или от самих греков не единичен. Напри-

мер, фамилия абазин Шовгеновых, адыгейцев Шоуджен и кабардинцев Шогеновых восходит к греческому слову "шоген" – священник. Князь Николай Хаджимуков писал: "От священников и епископов ведут свое начало многие дворянские роды Черкесии.., говорящие, что они происходят от шогеня (священника) Гирге, или от шогеня Рум"²⁹.

Таким образом, можно заключить, что антропоним "Берзек" возник в античный период и восходит к греческому слову "paraskeue", означает "пятница", "большой пост". Согласно убыхскому преданию, этот антропоним сначала выступал в форме личного прозвища-имени, потом – родового, а затем по письменным источникам – фамильного имени. Впервые термин "Берзек" фиксируется в качестве фамильного имени в русских письменных источниках в первой четверти XIX века, а в изустных – с конца XVIII в.

Как показывает анализ, убыхское фамильное имя Берзек лингвистически связано с некоторыми фамильно-родовыми группами: абхазов – Барзыгъ, Берзения, Бырзыкъ; адыгейцев – Берзеговы, Берсыр; кабардинцев - Берзековы, Берсековы, возможно, и с Березговыми.

2.2. Генеалогические связи рода Берзек

Убыхский род Берзек генеалогически тесно связан с носителями ныне кабардинской (в прошлом убыхской) фамилии Берзековых, проживающих в основном в г. Нальчике и селе Залукокоаже Кабардино-Балкарии. Так, по словам Заудина Айсовича (Гъиса) Берзекова (р.1936 – у. 1949), уроженца села Залукокоаже Зольского района Кабардино-Балкарии, его дед, Хачимахо, родился за 7 дней до отплытия убыхского рода Берзек в Турцию в 1864 году. Как явствует из его рассказа, Хачимахо являлся внуком одного из старейшин из Берзеков, которого звали также Хачимахо. По указанию последнего, двое всадников-убыхов новорожденного Хачимахо в семидневном возрасте доставили в аул Бабуковский, который находился в Приэльбрусье. Младенец был передан на воспитание знатной семье с одной просьбой – сохранить ему родовое имя. Просьба эта была исполнена. Хачимахо вырос и женился, у него родились двое сыновей –

Гъиса (Айса) – 1886 г.р. и Гъумар (Гумар-Умар) – 1888 г.р. Гумара арестовали и он пропал без вести в 1937 году, не имел потомства, а старший, Айса, женился на односельчанке Маржан Мальсургеновой. У них родились пятеро сыновей – Пата, Хачим, Карадьби, Наурбий и Заудин. Их дети, внуки и правнуки, которых насчитывается 62 чел. (по данным на 01.01.2003 г.), в настоящее время живут в г. Нальчике и селе Залукокоаже, а замужние дочери – в селах Алтуд, Куба, Карагач и др., носят фамилию Берзековы. Изучая историю своего рода, двоюродные брат и сестра Руслан Заудинович и Саймат Патовна Берзековы восстановили свои связи с однофамильцами из Адыгеи – Берзеговыми, периодически посещают друг друга.

Старинный убыхский род Берзек, его современные ветви – Берзег (Турция) и Берзеговы (Адыгея) генеалогически связаны и со многими другими фамильно-родовыми группами абхазов, абазин и собственно убыхов. Речь идет о фамильно-родовых группах абазин – Кишмаховых, абхазов – Кишмария и Берзения, убыхов – Бабуковых, выселившихся в Турцию.

Весьма загадочным выглядит происхождение и прошлое последних. Если внимательно проанализировать историю древних родовых имен на Северо-Западном Кавказе, то можно выявить определенную закономерность. Как правило, от некогда прославивших себя в истории этносов родовых объединений, выделялся кто-либо, по имени которого в последующем именовалась эта община. Так было, по всей вероятности, с такими известными среди северо-западнокавказских народов княжеско-дворянскими фамильно-родовыми союзами абазино-абхазов, во главе которых стояли Ачба, Чачба, Ард, Лоу, Маршан, Геч, Кеч, Инал-ипа, Дударук, Кизилбек, Баг, Баракай, Башилбай, Трам и др.³⁰, западных адыгов – Бгуаш, Беноко, Болотоко, Дагомуко, Джанхот, Заноко, Егеруко, Каноко, Маратуко, Тахтамуко, Унароко, Хаджимуко, Хатажуко, Хатуко, Шеретлуко и мн. др.³¹

К числу таких именитых родов, безусловно, следует причислить и убыхскую знать – Берзек, Дишан (Дэчэн), Диже, Дзепш, Баракай и др., прославив-

ших себя в период антиколониальной борьбы горцев Северо-Западного Кавказа³².

Из плеяды родовитых фамилий убыхов можно отметить и Бабуковых, выделившихся из рода Берзек. Сведения о них содержатся в ряде документов XIX в. Известно также, что в верховьях р. Шахе располагался один из главных и больших убыхских поселений – Бабуков-аул³³.

Истоки происхождения самостоятельного фамильно-родового подразделения, во главе которого стоял некий Бабуков, ясно видны в убыхском предании, посвященном описанию священных мест, связанных с их покровителем Ахином. В нем подчеркивается: "Убийца, преследуемый кровоместниками, спасался, укрывшись под тенью Ахиновых деревьев (верховья р. Шахе. – М.К.). В этих священных местах с незапамятных времен живет отделившийся от Берзековой фамилии род Бабуков"³⁴. Эта короткая выдержка из источника говорит о трех важных моментах: 1) род Бабуковых выделился из фамилии Берзек; 2) этот род самостоятелен; 3) живет в Ахиновых местах, в бассейне р. Шахе с незапамятных времен, т.е. подчеркивается старинность этой самостоятельной родовой ветви под именем Бабуковых. С этим согласуется и предание, рассказанное Мустафой Невзатом Псак, где он подчеркивает, что у основателя рода Берзек 1500 лет тому назад родились четверо сыновей и звали их Емин, Дегу, Бабук и Канболат, которые образовали четыре родовых линии под своими именами³⁵. Если верить этому преданию, ясно – возраст Бабуковых вызывает почтение, и надо думать, что за столь длительный исторический промежуток от этого рода под своим именем выделилось не одно, а несколько родовых подразделений. Например, Н.Г. Волкова среди горных абазин – шкараовцев называет полисемейное родовое объединение Бабук³⁶. Можно согласиться и с тем, что небольшая родовая община под этим именем могла, в связи с теснотой, малоземельем, междуусобицей и по другим причинам, как это было со многими абазинскими фамильно-родовыми группами, переселиться в горные районы из бассейна р. Шахе, а потом и на Северный Кавказ. Прямых указаний на то нет, но нам представляется, что, существовавший в XVII-XIX веках под именем Ба-

буковых, абазинский аул на р. Куме был основан выходцами из стариинного убыхского рода Берзек – Бабковыми. На правомерность постановки вопроса в этом плане указывает тот факт, что основатель современных Берзековых, живущих в Кабардино-Балкарии, был передан роду Бабковых в семидневном возрасте одним из старейшин Берзеков перед уходом вместе со всеми убыхами в Турцию в 1864 г., с просьбой сохранить его родовое имя, т.е. Берзек, что было исполнено. Мальчик был передан именно в аул Бабковский, что свидетельствует о прежних родственных, генетически близких взаимоотношениях с жителями этого аула. А о том, что аул Бабковых (Бабукт–Бабкое) существовал в пределах удела Хатохшекое, прямо указывается в работе Хан-Гирея "Записки о Черкесии". Причем из 12 аулов, находившихся под управлением Хатохшековых, название двух – Бабкое и Берзекен-хабле³⁷ – прямое свидетельство присутствия двух близкородственных фамильно-родовых групп – Берзек и Бабуко в пределах Кабарды, которые в 1821 и 1822 годах сбежали к закубанцам во время восстания кабардинцев, недовольных судебными и другими реформами, вводившимися царской военной администрацией³⁸. Случайным фактом передачи младенца в аул Бабкува нельзя назвать. С другой стороны, есть еще одна традиция, которая сложилась у абазино-абхазо-убыхо-адыгов с наименованием поселений. Как правило, они получали название своего владетеля. До 60-х годов XIX века сохранялся также патронимический характер поселений. Стойко эта традиция – называть свой аул по имени прежних владетелей – у абазин и адыгов держится по сей день, хотя эти названия сменились после 1917 г. Это обстоятельство говорит также о том, что чужое родовое имя никто никогда себе не присваивал, а значит, владетели аула Бабкува на р. Шахе и аула Бабкува на р. Куме есть прямые потомки рода Бабкува, "отделившегося от Берзековой фамилии".

Интересно сложилась судьба аула Бабкува, находившегося в разное время на рр. Куме и Малке. Самое раннее свидетельство о его владетеле, абазинском князе Джаныме Бабкове, относится к 1643 г., когда он и другие абазинские князья Хачака Джантемиров, Саралп Лоов, Казий Доруков, Кансок Би-

бердов, Алкас Бегишев вместе с кабардинскими князьями Алегуком и Ходождуком и мурзами Малого Ногая Ураковой половины присягнули на верность России у "Пяти гор" (р-н совр. г. Пятигорска)³⁹.

На карте Кабарды за 1744 г. аул Бабукова указан на р. Малке⁴⁰. Здесь этот аул расселился около 1739-1743 гг., а до этого был в горах, потом – ближе к совр. Пятигорску (гора Юца)⁴¹. На р. Малка в ауле на тот период проживали в основном абазины⁴².

Кабарда до 1774 г. как бы являлась нейтральной территорией между Россией и Турцией. Многие владетели аулов, в т.ч. аула Бабукова – Ислам-Гирей Бабуков, тем не менее желали сотрудничать с русскими, отбиваясь от притязаний Турции и Крымского ханства. В документе от 27 марта 1778 г., в частности, отмечается, что Ислам-Гирей Бабуков являлся конфидентом русских властей, вел переговоры с закубанским предводителем ногайцев Казы-Гирей-султаном, собирая различные сведения о настроениях и намерениях закубанцев и передавал их царскому командованию, генерал-поручику де Медему⁴³. В ответ на его сотрудничество с царскими властями, с целью запугать, кабардинцы повесили одного из его слуг, бывшего с ним в поездках в Закубанье⁴⁴. По поводу этого случая крестьяне Бабукова стали отказываться жить в его ауле. В документе недвусмысленно отмечается: "люди его, страшась могущего быть и с ними такого же тиранства (повешения. – М.К.), отказываются от его владения"⁴⁵. Видимо, долгое сотрудничество с царским командованием и его прежние "заслуги" перед ними привело потомков Ислам-Гирея Бабукова к необходимости вместе с частью своих подвластных (абазин) в декабре 1823 г. вступить в казачье сословие и поступить на службу. Бабуковцы по приказу Ермолова были причислены к Волжскому казачьему полку⁴⁶, их аул был переименован в станицу Бабуковскую (располагался на месте совр. станицы Незлобной Ставр. кр.)⁴⁷. А до этого, в 1821-1822 гг., под управлением полковника Коцарева и майора Тарановского часть бабуковцев со своим владельцем принимали участие в экспедициях против восставших кабардинцев⁴⁸, а другая, недовольная, видимо, сотрудничеством владельца с царским командованием и из-за боязни возмездия со

стороны других абазин и кабардинцев, как это случилось со слугой Ислам-Гирея Бабукова, в 1821-1822 гг. сбежала за Кубань.

Воинская повинность, роль карателей против горцев, по всей видимости, не нравилась многим бабуковцам и в 1829 г. они жаловались кавказской администрации на отягощенность службой и "прочими разными... повинностями". В том же году они ходатайствовали о их переводе в Большую Кабарду, в чем было отказано⁴⁹.

В начале 40-х гг. XIX в. по указанию Государя Императора в Геральдии Правительствующего Сената рассматривались прошения некоторых бабуковцев – казаков о восстановлении их прежних дворянских званий и прав иметь холопов. В частности, об этом просили бывшие уздени абазины Селиман Абаев, Исхак Альмов, Усман и Докшук Афиндовы, Ильяс Ажиев, Селим-бек Булатов, Безит Дауров, Аис и Дадут Мамхеговы, как выходцы 35-40 лет тому назад из дворян Абазии, а также Рамхут Мамхегов, Тукум и Чуж Казановы, как выходцы 37-40 лет назад из дворянских сословий Абхазии. Но указанный Сенат, рассмотрев представленные документы, отказал им в удовлетворении их просьбы⁵⁰.

Вместе с тем, бабуковцы часто нарушали общепринятый порядок для казачьей станицы, сотрудничали с непокорными горцами, способствуя им в разбоях, скрывая у себя "хищников" и пр.⁵¹ В связи с их "хищническим" образом жизни и противоправным действием к семье артиллерийского командира полковника Махина (хищение его жены закубанцами) военный министр гр. Чернышов в 1844 г. предложил командованию линии перевести бабуковцев в другое место. Однако местное военное начальство, считавшее, что это может отрицательно отразиться на поведении и других горцев, убедило Министра оставить их на прежнем месте. Но по просьбе самих бабуковцев 16 наиболее беспокойных семей были отправлены на жительство на Дон⁵². И все же в 1861 г., после многих ходатайств и вооруженных выступлений, бабуковцев исключили из казачьего сословия, отчислили из казачьего войска и расселили по абазинским и кабардинским аулам⁵³.

Кроме бабуковцев-станичников, на Кубани существовал еще один аул Бабукова, который, вероятно, откололся от казаков-бабуковцев и своего владельца в начале XIX в. при их вступлении в казачье сословие. Кубанские бабуковцы, не желая подчиняться царскому командованию, совершили побег в горы в 1851 г.⁵⁴ По всей видимости, это те же бабуковцы, которые совершали побег в Закубанье и в 1821-1822 гг., и в 1864 г. Хачимахо Берзек принимал их за своих прежних родственников. Именно к ним он препроводил через двух всадников-убыхов младенца-мальчика с целью не подвергать его жизнь опасности при переселении в Турцию. Благодаря этому поступку, теперь в Кабардино-Балкарии проживает одна родовая ветвь Берзековых, о которой упоминалось выше.

Наша версия о том, что из рода Берзек берет свое начало и абхазская фамилия Берзения (Берзениа), подтверждается свидетельствами представителей этого рода. Так, полковник милиции в отставке, житель г. Ткуарчал Абхазии Мушни Павлович (80 лет) и сухумец Ахра Капитонович (62 года) Берзения утверждают, что их фамилия восходит к убыхскому роду Берзек. По рассказам их прадедов, их предки три века тому назад жили в обществе Псху, в северо-западной части современной Абхазии, затем, в период Кавказской войны, оказались в обществе Цабал. Отсюда, во время крестьянских бунтов в Абхазии в пореформенное время, часть рода эмигрировала в Османскую империю, а другая расселилась во многие села Абхазии, где жили их родственники по материнским линиям – Лыхны, Дурипш, Кутол, Чхортол, а основная их масса – в село Пакваш, который с тех пор стал родовым. Впоследствии Берзения стали жить и в городах Сухум, Очамчира и Ткуарчал.

Абхазские Берзения располагают сведениями, что их родичи – махаджиры живут в основном компактно около г. Адапазар (Турция), а часть из них – в Македонии. Последнее подтверждается исследованием ученого Сагария Б.Е. Абхазские Берзения в настоящее время в своем роду насчитывают 75 семей – около 400 человек.

Не менее интересны генеалогические связи рода Берзек с двумя современными фамилиями абазин Кишмаховых и абхазов Кишмария. К сожалению,

исследователи в ряде случаев к изучению абхазо–адыгских антропонимов (это касается и других отраслей науки ономастики) подходят лишь с точки зрения требований лингвистики, не учитывая всех других обстоятельств их происхождения. Так, Дж.Н. Коков и Л.Дж. Кокова в своей работе (1993)⁵⁵ ф.имя “Кишмахов” безоговорочно причислили к кабардино–черкесским фамилиям. Аналогично поступили И.Х. Пшибиев и А.И. Пшибиев⁵⁶. Если первых авторов еще можно понять, так как их труд вышел гораздо раньше, чем нами была изучена и издана работа по истории фамилии Кишмаховых, и, возможно, они еще не были знакомы с работой Х. Яхтанигова (1993), который отнес носителей этой фамилии к абазинам⁵⁷ и точно указал их родовые тамги (фамильные знаки), то ничем нельзя оправдать вторых авторов, отнесших ф.имя “Кишмахов” к адыгским (черкесским), и при этом не взявших во внимание работу Х. Яхтанигова и нашу версию, содержащуюся в книге "Род из священной долины убыхов" (1999)⁵⁸. Помимо этого, они ссылаются на какого-то информатора М.И. Кишмахова (а. Хумара, Карач.-Черк. Респ.) и приводят фамильный знак под № 226⁵⁹, который указан на обложке нашей работы. К их сведению укажем, что этот "фамильный знак" составлен в 1997 г. при подготовке съезда рода из фамильных тамг Кишмаховых, сгруппированных в одну, утвержден в качестве герба, как символ единства происхождения рода и не является отдельной формой. Изучая ряд и других исторических трудов некоторых ученых, нельзя не заметить факт "перетягивания одеяла" в свою сторону и по многим другим фамилиям, в особенностях, когда речь идет о тех или иных знаковых именах, которые оставили заметный след в общей культуре абазин и адыгов. При исследовании фамилий нельзя подходить к их классификации, учитывая лишь лингвистические особенности. Нужно помнить, что фамильные имена абазины и адыги получили в основном в конце XVIII-XIX вв., когда оба народа жили в едином этнокультурном пространстве. Нельзя забывать и роль ассимиляционных процессов, последствия Кавказской войны для абазин, многих других обстоятельств и закономерностей, лежащих в основе образования антропонимов абазин и адыгов.

Мы исходим из того, что происхождение фамильных имен необходимо изучать в широком контексте лингвистических, этнографических, исторических и других данных. В таком случае могут выявиться неожиданные результаты. Так, в наши дни представители рода Кишмаховых // Кишмария считают себя абазинами и абхазами. Однако по своему этническому происхождению, как утверждают они, предки их являются убыхами, которые проживали на восточном побережье Черного моря, в бассейне реки Шахе, и древняя фамилия нынешних Кишмаховых // Кишмария – Берзек.

Как и почему древняя фамилия Берзек сменилась на нынешнюю Кишмахов // Кишмария? На этот вопрос старейшины фамилии Кишмаховых // Кишмария, не знавшие никогда друг друга, отвечают так. В результате длительной междоусобицы в одной из родословных ветвей Берзек практически не осталось мужчин, погиб и их владетель. У его молодой вдовы родился мальчик. Об этом друзья погибшего владельца узнали, когда они находились в кузне старого Мая. Они-то и дали новорожденному имя Батоко, а роду предложили сменить родовое имя Берзек на Кишмахо. Предложение было принято на совете старейшин, следуя языческим традициям, согласно которым напасти, преследовавшие эту родовую ветвь Берзек, со сменой родового имени прекратятся. Произошло это событие, как показывает генеалогическое древо Кишмаховых // Кишмария, приблизительно во второй половине XVI века.

Старцы из рода Кишмаховых – Бабух (Тутай – по паспорту) Магомет-Гиреевна Чукова – Кишмахова (1842-1952), Хаджи-Бекир Зулькарнеевич Кишмахов (1906-1995), Гайшат Пшмаховна Дударукова – Чукова (1912 г.р.) и многие другие, кроме вышеприведенной версии о смене родового имени, указывали, что в прошлом их предки жили на реках Бзыбь, Шахе, из-за вражды с представителями Лоу и малоземелья сперва поселились в обществе Псху (совр. Абхазия), а затем перебрались на Северный Кавказ. Даже некоторые старейшины аула Псыж Карачаево-Черкесской Республики из других родов (Х. Куржев, М. Джердисов, З. Хатков и др.) помнят до сих пор, что Кишмаховы пришли из обществ Черноморского побережья Кавказа, поселились в Теберде, а в середине

XIX века осели в ауле Дударуковском (совр. а. Псыж). В частности, М. Джердисов рассказывал нам, что он многое знает об истории рода Кишмаховых из уст сказителя Хацу Куржева (1886-1972). "Хацу Куржев говорил, - рассказывал М. Джердисов, - что Кишмаховы жили в Теберде, потом – на речке Тахтамыш (совр. р. Абазинка. – М.К.), затем – на левом берегу р. Кубань в местности Джанаташи (южнее с. Дружба Кар.-Черк. Респ. – М.К.). Кишмаховы пришли из Черноморского побережья Кавказа во главе семи братьев, которых звали Джамирза, Джамбот, Абдул, Байнур, Киш-ипа, Хадж-ипа, Яхутль. Кроме того, он особо подчеркивал, что род этот по происхождению не абазины, а из какого-то знатного рода, жившего в Абхазии между абхазами и адыгами. Свое благородное происхождение они не утеряли, живя среди нас, дударуковцев..."

Подтверждая изложенное выше и рассказывая о генеалогии своего рода, Хаджи-Бекир Зулькарнеевич Кишмахов (1906-1995, а. Псыж) конкретизировал: "Прежде чем поселиться на Северном Кавказе, наш род поделился на две половины, часть осталась в Абхазии, а другая во главе семи братьев перешла перевал и поселилась в местности Архыз. Наш род из Берзеков, и прежде чем нам поменяли фамилию на нынешнюю, в этом роду было четыре брата и звали их Бат, Шат, Май и Куат, чьими потомками стали Кишмахо...".

Сведения Х-Б.З. Кишмахова подтверждаются воспоминаниями о прошлом своего рода Бабух Магомет-Гиреевны Чуковой-Кишмаховой (1842-1952). Она своей воспитаннице Г.П. Дударуковой (Чуковой) в 1950 г. рассказывала: "Наш род разделился на две половины и на Северный Кавказ, в местечко Псыш (Архыз. – М.К.), мы переселились из Псху, по причине перенаселения и малоземелья, много лет назад, длиной в три с лишним человеческих жизней". Несложно установить, что это событие – переселение – произошло на рубеже XVII-XVIII вв.

Сообщения указанных выше информаторов находят свое сходство с воспоминаниями сказителя из рода Кишмария – Джугуны Хасановича (1880-1978, с. Река, Абхазия). Его сыновья Ражико, Варлам и Роман, их сыновья Серапион, Сергей, Руслан во время наших полевых изысканий рассказывали, что их пре-

док – Джугуна, довольно хорошо помнил историю своего рода. Он говорил, что "Кишмариевцы – убыхи, носили фамилию Берзек, до поселения в селах Река и Члоу в Абхазии жили в Псху. Ушли из этих мест во главе четверых братьев Цкуцкуа, Куагъ, Хецаркук и Гдыж по причине малоземелья". Но, прежде чем это сделать, депутация рода из 12 всадников обследовала места возможного проживания на Северном Кавказе. Одной половине рода понравились там земли и ушли туда, а другая – осталась в Абхазии, поселилась в селах Река и Члоу. "Мы переселились сначала в местечко Илор (устье р. Галидзга. – М.К.) абжуйской Абхазии, затем осели на землях на берегу реки Река, где и ныне живем. После этого, лет через 30, турки разрушили в Илори большой христианский храм", – говорили Варлам Джугунович (с.Река) и Алиша Гажевич (с.Члоу) Кишмария. По историческим документам, разрушение Илорского храма имело место в 1733 г.⁶⁰ Это обстоятельство также свидетельствует, что действительно разделение рода Кишмахо (бывшие Берзеки) произошло, как мы отмечали выше, на рубеже XVII-XVIII в.

Предания, рассказы, воспоминания остаются таковыми, если не найти каких-либо иных исторических или документальных подтверждений. С этой целью нами был проанализирован большой перечень исторических исследований и архивных документов, географических названий (топонимов), опрошены информаторы. Удалось найти мало доказательных фактов, но они со всей очевидностью подтверждают правдивость преданий, воспоминаний и рассказов старейшин двух родов – Кишмаховых из Карачаево-Черкесии и Кишмария из Абхазии.

В частности, Л.И. Лавров, проводя археологические и этнографические исследования в причерноморской Шапсугии летом 1930 г., записал немало преданий шапсугов. В одном из них старожилы–шапсуги рассказывали ему, что они "считают убыхскими общества Кишмей – кіщтеу и Шмитокуадж... Кроме этих сомнительных убыхских обществ, еще считались убыхскими Хизе, густо заселенное Вардане, Сочи, Камыш (Хамыш или Хоста в кавказоведческой литературе). Старики–шапсуги помнят среди убыхов дворянские роды Берзек,

Дайе, а на Вардане будто бы жил род каких-то благъуз (т.е. "змей"), который является, очевидно, одним и тем же, что упомянутый у Торнау сочинский князь Облагу или Аубла..."⁶¹

Л.И. Лавров, описывая дольмены и их сосредоточение, свидетельствуя об обществе Кишмей-кіщтеу, невольно для себя зафиксировал географические точки, о которых идет речь в воспоминаниях старейшин рода Кишмаховых-Кишмария. Вот что он пишет по этому поводу: "Из литературы нам известны, кроме того, еще следующие дольмены на территории южнее Туапсе: ... 9) у Головинки-1; 10) много дольменов по ущелью реки Шахе, в особенности возле урочища Старый Кичмай (выделено мною. – М.К.) и при слиянии с нею реки Бзыч"⁶². Из нынешней карты Лазаревского района Краснодарского края также видно, что до сих пор на реке Шахе сохранилось урочище Старый Кичмай (Кишмай – на шапсуг. яз. основе), следы старого аула, а также два аула – Большой Кичмай и Малый Кичмай, в которых теперь живут шапсуги. По поводу них Л.И. Лавров писал: "Официальное свое название получили от протекающей невдалеке реки Кіщтеу"⁶³.

Сопоставляя написанное в работе Л.И. Лаврова об убыхах, о роде Берзек, об обществе Кишмей-Кіщтеу, о местах их проживания и другие данные с тем, что нами приведено выше из воспоминаний старейшин, в т.ч., что был предок по имени Май и кузня у него, где произошла смена фамилии, и, учитывая, что термин "Кичмай", которым называют сейчас два аула и урочище в долине реки Шахе, а также один из ее правых притоков, написан на русской языковой основе, а в самом деле на адыгейском (шапсугском) он звучит и пишется "Кишмай", т.е. совпадает с обществом, на которое ссылается Л.И. Лавров, то не сложно заметить их прямую этимологическую взаимосвязь. Л.И. Лавров подвергает также сомнению, что это общество убыхское. Старики же шапсуги также не считают их адыгскими. Остается признать, что оно было абазиноязычное. В этом и заключается, по всей видимости, секрет того, что Кишмаховы-Кишмария, хотя считают себя выходцами из убыхов, стали все же абазинами и абхазами. Видимо, язык последних был их родным.

Все это побудило нас поговорить со стариками-шапсугами, и, таким образом, проверить свои предположения о том, что эти места как раз те, о которых ведут речь в своих воспоминаниях старейшины рода Кишмаховых – Кишмария. Такая поездка состоялась в начале июня 1998 года, и нам удалось встретиться с грамотным и энергичным старцем-шапсугом Индрисом Кериевичем Гвашевым (1912 г. р.), ветераном Великой Отечественной войны из аула Большой Кичмай. Вот его рассказ: "Историю аулов Большой и Малый Кичмай и другие подробности относительно того, кто здесь жил и т.д., знаю из рассказов моей бабушки по имени Набдза, которая родилась в прошлом веке и после Кавказской войны переселилась в Турцию, а потом вернулась. Раньше, до того, как нас поселили здесь, выше по реке Шахе и до самой Абхазии, до Адлера, жили убыхи. Из долины реки Шахе и сейчас можно выйти куда хочешь: вверх по течению реки – выйдешь на Красную поляну (р. Мzymта); через хребет на север – выйдешь на Майкоп, Белореченск, Армавир. Раньше наши предки гоняли скот через так называемый Черкесский перевал в Черкесию. Туда, т.е. до перевала – 60 км. Есть там тропа Ахинова. Эта тропа проходит по всей долине реки Шахе. Поэтому, в честь святого Ахына, шапсуги называли эту долину еще священной долиной убыхов. А названия наших аулов произошли от имени общества, которое проживало в урочище Старый Кичмай. Урочище это находится от нас выше, вверх по реке Шахе, как раз в священной долине убыхов. Там, на хребте, у них была старая кузня. Вместо нее сейчас там стоит камень, который считается священным, как и урочище Старый Кичмай. А Кичмай, по-нашему, по-шапсугски, звучит и пишется как Кищмай. Это русские назвали Кичмай. Так вот, слово Кищмай означает: "Кищ" – это кузня, а "май" – это имя старого кузнеца. В честь того, что для проживающих там убыхов это стало священным местом и назвали Кищмай, а урочище – Старый Кищмай, а не Кичмай. А почему кузня стала священной, ничего не знаю. Названия наших аулов, Большого и Малого Кичмая, также происходят от названия общества Кищмай, и произошло это, видимо, в память о них. Так говорила об этом моя бабушка Набдза..."

Обратимся еще к адыгейскому топонимическому словарю Меретукова К.Х. Он пишет, что "река Шахе – одна из значительных рек Черноморского побережья... Этимологию гидронима трудно установить... Река полноводная, живописная. По ее долине встречается много достопримечательностей. Одними из них являются многочисленные дольмены. Вдоль реки до ее верховья проходит Ахинова тропа, овеянная интересными легендами. Попадаются огромные дубовые деревья или целые группы деревьев, считавшихся в прошлом священными..." По настоящее время в долине этой реки есть два аула – Большой и Малый Кичмай. Их вместе шапсуги называют ШэхэкІэй (Шехечей). В указанном словаре Меретукова К.Х. об этих аулах записано: "Аул ШэхэкІэй состоит из двух аулов, называемых по-русски Большой и Малый Кичмай. Старожилы села рассказывают, что раньше ШэхэкІэй назывался аулом КИщмай (сравните с КЬышмахва, на абаз. яз. – М.К.), от которого произошла русская форма Кичмай"⁶⁴.

Резонно все это сравнить и с тем, что в преданиях Кишмаховых – Кишмария звучат эти два слова "кЬышмай", где "кьыш" – кузня, а "май" – имя кузнеца, о которых говорят И.К. Гвашев и старейшины рода Кишмаховых – Кишмария, т.е. в образовавшейся фамилии Кишмахо – счастливая(ый) кузня(ец) – сохранилось слово "кузня", а чья эта была кузня, выпало из наименования фамилии. Видимо, когда обсуждался вопрос о наречении одной из родовых ветвей Берзек родовым именем Кишмахо, было решено сохранить значение радостного события (дня) в кузне, т.е. радость по поводу рождения мальчика, а это место, вероятно, со временем потомки этого рода стали называть Кишмай, памятуя о том, что здесь когда-то находилась кузня Мая. Дж. Н. Коков в своей работе указывает, что по этимологии названия аула Кичмай нет решения⁶⁵. Мы же считаем, что решение есть: термин "Кичмай" восходит к названию общества "Кишмей – Кішмеу" и, согласно преданию рода Кишмаховых, этот термин состоит из двух слов – Кич (Кищ, в знач. кузня) и Май (имя кузнеца).

С учетом вышеприведенных сведений следует подчеркнуть, что многолетние наши поиски, где раньше мог жить род Кишмахо (в то время – общество

Кишмей-Кищмай, о котором говорят Л.И. Лавров и И.К. Гвашев), завершились удачей. Сравнение их свидетельств и воспоминаний старейшин рода Кишмаховых – Кишмария, а также топонимические данные о местах, где они проживали, не оставляют никаких сомнений, что часть рода Берзек, принявшая новое родовое имя, исходя из старых языческих традиций, жила в верховьях реки Шахе – в урочище Старый Кичмай, откуда в конце XVII в. или в начале XVIII в. ушла на земли общества Псху в поисках лучшей доли.

Так склонен считать и ученый-этнограф М.С. Тхайцухов, который указывает в своем исследовании: "На наш взгляд, от названия данных обществ (Кишмей-Кищмай) образовалась абхазо-абазинская фамилия Къищмахва и Кишмария. Науке известно, когда от названия племен, обществ и народов образовалось немало фамилий"⁶⁶.

Гидроним "Кичмай" (правый приток реки Шахе), а также современные названия аулов Большой Кичмай и Малый Кичмай, урочище Старый Кичмай, находящиеся в бассейне упомянутой реки Лазаревского района Краснодарского края, восходят к историческому Кіштеу. Къищмахва (абаз.) этимологизируется с адыгских языков как "счастливый кузнец" // "счастливая кузня" // "счастливый день в кузнице" (где Къыш – "кузня", – махуэ "день"; "добрый, счастливый"). Антропоним относится к разряду фамилий, указывающих на род занятия или на место и событие, ставшие поводом для наречения родовой ветви Берзек именем Кишмахо, оформленная впоследствии в самостоятельное фамильно-родовое подразделение. Свое объяснение имеет и то обстоятельство, что рассматриваемый антропоним имеет адыгский корень "Къыш" и вторую часть "махо". Можно предположить, что это явление более позднего времени, результат ассимиляционных процессов. "Махо" в абазинском языке функционирует и сейчас в значении "счастье, счастливое событие". Ведь ко времени посещения Эвлием Челеби Черноморского побережья Кавказа (серед. XVIIв.) среди части убыхов уже был распространен адыгский язык. Убыхская знать предпочитала говорить на адыгском языке. В пореформенное время (70-е гг. XIX в.) антропоним Къищмахва, как и многие другие абазинские фамилии, стал употреблять-

ся с русским словообразовательным формантом – "ов", "-ова". А во второй части фонетической разновидности антропонима Къыщмахва – Кишмария (абх.) налицо имеем "р" – показатель множественности, а "ия" – окончание мегрельского происхождения. В посмертном издании работы Ш.Д. Инал-ипа указано: "Кишмария – абаз. Кишмахва (Кишмахэа) образована по типу Дбар, Ампар и др. Происходит от убыхского общества Кишмей – Кишмеу. Сохранилось семейное предание об их убыхском происхождении"⁶⁷.

Несмотря на указанную выше этимологию термина «Кішмеу», нельзя снимать со счетов и другую версию, объясняющую его происхождение. Данный этимон состоит из двух слов: «Кіш», означающее, как и в нашем первом варианте, «кузня, кузнец»; «меу», где «м» - переходная буква, а «еу» - означает «принадлежащий», т.е. этот термин с адыгских языков поддается переводу в значении «принадлежащий кузне, принадлежащий кузнецу». Такое толкование указанного этимона может быть принято по одной простой причине. В прошлом абазины, абхазы, адиги и убыхи имели обычай имянаречения и «крещения, закалки» проводить именно в кузне. Тем не менее, данная версия по этимологии термина «Кішмеу» не отрицает существование общества под таким названием, зафиксированное Л. И. Лавровым со слов стариков-шапсугов в 1930 г., и этнографические сведения старейшин Кишмаховых и И.К. Гвашева об обстоятельствах смены родового имени Берзек на Кишмахо и связи последнего с обществом «Кішмеу».

Таким образом, мы можем заключить, что род Берзек имеет прямые генеалогические связи с современными фамильными группами Berzeq из Турции, Берзеговыми из Адыгеи, Берзековыми из Кабардино-Балкарии, Кишмаховыми из Карачаево-Черкесии, Берзения, Бырзыкъ и Кишмария из Абхазии, Барзания из Македонии. Этнографическое изучение истории абхазских родов Барзыгъ и Бырзыкъ, а также абадзехского – Берсыр и кабардинских – Берсековых и Березговых, возможно, выявит не только лингвистическое, но и их генеалогическое родство в прошлом с убыхским родом Берзек.

2.3. Роль рода Берзек в военно-политических событиях XIX века на Западном Кавказе

Из знаменитого на весь Западный Кавказ и неукротимого убыхского владельческого рода Берзек вышло немало военных предводителей. В начале 20-х годов XIX в. наиболее известным из них был Сааткерий Адагуа-ипа (Дегумуко) Берзек, который погиб в 1825 г. во время похода на Абхазию во главе 1000-го отряда убыхов. По сведениям С.Т. Званба весь этот отряд был уничтожен и Сааткерий "пал жертвой своего удальства"⁶⁸. В ходе Кавказской войны в разное время стали известными Алим-Гирей Берзек, Измаил-бей Берзек, Мату Берзек, Биарслан Берзек, Хапакх (Хапешуко) Эльбурза Берзек, Шаuleхуко Алицук Берзек, Шеулехуко Эдик Берзек, Шеуейко Эдик Берзек, Шеуейко Мату Берзек, Хасан Еменуко Берзек и др.⁶⁹

Из рода Берзек чаще всего выбирались военные предводители и при совместных действиях убыхов, приморских и горных свободных демократических обществ абазин, абхазов и западных адыгов против царских войск. Наиболее яркими военно-политическими лидерами во время Кавказской войны на Западном Кавказе проявили себя Хаджи Исмаил Дегумуко (Адагуа-ипа) Берзек – старший (1775-1853) и его племянник Хаджи Керентух (Гирандук) Дегумуко Берзек (1790-1880). Первый из них возглавлял антиколониальную войну около 20 лет, с 1821 г. до 1842 г., второй – с 1842 г. и до апреля 1864 г.

Впервые убыхи и их военно-политические лидеры столкнулись с российскими войсками в октябре 1821 г. Тогда убыхи поддержали борьбу демократических обществ Абхазии – Псху, Дала, Цабала и др. против своего владельца и грубых вмешательств царской военной администрации во внутренние дела княжеской Абхазии. Они овладели большей частью территории Абхазии и окружили Сухумскую крепость. Однако они были разбиты военным экспедиционным отрядом генерала А.П. Горчакова. Последний действовал характерным для ермоловских генералов методом огня и меча. По свидетельству очевидца событий, его солдаты "совершенно сожгли и опустошили" Сухум и все окрестные деревни, в том числе дворец владельца Абхазии. Войска дошли до реки

Бзыбь, сжигая по пути села и запасы продовольствия, а для устрашения населения повесили двух повстанцев⁷⁰. Несмотря на это, восстание повторилось в 1824г., которое охватило всю Абхазию. И на этот раз убыхи во главе с Берзек помогали абхазам. Князь Михаил был вынужден бежать. Не смог потушить пламя восстания и второй, более усиленный, поход экспедиционного отряда генерала Горчакова. Мятеж продолжался до 1828 г.⁷¹

После окончания русско-турецкой войны 1828-1829 гг. Абхазия, как и все Черноморское побережье Кавказа, по Адрианопольскому договору окончательно перешла к Российской империи. Для закрепления за собой побережья моря с целью последующего усмирения не только абхазов, но и садзов, убыхов, приморских абазин, абадзехов, шапсугов и натухайцев Паскевич разработал, а Николай I в 1830 г. утвердил план под названием "Абхазская экспедиция", который предусматривал строительство вдоль побережья нескольких укреплений на территории Абхазии и сухопутной дороги от Сухума до Анапы. Осуществление этого плана было поручено экспедиционному отряду генерала Гессе. В июле 1830 г. во главе отряда из 2 тыс. штыков и сабель он высадился в Сухуме, восстановил на престоле князя Михаила и в течение месяца заложил три укрепления – в Бомборах (совр. Гудаута), Пицунде и Гаграх⁷². Убыхи, видя приближение войск Гессе к своим границам с юго-востока, со стороны Абхазии, а также строительство летом 1830 г. в земле причерноморских адыгов генералом Эммануэлем Георгиевско-Афонского и Алексеевского укреплений, впервые почувствовали угрозу и своим землям. Поэтому летом 1830 г. они вместе с абадзехами, шапсугами и натухайцами нападают на укрепления, возведенные на Кубани⁷³, а вместе с садзами в августе того же года активно штурмуют Гагринское укрепление и препятствуют дальнейшему продвижению войск генерала Гессе⁷⁴. Последнему никак не удалось преодолеть упорное сопротивление убыхов и садзов, которые напрочь преградили путь царским войскам в районе Гагрских теснин, названные Паскевичем "Кавказскими Фермопилами"⁷⁵. Убыхи до конца Кавказской войны так и не дали возможности царскому командованию построить сухопутную дорогу до Анапы.

Занятые войной в Дагестане и Чечне, усмирением польского освободительного движения в начале 30-х годов XIX в., охраной земель на южных границах с Турцией, военное министерство России и Кавказское командование в 1831-1836 гг. не проводило наступательных операций на Черноморском побережье Кавказа⁷⁶. В эти годы и убыхи не проявляют особой активности и по этой причине исчезают из хроники царских генералов.

Между тем в Закубанье и в Убыхии в указанный период активно работают английские и турецкие агенты, склоняя горцев бороться против России. В 1834 г. в Черкесии и среди убыхов побывал главный английский резидент при после в Стамбуле Д. Уркарт. Именно он руководил засылкой к горцам многих англо-турецких агентов, в том числе Найта, Белла, Лонгворт, Лайонса и др. Он же стал издавать журнал "Portfolio", в котором публиковал антирусские статьи. Здесь же появилась "Декларация независимости Черкесии", согласно которой горцы просили помочь у Англии и других европейских держав против России. С 1837 г. Англия и Турция вновь усиливают свое влияние на закубанских адыгов и убыхов. К ним засылаются опять целые группы эмиссаров, в том числе из числа черкесских эмигрантов. К берегам Убыхии и Черкесии пристают английские и турецкие корабли с контрабандой и оружием. Россия усиливает береговую охрану, арестовывает английскую шхуну "Виксен", из-за чего в январе 1837 г. обостряются англо-русские отношения, готовые перерасти в войну⁷⁷. В водоворот этих политических интриг втягиваются и убыхи.

Поводом для очередной волны борьбы убыхов за свою свободу послужило то обстоятельство, что в сентябре 1837 г. Черноморское побережье посещает сам царь Николай I и принимается план по строительству ряда укреплений между Гагрой и Анапой⁷⁸. Его осуществление началось осенью 1837 г. В том году отряды генерала Вельяминова построили укрепления Новотроицкое (устые р. Пшада) и Михайловское (устые р. Вулан), а войска генерала Розена – укрепление "Святого Духа" на мысе Адлер. В 1838 г. сооружаются укрепления Новороссийское (бухта Цемес), Вельяминовское (устые р. Туапсе) и Навагинское (устые р. Сочи). В 1839 г. возведением укреплений Лазаревское (на р. Псе-

зуапе), Головинское (на р. Шахэ) и форта Раевского (между Анапой и Новороссийском) завершается строительство Черноморской береговой линии и ее начальником назначается генерал Н.Н. Раевский⁷⁹. Таким образом, к 1840 г. вокруг закубанских адыгов, абазин, абхазов и убыхов, начиная от истоков Кубани и до ее устья, оттуда вдоль берега Черного моря до Сухума и далее по долине р. Кодор до подножья г. Эльбрус, образуется кольцо из укреплений и фортов, сужение которого в последующем грозит непокорным горцам гибелю. Поэтому не приходится удивляться тому, что Хаджи Берзек Дегумуко, отчетливо понимая, чем грозит строительство укреплений вокруг непокорных народов, начинает призывать к совместной борьбе с русскими войсками все соседние народы. Но, прежде чем поднять вооруженную борьбу, они неоднократно встречаются с царскими генералами, просят заключить договор, не захватывать и не выселять горцев с их земель. Однако царское командование было непреклонно. Это обстоятельство, а также строительство в земле убыхов трех укреплений – Головинского, Навагинского и "Святого Духа", фактически блокировавших морскую торговлю и грозивших вторжением царских войск во внутренние районы Убыхии, естественно, не могло оставить равнодушным их предводителя Хаджи Берзека Дегумуко. Положение убыхов осложнилось еще тем, что 1839 год на Западном Кавказе выдался неурожайным и в осенне-зимний период 1839-1840 гг. вследствие отсутствия корма и из-за суровой зимы пало много скота, а скучные запасы хлеба у населения истощились быстро, в результате на южных склонах Главного Кавказского хребта разразился страшный голод, унесший немало жизней⁸⁰. Далее такое терпеть было не возможно. И Хаджи Берзек Дегумуко в начале 1840 г. становится инициатором всеобщей мобилизации всех причерноморских свободных обществ абазин, абхазов, западных адыгов и убыхов в борьбе с царскими колонизаторами⁸¹. Главной целью Хаджи Берзека Дегумуко было уничтожение береговых укреплений, чтобы восстановить торговлю с Турцией и обеспечить тем самым хлебом, солью и другими продуктами питания голодающее население. На самом начальном этапе операции по захвату прибрежных укреплений ему удалось мобилизовать около 15

тысяч воинов из числа убыхов, приморских абазин, абхазов, шапсугов и натухайцев⁸². Осуществление плана началось 7 февраля 1840 г. со взятия штурмом укрепления Лазаревское. Задолго до его штурма в укрепление был подослан лазутчик, убых Шоген-Муса, который выдавал себя за бежавшего от кровоместников. Изучив состояние и план укрепления, он сбежал в ночь на 7 февраля к убыхам, а на рассвете подвел их отряд численностью 1200 человек под стены укрепления, убил часового и этим обеспечил внезапность атаки. После трехчасового боя из 184 офицеров и солдат 144 были убиты, а 40 взято в плен. Между тем это укрепление имело несколько артиллерийских орудий и искусно устроенный вал из туров, что с суши невозможно было его взять при любых других ситуациях. Вслед за укреплением Лазаревское пали и другие: Головинское – 27 февраля, Вельяминовское – 29 февраля, Михайловское – 22 марта⁸³. В боях за эти укрепления сражался племянник Хаджи Берзека Дегумуко – Керентух. Он возглавлял штурм укрепления Вельяминовское⁸⁴. Особо упорным было сражение за хорошо оборудованное укрепление Михайловское, которое защищал Тенгинский полк. В сражении за него участвовал 11-тысячный отряд убыхов, шапсугов и натухайцев во главе их старшин под руководством предводителя убыхов Хаджи Берзека Дегумуко. Начав сражение 20, лишь 22 марта удалось горцам полностью уничтожить гарнизон укрепления⁸⁵. Царское командование, напуганное масштабами военных действий убыхов, усилило гарнизоны других укреплений и привлекло к их защите корабли Черноморского флота. Только мощь корабельных орудий и десантирование значительного подкрепления спасло от полного взятия убыхами 14 марта укрепления "Святого Духа" в Адлере и 23-24 марта – укрепления Навагинского возле устья р. Сочи⁸⁶. Несмотря на последние две неудачи, убыхи не оставили их в покое. 2 апреля 1840 г. они штурмом берут укрепление Николаевское. В ночь с 27 на 28 июля того же года соединенный убыхо-абхазский отряд из 550 воинов при двух горных орудиях, отбитых у русских, под командой абхазского князя Эшсау Маршан внезапным штурмом взяли укрепление Навагинское. Горцы не могли удержаться в укреплении из-за убийственного огня корабельных орудий Черноморской эскадры,

охранявшей береговые укрепления. Только в этих двух сражениях горцы потеряли убитыми и ранеными 1321 чел., но ими было взято в плен 1045 офицеров и солдат царской армии. Горцы пополнили и свои худые запасы: было захвачено 15 артиллерийских орудий, большое количество огнестрельного оружия и боеприпасов, а также продовольствие⁸⁷.

12 апреля 1840 г. военный министр граф Чернышов, возмущенный разгромом Черноморской береговой линии между Анапой и Гаграми, резко осуждает ее начальника генерала Н.Н. Раевского и приказывает командующему Отдельным Кавказским корпусом незамедлительно направить войска против убыхов и "жечь и уничтожать их посевы, жатву и запасы"⁸⁸. Однако из "решительных" действий со стороны царского командования ничего не вышло. Царские войска в мае 1840 г. обратно отвоевали лишь развалины Вельяминовского (на р. Туапсе) и Лазаревского (на р. Псезуапе) укреплений, а карательный отряд, направленный по долине р. Псезуапе, как всегда в этих случаях, сжег 13 шапсугских аулов. При этом, отряд "умело боролся" и против фруктовых насаждений и виноградных плантаций, которые полностью были уничтожены, а до убыхов войска так и не добрались⁸⁹.

Осенью 1840 г. Хаджи Берзек Дегумуко с 2500 убыхами и ахчипсхувцами появляется на берегах р. Бзыбь, посыает гонцов к цебельдинцам и дальцам в ущелье р. Кодор с призывом к вооруженной борьбе⁹⁰. Также как и убыхи, замученные голодом и блокадой царских карательных отрядов, их бесчеловечными действиями в 1837-1839 гг., они быстро откликнулись на призыв Хаджи Берзека Дегумуко. Осенью 1840 г. центром антиколониальной борьбы становится опять Цебельда. В октябре 1840 г. начальник Черноморской береговой линии Н.Н. Раевский, прося о помощи войсками, писал в своем донесении: "Цебельдинцы подстрекаются убыхами... В Абхазии часть народа готова восстать против владельца и присоединиться к убыхам"⁹¹. Раевский просит Чернышева усилить гарнизоны в Абхазии и в Новороссийске. "В противном случае, — пишет он, — повторится в предстоящую зиму то, что было в прошедшую, и я не знаю, что сделается с Абхазией, если Хаджи Берзек обратится на нее с 15000 человек,

как в прошлом году на береговые укрепления"⁹². Просьба Раевского была удовлетворена. Эта мера царского командования была своевременной, ибо антиколониальное настроение крестьян в Абхазии нарастало⁹³.

Хаджи Берзек Дегумуко и его племянник Керентух не смогли поднять широкие массы абхазов против колониальных захватов царской России. Как и значительная часть адыгских феодалов, абхазские также отстаивали лишь собственные интересы – возможность владения землей и людьми, получения щедрых вознаграждений от царских чинов. Сам князь Михаил Чачба (Шервашидзе), его тавады и амыста (дворяне) Хасан Чачба, Хасан Маан, Кац Маан, Званбая, кн. Маршания и др., получая "за усердие к службе царской" офицерские чины, награды и денежные подарки, были верными проводниками колониальной политики русского царизма, к тому же, к ним присоединились и садзские дворяне Хамыш, Гячъ, Цанба, Чуу и др., которые дали клятву верности "самодержцу и великому государю всероссийскому". Под защитой русских штыков они, "сохранив свои права, достигли небывалого прежде благосостояния"⁹⁴.

В сложившейся ситуации Хаджи Берзеку Дегумуко ничего другого не оставалось, как еще раз обратиться к своим северным соседям – абадзехам и шапсугам, напомнить им, что летом 1841 г. они вместе принимали на общем народном собрании на р. Пшеха решение: "Никто из нас не должен идти к неверным, дружеские сношения с неверными строжайше запрещены, и потому всякий мир и предложение с их стороны должны быть постоянно отвергаемы... Как только русские войска вступят в страну, то каждый должен взять оружие и идти туда, куда потребует опасность"⁹⁵. Эта опасность наступила в том же 1841 г., когда царское командование решило вытеснять закубанское население с насиженных мест. Мысль о порядке колонизации горских земель за Кубанью была подана генералом Вельяминовым еще в 1839 г. на заседании Верховного командования Кубанской армии. Подробно это предложение было рассмотрено генералами Головиным, Граббе и Зассом. План предусматривал последовательное отселение из гор и предгорий горцев, по долинам рек, начиная с Кубани и на запад, тесня тем самым закубанцев к морю. По мере потеснения горцев предусматри-

валось заселение края станицами. Николай I одобрил этот проект и потребовал, чтобы в первый же год достичнуть Лабы и стать "прочной ногой" в середине Закубанского края⁹⁶. Таким образом, выполнив приказ царя и очистив междуречье Кубани и Лабы от непокорных народов, в 1841 г. были основаны станицы Лабинская, Чамлыкская, Вознесенская и Урупская с общей численностью населения 6600 душ⁹⁷.

Обеспокоенные приближением царских войск к своим землям и опасностью быть выселенными, как и бесленеевцы, абадзехи начинают активизировать свои действия против царских укреплений и призывают на помощь убыхов и шапсугов. Объединенными силами из 10 тыс. воинов они 20 марта 1841 г. сражаются с частями генерала Г.Х. Засса на р. Фарс. 6-часовой бой завершается поражением абадзехов, шапсугов и убыхов⁹⁸. В апреле этого же года 15-тысячное ополчение адыгов и убыхов ведет бои под укреплением Тенгинское, которое они осаждали 6 дней. Вынуждены были отступить после того, как царское командование подтянуло крупное подкрепление⁹⁹.

Очередное поражение на Лабе, разобщенность действий западноадыгских народов, участившиеся народные собрания, где часть адыгов склоняется к примирению с русскими, равнодушие значительной части адыгской феодальной знати к освободительному движению, примиренческая позиция феодальных кругов в Абхазии и Джигетии¹⁰⁰ серьезно надломили боевой дух убыхов и их предводителей. При этих условиях в начале мая 1841 г. убыхское руководство во главе с Хаджи Берзеком Дегомуко получает приглашение на переговоры с новым начальником Черноморской береговой линией генералмайором Анрепом. Немало этому способствовал владетель Абхазии Михаил Чачба (Шервашидзе), который был воспитан самим Хаджи Берзеком Дегумуко по обычаям атальчества и являлся его названным сыном¹⁰¹. Встреча убыхской делегации с генералом Анрепом произошла 9 мая 1841 г. в присутствии Михаила Чачба (Шервашидзе), Каца Маан, Ахмета Аубла и других "почетных дворян абхазских"¹⁰². Расчет генерала Анрепа и абхазского владетеля, видимо, в успехе переговоров заключался еще в одном обстоятельстве. Кроме родствен-

ных отношений Хаджи Берзека Дегумуко с Михаилом, такие же узы родства связывали и других лиц, присутствовавших на переговорах. Керентух Берзек был женат на сестре названного выше Каца Маан. Садзский дворянин Абич Солихо (Соулах) был женат на дочери Керентуха Берзека. Сам Михаил был женат на дочери джигетского (садзского) князя Бесланчура Арыдба. Дочь же Каца Маан была замужем за садзским князем Омаром Цанба и т.д.¹⁰³ Одним словом, абхазская, убыхская и присягнувшие на верность русскому царю джигетская (садзская) знать были спаяны неформальным родством.

Переговоры генерала Анрепа с убыхской делегацией, которые завершились 12 мая, длились 4 дня. В самом его начале в убыхской делегации выявились разногласия. Вышеупомянутый владетель сочинских убыхов Ахмет Аубла выступил за немедленное принесение присяги покорности. Его позицию осудили убыхи из Вардане и Шахе¹⁰⁴. Против условий, которые выдвигал генерал Анреп, на собрании высказался и сам руководитель убыхов Хаджи Берзек Дегумуко. В перерывах между переговорами шли консультации, и владетель Абхазии разговаривал в отдельности со своим названным отцом – Хаджи Берзеком Дегумуко и генералом Анрепом, смягчал требования сторон. В итоге, вероятно, Хаджи Берзек сказал Михаилу о том, что можно будет договориться на определенных условиях. Такую же позицию занимал и Керентух Берзек. Все это видно из рапорта генерала Анрепа от 25 мая 1941 г. В своем рапорте он отмечал: "...опасаясь потерять влияние на народ (Хаджи Берзек. – М.К.), говорил в собрании против мирных соглашений с русскими, но с другой стороны, выслушав все обещания владельца (Михаила. – М.К.), тайно дал ему слово, что *не будет противиться покорности убыхов, если они на оную решатся* (выделено мною. – М.К.)"¹⁰⁵. Даже генерал Анреп в своем рапорте вполне четко обозначил позицию Хаджи Берзека Дегумуко и его "тайное" согласие, – если народ сам примет покорность. А по установившейся традиции такие решения принимались только на народных собраниях. Поэтому нет оснований считать Хаджи Берзека Дегумуко "предателем" интересов народа, как это сделал уважаемый А. Фадеев в своей работе "Убыхи в освободительном движении на Западном Кав-

казе". Из документа Анрепа видно и то, что он сожалеет за недальновидную политику своего предшественника генерала Раевского, настроившего Берзеков и весь народ против России¹⁰⁶. Таким образом, первый тур переговоров генерала Анрепа и убыхов завершился обменом мнений. И Хаджи Берзек Дегумуко и его сопровождавшие лица не подписали никакого соглашения, за исключением Ахмета Аубла, который принес присягу покорности. Возмущенные поступком последнего, убыхи уехали 12 мая¹⁰⁷.

Хаджи Берзеку Дегумуко нужно было выиграть время и искать более приемлемый для своего народа договор с русскими властями. Он не мог не знать, какие соглашения заключались с другими этническими группами адыгов и абазин на Северном Кавказе, что потом их выселяли с насиженных мест, отводившиеся под казачьи станицы, вводились дискриминационные порядки и т.д. Гарантий же, что такое не произойдет и с ними в случае принесения присяги, ни один из царских генералов не давал. Это хорошо видно из многих документов царского командования на Кавказе. А на обещания генералов сохранить убыхской знати привилегии феодалов Хаджи Берзек Дегумуко отнесся прохладно, ибо знал, что и без их "благосклонности" они этими правами пользовались по наследству. Именно такая позиция убыхского руководства вырисовывается из последующих событий.

20 мая 1841 г., как явствует из очередного рапорта генерала Анрепа, убыхи арестовали покорившихся князей Ахмета Аубла и Зураба Хамыша и заставили их отречься от присяги. На данном собре были Хаджи Берзек Дегумуко, его племянник Керентух и представитель из Вардана Мурад и другие участники переговоров с генералом Анрепом. Здесь же Хаджи Берзек Дегумуко сделал "распоряжение о сборе всех убыхов для действия против покорившихся джигетов"¹⁰⁸. Спустя некоторое время, 6 июня 1841 г. генерал Анреп писал о Хаджи Берзеке Дегумуко: "Многие обстоятельства заставляют меня полагать, что в его враждебной предприимчивости есть более расчету, чем ожесточения"¹⁰⁹. Все это ярко свидетельствует о том, что Хаджи Берзек Дегумуко и его ближайшие соратники не предавали интересов народа и более того – не явля-

лись "экстремистами" (по Ш.Д. Инал-ипа), ввергнувшими свой народ в пучину трагедии.

Дальнейшие события разворачивались следующим образом. Видя упорство убыхского руководства, генерал Анреп дает указание о сборе очередного экспедиционного отряда в устье р. Мзымта, возле укрепления "Святого Духа", с целью похода вглубь убыхской территории. Такой отряд был собран к началу июня под начальством генерала Муравьева¹¹⁰. Сбор русского отряда не остался не замеченным убыхами. Хаджи Берзек Дегумуко попытался привлечь против возможного вторжения отряда Муравьева в пределы убыхов своих соседей – абадзехов и шапсугов. Но эта затея не имела успеха, так как в это время абадзехи все еще противостояли наступлению генерала Засса, а шапсуги отбивались на два фронта – против вылазок русских отрядов из береговых укреплений и наступлений того же Засса¹¹¹.

Сложившаяся критическая ситуация все равно требовала от Хаджи Берзека Дегумуко принятия незамедлительного решения. И перед лицом явной угрозы гибели, убыхи 4 июня 1841 г. подписывают с генералом Муравьевым соглашение, в котором убыхи обязывались выполнить следующие условия: 1) в трехмесячный срок рассмотреть вопрос о принесении присяги; 2) в течение этих трех месяцев не трогать покорившихся джигетов и не проходить через их земли для нападения на Абхазию; 3) возвратить джигетам людей, взятых в качестве аманатов, и 4) взамен этого джигеты тоже не будут нападать на убыхов¹¹². Впрочем, для убыхов последнее условие ничего не значило. Зная их воинственность, как правило, на них и так никто не нападал. Наоборот, все соседи боялись и ничего не делали, чтобы подать повод для вражды с ними. Именно они, а никто другой, сами заставляли других вести борьбу с царской колонизацией Западного Кавказа, о чем вполне ясно сказано в ряде документов периода Кавказской войны. Выполнение второго и третьего условий этого соглашения с Муравьевым также ничем серьезным для безопасности убыхов не грозило. А первый пункт соглашения давал лишь срок для размышлений. Это был первый и последний документ, который был подписан руководством убы-

хов. И речь здесь не может идти о каком-то предательстве Хаджи Берзека-старшего и его племянника Керентуха. К тому же он носил временный, трехмесячный, характер, о чем сам генерал Анреп недвусмысленно писал в своем рапорте 18 июня 1841 г. военному министру Чернышеву и твердил о необходимости военных действий против убыхов: "Впрочем, и теперь опасность не миновала... На этих соображениях основано мое полное и совершенное убеждение, что высочайше одобренная сухопутная экспедиция к убыхам непременно должна быть произведена в нынешнем году; отложить же ее до будущего года – значит несравненно увеличить все затруднения, а может быть и потерять то, что ныне приобретено"¹¹³. Однако царское командование все же не решилось идти в землю убыхов, ограничились разрушением нескольких прибрежных сел, жители которых ушли в горы. В ответ на это убыхи также ограничились несколькими обстрелами укреплений Головинского и "Святого Духа". После одного из таких сражений 10 октября 1841 г., к которому не подключились абадзеши, шапсуги и садзы, видимо, не желая больше нести тяжесть войны, Хаджи Берзек Дегумуко (было ему уже тогда 66 лет) сказал: "Теперь деритесь кто хочет, а я еду домой"¹¹⁴. Тем не менее это еще не означало, что он, Керентух и другие сподвижники сдались "на милость врагу". В ноябре 1841 г. они нанесли сокрушительный удар по отряду генерала Л.М. Себрякова в районе Сочи. Царские войска потеряли убитыми около 600 чел. и 3 тыс. ранеными¹¹⁵. В свое оправдание генерал писал: "Конечно и со стороны неприятеля не без потерь, но не может сравниться с нашей, потому что горцы всегда ведут перестрелку врассыпную и имели возможность бить наших в густой колонне, идущей у самого берега"¹¹⁶.

К началу 1842 г., после 5 лет беспрерывных боев убыхов, перехода джигетов (садзов), абхазской и значительной части адыгской феодальной знати на сторону русского царизма и отхода от военных дел Хаджи Берзека Дегумуко, среди определенной части убыхского дворянства, в том числе из рода Берзек, начинает преобладать упаднический дух. Некоторые субашинские и шахинские Берзеки – Шеулехуко Амщук, Хапешуко Эльбуз, Шейулехуко Эдик, Шеуейу-

ко Мату 27 февраля 1842 г. присягнули за себя и своих холопов на вечное подданство великому государю¹¹⁷. Достигнутому успеху с указанными Берзеками правительство России придавало настолько большое значение, что Николай I каждому из присягнувших пожаловал звание поручика и повелел производить этим офицерам жалованье по 200 руб. серебром в год и выслать им эполеты¹¹⁸. Однако указанные Берзеки не являлись главными действующими лицами не только в среде убыхов, но и в собственном роду. Тем не менее, как следует из рапортов генерала Анрепа, факт их присяги серьезно повлиял на морально-психологическое состояние убыхов¹¹⁹. Официально же не присягнули России Хаджи Исмаил Дегумуко Берзек и его племянник Керентух. Они, по-прежнему, продолжали руководство убыхским движением. И в течение 1842-1846 гг. они принимают участие в ряде боевых действий адыгов и убыхов. По сообщению генерала Будберга, в 1846 г., чувствуя, что его покидают силы, Хаджи Исмаил Дегумуко Берзек-старший совершает хадж в Мекку и умирает¹²⁰.

К этому времени в антиколониальной борьбе западных адыгов и убыхов наступает новый период. С 1842 по 1859 гг. Шамиль присыпает на Западный Кавказ трех своих наибов – Гаджи Мухаммеда, Сулейман-Эфенди и Мухаммед-Эмина¹²¹. Вклад первых двух в дело борьбы западных адыгов и убыхов был незначителен, хотя они подготовили неплохую почву для внедрения среди закубанцев и убыхов принципов мюридизма. Значительно больших успехов добился Мухаммед-Эмин. Но ему противостояла феодальная верхушка адыгов, власть которых была сведена на нет введенными им административно-религиозными порядками. На этой почве Мухаммед-Эмин имел два (в мае 1856 г. на р. Суп и 22 февраля 1857 г. под Туапсе) крупных сражения с адыгской феодальной знатью, возглавляемой Сефербей Заноко. Тем не менее, Мухаммед-Эмин вышел из этого противостояния победителем¹²².

На волне нового подъема антиколониальной борьбы убыхи во главе с Керентухом вновь стремятся разрушить береговые укрепления. Вместе с шапсугами они собирают ополчение из 6000 воинов и в июле 1844 г. нападают на Головинское и Лазаревское укрепления, а в 1846 г. они устроили 88 сражений по

всей Черноморской береговой линии.¹²³ Для царского командования роль Берзеков и главных фигурантов "береговых" сражений Хаджи Берзека – старшего и его племянника Керентуха и других представителей этого рода настолько велико, что они не сходят со страниц их рапортов и донесений. В марте 1842 г. генерал Анреп докладывает Чернышеву, что "глава этого племени (имел ввиду адыгов. – М.К.) – убыхи, и пока они сохранят то же влияние на эту часть Кавказа, никакое приобретение наше не может быть прочным..."¹²⁴. В другом рапорте новый начальник Черноморской береговой линии генерал Будберг указывал: "Прибрежное народонаселение от Геленджика до границы джигетов составляет второй союз, во главе которого стоят убыхи"¹²⁵. Тем не менее, царское командование на Кавказе в тот период так и не решалось покорять убыхов, посыпать экспедиционные отряды для приведения их в покорность, сжигая при этом убыхские аулы и уничтожая их хозяйство, как это делалось в Абхазии и на Северном Кавказе. В этом заслуга в первую очередь убыхского руководства во главе с Берзеками, их лидеров – Исмаила, Хасана и Керентуха.

В 1853-1855 гг. разразилась так называемая Крымская война. В 1854 г. Россия эвакуирует гарнизоны своих береговых укреплений на Черноморском побережье Кавказа, чтобы не сделать их заложниками англо-французской военной эскадры и турецкого десанта¹²⁶. Абхазские, адыгские и убыхские массы и их предводители, уверенные в скором падении царского режима на Кавказе, приняли сторону Турции, но фактически отставили вооруженную борьбу¹²⁷. Между адыгскими этническими группами нет единства в вопросе о продолжении войны с Россией, часть из них склоняется к миру и не желает сотрудничать с Мухаммед-Эмином, Сефербеем Заноко¹²⁸.

В начале Крымской войны распадается союз адыгов и убыхов, каждый действует самостоятельно. Несогласованность действий западных адыгов и убыхов в 50-е годы XIX в., после окончания Крымской войны, известие о пленинении Шамиля, сложение вслед за ним своих полномочий Мухаммед-Эмином и принесение им присяги вместе с абадзехами, покорность России бжедугов, ма-хощевцев, темиргоевцев, бесленеевцев, большей части натухайцев и других

адыгских групп, смерть предводителя адыгов и эмиссара Турции Сефер-Бея Заноко в декабре 1859 г. и многие другие обстоятельства окончательно поставили точку в судьбе Кавказской войны на Западном Кавказе¹²⁹.

3 октября 1860 г. во Владикавказе состоялось совещание высшего военного начальства во главе с командующим Кавказской армией князем Барятинским, на котором рассматривался план военных действий в Закубанском крае. Он заключался в том, чтобы активными боевыми действиями очистить от горцев широкую полосу земель до подножия гор, начиная от верховий Лабы и к западу до моря, затем, потеснив их с этих мест, перейти на южные склоны хребта, тем самым вынудить их переселиться на равнинные земли позади казачьих станиц или уйти в Турцию. Освобожденные же земли предлагалось заселить незамедлительно казачьим населением. Евдокимов был поддержан командующим Кавказской армией фельдмаршалом Барятинским и его план фактически лег в основу последующих военных действий¹³⁰.

Представители военной и феодальной верхушки, руководившие убыхами и приморскими свободными обществами абазин, абхазов и адыгов, перед лицом угрозы полной гибели, пришли, наконец, к убеждению в необходимости объединить все свои силы для отпора врагу. Инициаторами объединения стали убыхи. 13 июня 1861 г. они проводят в Сочи съезд всех выборных старшин, избирают меджлис (парламент) в составе 15 человек, названное "Великим и свободным заседанием". На съезде принимается Конституция. По постановлению этого меджлиса вся Черкесия, Убыхия, горные общества абазин и Джигетия делятся на 12 округов, с определением в каждой из них муфтия и кадия, а также мухтара (старшина или глава округа), от каждого 100 дымов выделяется для постоянного войска по 5 всадников. На последних возлагается сбор доходов и распределение податей. Меджлис принимает обращение к международному сообществу о их признании и оказании помощи в борьбе с колониальной политикой России¹³¹. По сути, это был не первый, но серьезный шаг к образованию государственности, централизации власти, концентрации административных и

дипломатических рычагов для успешной борьбы против колонизации их земель.

Тем не менее, меджлис, возглавляемый Хаджи Керентухом Берзеком, помимо военных мер, предпринимает попытку действовать политико-дипломатическими методами. В Турцию и Англию они направляют делегацию во главе с убыхским дипломатом, членом меджлиса Измаилом Баракай-ипа Дзиаш (Дзейш)¹³², а в Англию через Сухумского консула – письмо королеве, которое по вине связника (зятя Керентуха) попадает в руки царского командования¹³³. Но, прежде всего, они предпринимают попытку договориться мирно с царским правительством, военным командованием на Кавказе. С этой целью летом 1861 г., после заседания меджлиса, в сопровождении абазинского князя полковника Мамата Лоова в Тифлис прибыли для переговоров депутаты: от убыхов – Хаджи Керентух Берзек, от абадзеев – Гассан Бидхев и от шапсугов – Ислам Тхауш. Наместника Кавказа князя Барятинского на месте не оказалось, и они встретились с его заместителем князем Орбелиани. Последний, сославшись, что он не уполномочен решать поставленные ими вопросы, но все же рекомендовал выполнить требование – "покориться" и "принять начальников, которые будут назначены". Кроме того, он им сообщил, что они лично могут обратиться к самому Императору, который прибудет в Тамань. И действительно, Александр II прибыл в Кубанскую область 11 сентября 1861 года, высадился с корабля в Тамани, где он встретился с 500 представителями всех горских народов Северо-Западного Кавказа. От имени всех западных горцев выступил старец и просил: "Только лишь не выселяйте нас с тех мест, где родились и жили наши отцы и деды. Отныне мы эти места наравне с войсками вашими будем защищать от врагов до последней капли крови нашей... Не выселяйте только нас и смотрите на нас, как и на остальных ваших верных подданных..."¹³⁴ Это обращение старого горца, по сути, было последним официальным общенародным волеизъявлением всех западных адыгов, абазин и убыхов к самодержцу всероссийскому, как к Богу. Государь, конечно же, внимательно все это выслушал и обещал сделать все возможное. Когда это перевели черкесам, они были

рады ответам и восторженно отзывались о решении царя¹³⁵. Однако, известно, что царское командование оставило в силе агрессивный план покорения Западного Кавказа.

В том, что Император не изменил свое отношение к плану покорения Кавказа, предложенного Евдокимовым, а не предпочел план Паскевича, более "человечный" путь покорения Кавказа, убеждаешься еще раз потому, как он отреагировал и на обращение руководителя Сочинского меджлиса Хаджи Керентуха Берзека, который был принят 18 сентября 1861 года самим Императором у него в ставке в верховьях реки Фарс¹³⁶. Тогда Александр II на его просьбу принять их в подданство и не трогать их земель ответил: "Приятно видеть горские народы своими поданными, но для этого они, прежде всего, должны... повиноваться и исполнять требования русской власти..."¹³⁷. В чем оно заключалось он ясно выразил в своем последнем слове, чем прежде попрощался с Хаджи Берзек Керентухом: "Я даю месячный срок, - они должны решить: желают ли они переселяться на Кубань, где получат земли в вечное владение и сохранят свое народное устройство и суд, или же пусть переселяются в Турцию"¹³⁸. Конечно, как могли закубанские адыги, горные и приморские демократические общества абазин, садзов и убыхов оставить жилье, хозяйство, исконную землю, где тысячелетиями складывалась их этническая история, наконец – могилы предков и выселяться под надзор казачьих станиц или в Турцию? Эти условия русского царизма были бесчеловечны, циничны и не могли быть приняты горцами Западного Кавказа.

У убыхских руководителей в сложившейся ситуации не было иного выхода, как продолжать борьбу с оружием в руках. В тот же день, когда уехал Хаджи Керентух Берзек от Императора Александра II, последний утверждает план Евдокимова по окончательному покорению Западного Кавказа¹³⁹. В Закубанье еще ожесточенее становится борьба абадзехов и шапсугов. В 1862 г. ввиду наступления царских войск меджлис постановил "обнародовать призыв к священной войне и отправить в землю абадзехов на все лето несколько тысяч человек и принудить к такому же содействию джигетов"¹⁴⁰. Однако призыв

меджлиса о священной войне не нашел широкого отклика. Причина, видимо, заключалась в усталости людей за 32 года (1830-1862) войны. Тем не менее, как сообщает Кутаисский генерал-губернатор князь Гагарин, "на помощь к абадзехам отправлены от 4 до 5 тысяч убыхов под начальством испытанных предводителей. Была сделана вооруженная попытка для принуждения джигетов к отправлению контингента, но сии последние уклонились и в этот раз, а между тем князь Решид Гечь просил нас сделать такое наступательное движение, которое позволило бы им отговориться окончательно"¹⁴¹. 14 июня 1862 года происходит крупное Хамкетинское сражение отряда абадзехов и убыхов с частями полковника Гоца. Адыги и убыхи теряют до 6000 чел. убитыми, русские – 64 чел. Повторное сражение абадзехов, убыхов и горных абазин с царскими войсками происходит 26 июня 1862 г. в верховьях Лабы. Горцы теряют убитыми 180 чел.¹⁴² А неделей раньше, 19 июня 1862 г., Кутаисский генерал-губернатор Н.П. Колюбакин высаживает морской десант в Сочи и сжигает Сочинский меджлис, чем отвлекает убыхов из Кубанской области¹⁴³. В это время в Англии находится адыго-убыхская делегация во главе с убыхом Измаил Баракай-ипа Дзиаш. Но эта делегация, кроме сочувствия английского парламента и моральной поддержки общественности, не получает никакой военно-политической, дипломатической и экономической помощи.

Одновременно с изгнанием горского населения осуществлялся план 1839 г. генерала Вельяминова по заселению закубанских земель казаками и крестьянами с Юга и Центра России. В 1861-1863 гг. основываются еще 60 станиц и в земли адыгов и абазин водворяются 55 тыс. русско-казачьего населения¹⁴⁴. Таким образом, во исполнение плана генералов Вельяминова и Евдокимова, за 1841-1863 г. в Закубанье были основаны 92 станицы с населением 106 тыс. чел.¹⁴⁵ Кроме того, регулярные войска, действовавшие в Закубанье, без учета казачьих отрядов, насчитывали 75 тыс. чел.¹⁴⁶ По данным же Р. Фадеева "от начала систематической войны" (1830 г - ?) по 1862 г. в Закубанском крае и по Черноморскому побережью Кавказа были основаны 111 станиц. Уже к нача-

лу 1863 г. численность всего закубанского населения составляла всего 520 тыс. чел., в том числе остаток всех горских народов – 80 тыс. чел.¹⁴⁷

Между тем, во второй половине 1862 г. – начале 1863 г. руководство Сочинского меджлиса под руководством Керентуха Берзека, сына покойного Сефера-бея Заноко – Карабатыра, посла в Турции убыха Измаила Баракай-ипа Дзиаша продолжали искать дипломатические пути спасения своей молодой государственности, провозглашенной в июне 1861 г. Как явствует из документа от 17 января 1863 г. военного советника русского посольства в Турции полковника Франклина, члены Сочинского меджлиса и все агенты зарубежных стран, члены Высшего Национального Совета (ВНС) черкесов и Комитета, образованных для содействия черкесам из разного рода агентов, в Константинополе, постоянно поддерживают регулярную связь между собой¹⁴⁸. В другом документе от 27 января 1863 г., пересланном в министерство иностранных дел России, сообщается, что "переводчик Аргиопуло встречался несколько раз с крупным торговцем Измайл-беем из Вардана (Измайл Баракай-ипа Дзиаш. – М.К.)". Последний говорил, что черкесы объединились и дали клятву продолжать войну, в случае поражения – массово эмигрировать¹⁴⁹. По возвращению из Лондона в Константинополь делегации Сочинского меджлиса, деятели зарубежной диаспоры пишут борющимся остаткам адыгов и убыхам во главе с Керентухом Берзеком письмо и "призывают объединиться в предвидении борьбы не на жизнь, а на смерть с Россией"¹⁵⁰. Тот же переводчик Аргиопуло информировал свое посольство, что якобы Измайл-бей Баракай имел свою точку зрения относительно мирного разрешения противостояния адыго-убыхов с Россией. В беседе с ним он говорил, что Европа и Турция ничем не помогут, уговаривал своих прекратить войну. Просил также передать послу – нет ли возможности предоставить в рамках империи автономию Черкесии, "такую какую она имела во время сюзеренства России"¹⁵¹. Последнее очень убедительно свидетельствует о том, что, в частности, убыхи, которых представлял Измайл Баракай-ипа Дзиаш в Лондоне и в Турции, к тому же как глава адыго-убыхской делегации, видимо, не без совета с руководителем меджлиса Керентухом Берзеком, надеялся все же о мир-

ном разрешении войны, во избежание трагедии убыхов и других народов – изгнания из родных мест. Это подтверждает и ту истину, что убыхи во главе с их последним военно-политическим руководителем Керентухом Берзеком использовали все возможные пути спасения своего народа. Увы, они были исчерпаны уже давно с другой стороны – российской. Царские генералы, языком дипломатии которых была лишь сила оружия, не знали других методов и средств сближения интересов горцев Западного Кавказа и России. Для них было давно решено: за Кубань, под казачий военно-административный контроль или в Турцию, другие варианты не брались в учет.

Наступали последние месяцы жизни убыхов на их исторической родине. В январе 1864 г. генерал Евдокимов предлагает Великому князю Михаилу Николаевичу (Романову), командующему войсками на Кавказе, план наступательных операций на убыхов¹⁵². Его осуществление началось 8 февраля 1864 г. В этот день Даховский отряд генерала Геймана, состоявший из 13 ½ батальонов пехоты, шести артиллерийских орудий, 2 эскадронов и 5 казачьих сотен, выступил из станицы Ширванской к Пшишскому перевалу, а затем – к Гойтхскому и 20 февраля спустился в долину р. Туапсе. По пути следования были сожжены несколько десятков шапсугских аулов. По прибытию к истокам р. Туапсе два дня очищалась долина от враждебного населения, сжигались аулы, а имевшийся у населения урожай и скот изымались для пополнения запасов отряда. Между тем 21 февраля к Гейману явились шапсугские старейшины "с изъявлением полной покорности; они просили дозволения беспрепятственно прибыть к берегу и выехать в Турцию"¹⁵³.

Движение войск против убыхов и горных обществ абазин и абхазов начинается 5 марта 1864 г. с 4-х сторон – четырьмя колоннами¹⁵⁴. Первая колонна войск в составе 27 рот Кавказских линейных батальонов Кутаисского генерал-губернатора, 4-х подвижных орудий Сухумской крепостной артиллерии и одной сотни милиции под начальством генерала Шатилова выступила из Гагр в долину р. Псоу. Вторая колонна, десантная, в составе 8 батальонов Кавказской гренадерской дивизии, 4-х горных орудий, 4-х сотен пешей милиции и одной

сотни Кутаисского конно-регулярного полка под руководством генерал-лейтенанта князя Святополк-Мирского отплыла из Сухума и высадилась с кораблей у мыса Адлер и двинулась в долину р. Мзымта. Третья колонна, состоящая из отряда генерала Геймана, так называемого Даховского отряда, наступала по линии Туапсе – Лазаревское – Сочи. Далее – по долине этой реки отряд должен был прибыть к верховьям Мзымты и спуститься в общество Ахчипсоу. Четвертая колонна войск в составе 6 батальонов пехоты, двух сотен казаков и одной сотни милиции под командованием генерала Граббе выступила из верховьев Малой Лабы (с Северного Кавказа) через перевалы Главного Кавказского хребта по направлению к верховьям р. Мзымта. Все четыре колонны, следуя по указанным направлениям, должны были очищать все горные долины и побережье моря от местного населения, а после окончания этой операции сосредоточиться в долине общества Ахчипсоу¹⁵⁵.

Следует отметить, что во время своего движения с 5 марта 1864 г. войска не встретили серьезного сопротивления. Состоялся небольшой бой с убыхами на р. Годлик¹⁵⁶. Наиболее яростное сопротивление первой колонне оказалось также горное общество Аибга, которое в течение 4-х дней (7-11 мая) вело упорный бой. Очевидцы писали, что, "запрудив теснину, в которую прорывается р. Псоу завалами и сбрасывая на войска камни с утесов, горцы сделали совершенно невозможным дальнейшее наступление этой колонны без весьма чувствительных потерь". В связи с этим царскому командованию пришлось в помощь остановившемуся отряду направить 12 рот гренадер и две сотни милиции под начальством генерал-майора Батезатула по гребню хребта из долины р. Мзымта в тыл горцам¹⁵⁷. 20 мая все четыре колонны встретились в котловине Ахчипсоу в верховьях р. Мзымта, сломив сопротивление мелких разрозненных отрядов горцев¹⁵⁸. Этой операцией под руководством генерала Евдокимова была поставлена последняя точка в Кавказской войне, завершившаяся на следующий день, 21 мая, парадом царских войск в долине Губаадва (совр. Красная поляна под г. Сочи)¹⁵⁹.

Перед наступлением на Сочи, после взятия 5 марта бывшего укрепления Головинское, генерал Гейман направил к убыхам письмо, в котором он предлагал немедленно выдать русских пленных и собраться для выселения в Турцию к устьям рек Шахе, Вардане и Сочи. В противном случае он предупреждал, что "силою оружия я освобожу ваших холопов, закрою путь в Турцию, и вы будете поселены на берегу Азовского моря. Вспомните, что вы подняли против нас абадзехов и заставили несчастный народ дойти до нищеты"¹⁶⁰. Как видно из этого письма, генерал даже не заставлял себя думать над тем, что пишет, возлагая всю ответственность за трагическую судьбу абадзехов, шапсугов и других на убыхов, а не на царское правительство. Тем не менее, его письмо возымело действие. 6 марта к нему в лагерь в Лазаревском приехали 15 старейшин убыхов во главе с Эльбуз-Хапакх Берзеком и Хаджи Бабуко Берзеком для переговоров. Они просили его дать срок 3 месяца для выселения в Турцию. А он им отвечал с характерной надменностью генерала-победителя: "Ну что же, убыхи? Зачем пришли ко мне? Где же войска ваши в европейских мундирах, о которых вы столько кричали? Где нарезные орудия и снаряды? Где союзники ваши? Вам ли, убыхам, переговоры вести?"¹⁶¹ В ответ на это убыхи просили: "Мы и теперь народ уже упавший, но лежа, просим у вас милости. Великодушно и благородству свойственна милость"¹⁶². А генерал, видимо, не имел этих чувств и манер великодушия и благородства и отвечал старикам: "Нечего рассказывать сказки! ...Уступок с моей стороны нет и не будет впереди"¹⁶³. Этими словами он прекратил диалог с убыхами. В тот же день он разделил свой отряд на три колонны и 7 марта двинулся по долинам рек между Туапсе и Псезуапе, оставив в Лазаревском 3 батальона¹⁶⁴. За 10 дней его войска выжгли все селения шапсугов и 18 марта обратно вернулись в Лазаревское, потеряв убитыми 7 нижних чинов и 15 солдат с раненным поручиком¹⁶⁵. Перед выступлением на Сочи он свой отряд расположил в подготовленном лагере на р. Лоо. По пути к лагерю он сжег села общества Вардане, в том числе аул Измаила Баракая¹⁶⁶, члена Сочинского меджлиса, крупного торговца, дипломата и убыхского посланника в Англию.

24 марта в лагерь к Гейману на р. Лоо, выслав вперед несколько почетных убыхов, прибыл сам Хаджи Керентух Берзек в сопровождении группы убыхов в бурках и башлыках. Генерал Гейман с Керентухом говорил более вежливо, чем с его собратьями 6 марта. После недолгого диалога Керентух заявил: "Мы желаем оставить нашу родную землю и хотим ехать в Турцию, нам нужно собрать имущество, продать скот"¹⁶⁷. В ответ, не без ехидства, генерал спросил: "А чем же вам кормить войска, которые приедут на помочь из-за моря?" Не отвечая на подобные вопросы, в конце своего диалога Керентух бережно достал шашку своего дяди Хаджи Исмаила Дегумуко Берзека – "Вашингтона черкесов", которую вручил молча генералу Гейману в знак окончания войны и удалился с думой о предстоящем отъезде в Турцию¹⁶⁸. Так закончилась почти 3-х летняя история Сочинского парламента и 35-летняя война убыхов и рода Берзек с русскими войсками. Для убыхов этот последний день войны стал началом "растворения" народа в Османской империи, утери языка и самобытной культуры. Офицер Эриванского полка регулярных войск русской армии А.Ф. Рукевич, давая оценку убыхам, писал: "Горцы, населявшие эту часть побережья, принадлежали к племенам убыхов, находившихся под властью князя Берзекова, который, благодаря своим личным качествам, пользовался громадным авторитетом не только у своих, но и вообще у других горских племен. Это был рыцарь по своему характеру и в то же время человек большого ума и военных дарований"¹⁶⁹.

Таким образом, с воинственными и гордыми убыхами было покончено. Этот факт для царской России имел такое важное значение, что Александр II 8 апреля 1864 г. телеграфировал своему брату Михailу – наместнику Кавказа: "Искренне радуюсь счастливому обороту дел с убыхами. Остается благодарить бога за достигнутый результат"¹⁷⁰.

Примечания:

¹ Званба С.Т. Этнографические этюды / Под ред. и с предисловием Г.А. Дзидзария. — Сухум, 1955.. — С. 43; Торнау Ф.Ф. Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау. — Нальчик, 1999. — С. 209; Фадеев

- ев А. Убыхи в освободительном движении на Западном Кавказе // ИС. — Л., 1935. — № 4. — С. 140, 146.
- ² Фадеев А. Указ. соч. — С. 146.
- ³ Berzeg K. KAFKASYA, DA ve OSMANLI HİZMETİNDE BERZEG AİLESİ, nden TANINMIŞ KİŞİLER. — Ankara, 1990. — С. 24.
- ⁴ История Абхазии. Учебное пособие. — Сухум: "Алашара", 1991. — С. 270.
- ⁵ Потто В.А. Кавказская война. — Ставрополь, 1994. — Т. 1. — С. 551.
- ⁶ Покровский М.В., Хоретелев А.О. , Алферова Т.Д. Русско-адыгские торговые связи. 1793-1860 гг. Сб. док. — Майкоп, 1957. — С. 163.
- ⁷ Тебу де Мариньи. Путешествие в Черкесию // АБКИЕА. — Нальчик, 1974. — С. 319-320.
- ⁸ Дубровин Н. Черкесы (адыге). — Краснодар, 1927. — С. 105.
- ⁹ ГАКК. — Ф. 261. — Оп. 1. — Д. 1263. — Л. 3-6, 17 об.
- ¹⁰ РГВИА. — Ф. ВУА. — Д. 18511. — Л. 13.
- ¹¹ РГВИА. — Ф. 14257. — Оп. 3. — Д. 492. — Л. 26.
- ¹² Берзедж Н. Изгнание черкесов: причины и последствия / Перевод с араб. яз. Хуажевой Н., Губжокова М. — Майкоп, 1996.
- ¹³ Кишмахов М. Х.-Б. Род из священной долины убыхов (историко-культурный очерк о роде Кишмаховых — Кишмария). — Черкесск, 1999. — С. 108.
- ¹⁴ Berzeg K. Указ. соч. — С. 24.
- ¹⁵ Berzeg S. E. SOCI,NİN SÜRÜĞNDEKİ SAHİPLERİ. CERKES — VÜBİHLAR.— Ankara, 1998. — С. 59.
- ¹⁶ Бушуев С.К., Аутлев М.Г., Коджесау Э.Л. Очерки истории Адыгеи. — Майкоп, 1957. — С. 72.
- ¹⁷ Шагиров А.К. Материальные и структурные общности лексики абхазо-адыгских языков. — М., 1982. — С. 3.
- ¹⁸ Коков Дж.Н., Кокова Л.Дж. Кабардино-черкесские фамилии. — Нальчик, 1993. — С. 23-24.
- ¹⁹ Тебу де Мариньи. Указ. соч. — С. 319.

- ²⁰ Меретуков К.Х. Адыгейский топонимический словарь. — М., 1990. — С. 48;
- Коков Дж. Н. Адыгская (черкесская) топонимия. — Нальчик, 1974. — С. 150.
- ²¹ Инал-ипа Ш.Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов. — Сухум, 1976. — С. 354.
- ²² Он же. Страницы исторической этнографии абхазов. — Сухум, 1971. — С. 278.
- ²³ Он же. Вопросы этнокультурной истории абхазов. — Сухум, 1976. — С. 354.
- ²⁴ Он же. Антропонимия абхазов. — Майкоп, 2002. — С. 297, 299.
- ²⁵ Там же. — С. 27.
- ²⁶ Там же. — С. 299.
- ²⁷ Там же. — С. 244.
- ²⁸ Там же. — С. 36.
- ²⁹ Хаджимуков Н.Н. Народы Западного Кавказа // Деятели адыгской культуры дооктябрьского периода. — Нальчик, 1991. — С. 38.
- ³⁰ Абазины. Историко-этнографический очерк. — Черкесск, 1989. — С. 10-36;
- Инал-ипа Ш.Д. Указ. соч. — С. 160-167.
- ³¹ Шеуджен А.Х. и др. Земля адыгов. — Майкоп, 1996. — с. 75, 98, 112, 140, 146, 152.
- ³² Инал-ипа Ш.Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов. — Сухум, 1971. — С. 295; Лапинский Т. Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских / Перевод Горданова В.К. — Нальчик, 1995. — С. 101.
- ³³ Инал-ипа Ш.Д. Указ. соч. — С. 295; Меретуков К.Х. Указ. соч. — С. 36.
- ³⁴ Гуажба Р. Убыхи: наша общая история // Газ. «Республика Абхазия». — 1998. № 110 (884).
- ³⁵ Berzeg K. Указ. соч. — С. 24.
- ³⁶ Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. — М., 1973. — С. 65.
- ³⁷ Хан-Гирей. Записки о Черкесии. — Нальчик, 1992. — С. 163.
- ³⁸ Там же. — С. 162-163.
- ³⁹ Дзамихов К.Ф. Адыги: вехи истории. — Нальчик, 1994. — С. 116.

- ⁴⁰ Блягоз З.У., Тхаркахо Ю.А. Адыгейские фамилии и имена. — Майкоп, 2002. — С. 35.
- ⁴¹ Думанов Х.М. Территория и расселение кабардинцев и балкарцев в XVIII – начале XX веков. Сб. док. — Нальчик, 1992. — С. 13, 35.
- ⁴² Блягоз З.У., Тхаркахо Ю.А. Указ. соч. — С. 66.
- ⁴³ Черкесы и другие народы Северо-Западного Кавказа в период правления императрицы Екатерины II. 1775-1780 гг. — Т. II. — Нальчик, 1998. — С. 285-289.
- ⁴⁴ Там же. — С. 287.
- ⁴⁵ Там же. — С. 287-288.
- ⁴⁶ Думанов Х.М. О предоставлении дворянства кабардинским узденям и владельцам (Бабуковцы) // «Эльбрус». — Нальчик, 1999. — № 1. — С. 11; Бентковский И. Бабуковцы // газ. «Ставропольские губернские ведомости». — Ставрополь. — 1879. — № 50.
- ⁴⁷ Бентковский И. Указ. соч.
- ⁴⁸ Зубов П. Подвиги русских воинов в странах кавказских с 1800-го по 1834 год // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. — Т. 2. — Нальчик, 2001. — С. 89-93.
- ⁴⁹ Бентковский И. Указ. соч. — № 50.
- ⁵⁰ Думанов Х.М. Указ. соч. — С. 12-38.
- ⁵¹ Бентковский И. Указ. соч. — № 50.
- ⁵² Бентковский И. Указ. соч. — № 50, 51.
- ⁵³ Абазины... — С. 33; Бентковский И. Указ. соч. — № 51.
- ⁵⁴ Абазины... — С. 33.
- ⁵⁵ Коков Дж.Н., Кокова Л.Дж. Указ. соч. — С. 97.
- ⁵⁶ Пшибиев И.Х., Пшибиев А.И. Адыгские (черкесские) селения и родовые знаки. — Карачаевск: КЧГПУ, 2001. — С. 60, 78, 94.
- ⁵⁷ Яхтанигов Х.Х. Северокавказские тамги. — Нальчик, 1993. — С. 162.
- ⁵⁸ Кишмахов М. Х.-Б. Указ. соч. — С. 26-29.
- ⁵⁹ Пшибиев И.Х., Пшибиев А.И. Указ. соч. — С. 94.

- ⁶⁰ История Абхазии... — С. 128.
- ⁶¹ Лавров Л.И. Из поездки в черноморскую Шапсугию летом 1930 г. (этнографо-исторические заметки) // СЭ. — 1936. — № 4-5. — С. 130.
- ⁶² Там же. — С. 127.
- ⁶³ Там же. — С. 123.
- ⁶⁴ Меретуков К.Х. Указ. соч. — С. 258-259.
- ⁶⁵ Коков Дж.Н. Указ. соч. — С. 195.
- ⁶⁶ Тхайцухов М.С. Очерки истории абазин конца XVIII-XIX вв. (Этнокультурные связи с народами Северо-западного Кавказа). — Сухум, 1992. — С. 130.
- ⁶⁷ Инал-ипа Ш.Д. Антропонимия абхазов. — Майкоп, 2002. — С. 263.
- ⁶⁸ Званба С.Т. Указ. соч. — С. 43.
- ⁶⁹ Инал-ипа Ш.Д. Садзы // ИЭА им. Н.Н. Миклухо-Маклая. РАН. Материалы к серии «Народы и культуры». — Вып. XXVIII. — Народы Кавказа. Кн. 2. — М., 1995. — С. 32; Эсадзе С. Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны. — Майкоп, 1933.— С. 54, 101, 102.
- ⁷⁰ История Абхазии... — С. 171; Дадиани Н. История Грузии // СМОМПК. — 1902. — Т. 31. — С. 54; Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Втор. доп. изд. — Сухум, 1982. — С. 54.
- ⁷¹ История Абхазии... — С. 171.
- ⁷² РГВИА. — Ф. ВУА. — Д. 6234. — Л. 14-15.
- ⁷³ ГАКК. — Кубанский войсковой архив. — Д. 1113. — Св. 85.
- ⁷⁴ Фадеев А. Убыхи в освободительном движении на Западном Кавказе // ИС. — Л., 1935. — № 4. — С. 143.
- ⁷⁵ Дзидзария Г.А. Указ. соч. — С. 62.
- ⁷⁶ Фадеев А. Указ. соч. — С. 143.
- ⁷⁷ Касумов А.Х., Касумов Х.А. Геноцид адыгов. — Нальчик, 1992. — С. 79-83.
- ⁷⁸ Эсадзе С. Указ. соч. — С. 40,43.
- ⁷⁹ АКАК. — Т. IX. — Тифлис, 1884. — С. 285; Эсадзе С. Указ. соч. — С. 45-55.
- ⁸⁰ Аутлев П.У. Адыгея в хронике событий (с древних времен до 1917 года). — Майкоп, 1990. — С. 50; Эсадзе С. Указ. соч. — С. 56.

- ⁸¹ Эсадзе С. Указ. соч. — С. 56.
- ⁸² РГВИА. — Ф. ВУА. — Д. 6392. — Л. 10-11.
- ⁸³ АКАК. — Т. IX. — Тифлис, 1884. — С. 289; Щербина Ф. А. История Кубанского казачьего войска. — Т. I. — Екатеринодар, 1910. — Т. II. — Екатеринодар, 1913. — С. 363-364.
- ⁸⁴ Гуажба Р. Указ. соч. — № 148 (922).
- ⁸⁵ Эсадзе С. Указ. соч. — С. 58-59.
- ⁸⁶ Фадеев А. Указ. соч. — С. 148.
- ⁸⁷ Гуажба Р. Указ. соч. — № 148 (922).
- ⁸⁸ Щербина Ф.А. Указ. соч. — С. 365.
- ⁸⁹ Там же. — С. 367.
- ⁹⁰ РГВИА. — Ф. ВУА. — Д. 6422. — Л.6; Дзидзария Г.А. Указ. соч. — С. 68.
- ⁹¹ РГВИА. — Ф. ВУА. — Д. 6392. — Л. 1-2.
- ⁹² Там же. — Л. 10-11.
- ⁹³ Фадеев А. Указ. соч. — С. 153.
- ⁹⁴ РГВИА. — Ф. ВУА. — Д. 6435. — Л. 11; Фадеев А. Указ. соч. — С. 154-155.
- ⁹⁵ Дубровин Н. Указ. соч. — С. 158.
- ⁹⁶ Гугов Р.Х., Касумов Х.А., Шабаев Д.В. Трагические последствия Кавказской войны для адыгов. Вторая половина XIX – начало XX века. Сбор. док. и материалов. — Нальчик, 2000. — С. 84-85.
- ⁹⁷ Там же.
- ⁹⁸ Аутлев П.У. Указ. соч. — С. 51.
- ⁹⁹ РГА ВМФ. — Ф.19. — Оп. 2. — Д. 209. — Л. 63.
- ¹⁰⁰ Фадеев А. Указ. соч. — С. 155.
- ¹⁰¹ Там же.
- ¹⁰² Там же.
- ¹⁰³ Дзидзария Г.А. Указ. соч. — С. 135; Инал-ипа Ш.Д. Указ. соч. — С. 159.
- ¹⁰⁴ РГВИА. — Ф. ВУА. — Д. 6435. — Л. 12-13.
- ¹⁰⁵ Там же.
- ¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ Фадеев А. Указ. соч. — С. 156.

¹⁰⁸ РГВИА. — Ф. ВУА. — Д. 6435. — Л. 42.

¹⁰⁹ РГВИА. — Ф. ВУА. — Д. 6470. — Л. 39.

¹¹⁰ Фадеев А. Указ. соч. — С. 158.

¹¹¹ Там же. — С. 159.

¹¹² РГВИА. — Ф. ВУА. — Д. 6435. — Л. 65-66.

¹¹³ АКАК. — Т. IX. — Тифлис, 1884. — С. 509.

¹¹⁴ Там же. С. 513.

¹¹⁵ Касумов А.Х., Касумов Х.А. Указ. соч. — С. 100.

¹¹⁶ РГА ВМФ. — Ф.19. — Оп. 2. — Д. 209. — Л. 64.

¹¹⁷ РГВИА. — Ф. ВУА. — Д. 6470. — Л. 6-7.

¹¹⁸ Там же. — Л. 12.

¹¹⁹ Фадеев А. Указ. соч. — С. 162.

¹²⁰ РГВИА. — Ф. ВУА. — Д. 6597. — Л. 59.

¹²¹ Касумов А.Х., Касумов Х.А. Указ. соч. — С. 101.

¹²² Щербина Ф.А. Указ. соч. — С. 550. Аутлев П.У. Указ. соч. — С. 66.

¹²³ Касумов А.Х., Касумов Х.А. Указ. соч. — С. 101.

¹²⁴ РГВИА. — Ф. ВУА. — Д. 6470. — Л. 5.

¹²⁵ АКАК. — Т. X. — Тифлис, 1885. — С. 670.

¹²⁶ Касумов А.Х., Касумов Х.А. Указ. соч. — С. 108.

¹²⁷ Фадеев А. Указ. соч. — С. 170.

¹²⁸ Касумов А.Х., Касумов Х.А. Указ. соч. — С. 112.

¹²⁹ Там же. С. 139.

¹³⁰ Там же. С. 147.

¹³¹ РГВИА. — Ф. 38. — Оп. 286. — Св. 233. — Д. 12 а. — Л. 21, 22, 42.

¹³² РГВИА. — Ф. 38. — Оп. 30/286. — Св. 872. — Д. 12 а. — Л. 24-24 об; Оп. 286. — Св. 233. — Д. 12 а. — Л. 25.

¹³³ РГВИА. — Ф. 38. — Оп. 286. — Св. 233. — Д. 12 а. — Л. 32.

¹³⁴ Эсадзе С. Указ. соч. — С. 78-79.

¹³⁵ Там же. С. 80.

- ¹³⁶ Там же. С. 81.
- ¹³⁷ Там же.
- ¹³⁸ Там же.
- ¹³⁹ Аутлев П.У. Указ. соч. — С. 74.
- ¹⁴⁰ РГВИА. — Ф. 38. — Оп. 286. — Св. 233. — Д. 12 а. — Л. 24.
- ¹⁴¹ Там же. — Л. 25.
- ¹⁴² Аутлев П.У. Указ. соч. — С. 75-76.
- ¹⁴³ РГВИА. — Ф. 38. — Оп. 30/286. — Св. 872. — Д. 12 а. — Л. 26-30.
- ¹⁴⁴ Гугов Р.Х., Касумов Х.А., Шабаев Д.В. Указ. соч. — С. 87-88.
- ¹⁴⁵ Там же. — С. 85, 88.
- ¹⁴⁶ Там же. — С. 88.
- ¹⁴⁷ Там же. — С. 147.
- ¹⁴⁸ РГВИА. — Ф. 38. — Оп. 30/286. — Св. 873. — Д. 8. — Л. 21-28.
- ¹⁴⁹ Там же. — Л. 13-16.
- ¹⁵⁰ Там же. — Л. 6-9.
- ¹⁵¹ Там же. — Л. 17-19.
- ¹⁵² Эсадзе С. Указ. соч. — С. 99.
- ¹⁵⁴ Там же. — С. 99-100.
- ¹⁵⁴ Там же. — С. 193.
- ¹⁵⁵ ЦГИАРГ. — Ф. 416. — Оп. 3. — Д. 1184. — Л. 5-7, 13-14. — Д. 1156. — Л. 1-1 об.
- ¹⁵⁶ Берже А.П. Выселение горцев с Кавказа // Эмиграция северо-кавказских народов в Османскую империю (вторая половина XIX – начало XX в.). Сбор. ст. — Махачкала, 2000. — С. 20.
- ¹⁵⁷ Дзидзария Г.А. Указ. соч. — С. 193-194.
- ¹⁵⁸ ЦГИАРГ. — Ф. 416. — Оп. 3. — Д. 1184. — Л. 13-14.
- ¹⁵⁹ Дзидзария Г.А. Указ. соч. — С. 194.
- ¹⁶⁰ Эсадзе С. — С. 102.
- ¹⁶¹ Там же.
- ¹⁶² Там же. — С. 103.
- ¹⁶³ Там же.
- ¹⁶⁴ Там же. — С. 104.
- ¹⁶⁵ Там же. — С. 105.
- ¹⁶⁶ Там же. — С. 106.
- ¹⁶⁷ Там же.
- ¹⁶⁸ Berzeg S. E. Kafkas diasporasf, nda edebiyatcılar ve şazarlar sozlugu. — Samsun, 1995. — С. 80.
- ¹⁶⁹ Гуажба Р. Указ. соч. — № 29 (952).
- ¹⁷⁰ Дзидзария Г.А. Указ. соч. — С. 192.

Глава III. ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ РОДА БЕРЗЕК

3.1. Убыхская ветвь рода Берзек (Berzeg)

Хотя генерал Гейман требовал от убыхов и их военно-политического руководства в лице Берзеков немедленного выселения, все же не он и даже не его вышестоящее командование определяли этот срок. Все зависело от того, когда будут поданы горцам суда для отплытия.

В распоряжении убыхов было ровно 2 месяца для сборов¹. До отплытия первой партии изгнанников (25 мая 1864 г.) представители со всех убыхских сел во главе со своими старшинами и владельцами собирались на южной окраине древнего своего аула Апохуа, где на поляне возле священной белолистки провели полное драматизма последнее народное собрание – прощание с родиной². В те дни остальные убыхи большими массами направились к морю, покидали веками ухоженную землю, оставляли жилища, имущество, могилы предков.

Люди гнали впереди себя домашний скот и лошадей в надежде продать их кому-либо³. При этом надо заметить, что отряды царских войск в наступательном порыве, в особенности части генерала Геймана, сжигавшие дотла аулы, хлеба, сено в горных ущельях шапсугов и убыхов⁴, не давали возможности собрать самое необходимое имущество и все непокорное население выгоняло к морю. Очевидец писал: "Сколько раз приходилось в опустевших при нашем приближении хижинах заставать на столе теплую пищу с воткнутою в нее ложкою, починявшуюся одежду с не выдернутой иголкой, какие-нибудь детские игрушки в том виде, как они были разложены на полу, около ребенка"⁵.

Следует отметить, что среди кавказоведов до сих пор не стихают споры относительно того, какое количество горцев, в том числе по этнической принадлежности, было изгнано в Османскую империю. Этот вопрос не прояснен до конца и по убыхам. Дело в том, что до переселения в Турцию убыхов, как отмечалось выше, по разным источникам насчитывали от 5 до 115 тыс. душ. Некоторую ясность внес А. Берже, официальный исследователь выселения горцев. Он, по документам царских офицеров, занимавшихся переселением горцев,

подсчитал, что число убыхов, переселившихся в Османскую империю, составило 74567 чел.⁶. По документам, которые нам удалось перепроверить, убыхов было отправлено в Турцию (10678+21350+21243+25511) 78728 человек⁷. Разница между нашими данными и сведениями А. Берже составляет 4215 чел. По всей видимости, у А. Берже были и другие документы, руководствуясь которыми он мог занизить число выселившихся в Турцию убыхов, но мы их не обнаружили. Но это незначительно меняет суть дела. Факт тот, что численность переселившихся убыхов в действительности составляла около 75-78 тыс. человек. По данным Г. Дзидзария, убыхов осталось на Кавказе 53 семейства, в том числе 13 (80 душ) – в Кубанской области, 40 – возле с. Головинское. Затем часть кубанских убыхов была сослана в Костромскую губернию⁸.

Принимая во внимание указанную численность убыхов-переселенцев, необходимо сказать и о потерях убыхского населения в последние годы Кавказской войны. Об этом, кстати, не упомянуто ни в одном источнике и в исследованиях, касающихся убыхов. Если сопоставить их численность (99-100 тыс. чел.) с количеством эмигрировавших в Турцию (75-78 тыс. чел.), то разницу в 21-25 тыс. чел., как мы полагаем, необходимо отнести к потерям убыхов за последние 9-10 лет Кавказской войны, как убитыми на полях сражений, так и умершими от тяжелых ран и массовых заболеваний населения тифом, оспой и др. болезнями, которые имели место в последние годы войны на Западном Кавказе.

Для убыхов и других народов Западного Кавказа процесс переселения был связан со многими трагическими событиями, которые не поддаются описанию. И. Дроздов отмечал: "Поразительное зрелище представлялось глазам нашим по пути: разбросанные трупы детей, женщин, стариков, растрепанные, полуобъеденные собаками; изможденные голодом и болезнями переселенцы, едва поднимавшие ноги от слабости, падавшие от изнеможения и еще заживо делявшиеся добычею голодных собак ... Такое бедствие и в таких размерах редко постигало человечество..." Вроде он и сочувствовал горцам, судя по вышеизложенным его правдивым словам. Но и этот автор, как и многие другие оч-

видцы выселения горцев, считая их не людьми, подчеркивал: "но только ужасом и можно было подействовать на воинственных дикарей и выгнать их из неприступных горных трущоб". Он же торжественно заключил в своей статье: "Теперь в горах Кубанской области можно встретить медведя, волка, но не горца"⁹. К тем, кто погиб в период войны и умер от болезней и голода в течение 35 лет антиколониальной борьбы, добавились новые потери родных и близких во время плавания через Черное море и в местах их прибытия и поселения. По свидетельствам очевидцев, в турецкие кочермы набивались вместо 50-60 человек по 300-400¹⁰. "Возвратившиеся турецкие матросы рассказывали нам, - писал А. Фонвиль, пересекший сам с убыxами Черное море в 1864 г., - подробности страшных сцен... Несколько судов с переселенцами потонуло; на других половина пассажиров, умершая в дороге, выброшена была за борт ранее прибытия в Трапизонд"¹¹. По плавающим в море трупам можно было безошибочно определить направление судна¹². Не лучше была ситуация и в пунктах прибытия. Российский консул в Трапезунде А.М. Мошнин 10 июня 1864 г. в своей депеше начальнику Главного штаба Кавказской армии А.П. Карцову писал о тяжелом положении кавказских горцев в Турции: "...Выселение горцев продолжается, и весь анатолийский берег от Батума до Пендэракии ими наполнен... С начала выселения здесь, т.е. в Трапезунде и по окрестностям, пребывало 247 тыс., умерло до сего дня с лишком 19 тыс., теперь в наличии... 63190. Средняя смертность в день 180-250... В Самсуне по окрестностям с лишком 110 тыс. Смертность около 200 человек в день... Там сильный тиф..."¹³ В английской газете "Morning Post" 11 июня 1864 г. были помещены сведения санитарного инспектора Бароцци о трагическом положении горцев в Самсуне. Он докладывал в Комитет здравия (так в документе) Оттоманской империи: "На каждом шагу встречаются вам больные, умирающие и трупы – у городских ворот, перед лавками, посреди улиц, в скверах, в садах под деревьями. Всякий дом, всякий угол, улицы, всякий шаг, занятый эмигрантами, стал гнездилищем заразы..."¹⁴ В это же время в газете "Русский инвалид" была помещена статья, в которой оправдывались цели России по покорению Кавказа, а вина за массовый исход за-

падно-кавказских горцев возлагалась недвусмысленно на Англию и Турцию: "Как бы то ни было, но бедствия, испытываемые ныне черкесами, должны лежать не на нашей совести, а на совести тех, кто возбуждал их к такому безрас- судству". Далее, в корреспонденции с приятным уху царского самодержавия пафосом идет речь о значении "свершившегося на Кавказе события" и для успокоения общественности сообщается, что больше не потребуется нести огромные жертвы и расходы на войну, которые составляли 30 млн. рублей в год¹⁵, и при этом ни капли сожаления за громадные людские потери горцев. Между тем, в местах поселения абазин, абхазов, адыгов и убыхов в Турции сперва появлялись огромных размеров кладбища, а потом – скромные и убогие аулы, как рассказывают ныне потомки махаджиров.

Те же лишения и тяготы, что и народ, несли и представители рода Берзек. По одним источникам род Берзек состоял из "400 благородных семейств", каждая из которых владела 5-20 рабами¹⁶. Все они покинули родину. По другим данным (Канитц), "глава большого убыхского племени" Хаджи Керентух Берзек поселился в Родосто, на берегу Мраморного моря, с принадлежавшими ему лично 350 семействами¹⁷. Во-первых, Хаджи Керентух Берзек поселился не в Родосто, об этом будет сказано ниже. Во-вторых, видимо, вместе с ним учтены не только Берзеки, но и его рабы. Поэтому, если за основу взять "400 благородных семейств", т.е. дворянских, которые имел ввиду Дж. Белл, то с учетом средней численности горской семьи (по Ад. Берже) в 7 чел., отправленных из черноморских портов, то род Берзек насчитывал во времена Белла порядка 2800 человек. По нашим полевым материалам на 01.01.2002 г. в Турции от этого рода осталось всего около 130 чел. Эти данные подтверждают и Н. Берзег, С. Берзег и К. Берзег – прямые потомки этого некогда знаменитого на Западном Кавказе рода. Остальные – жертвы Кавказской войны, переселенческой политики России и Турции, участия рода в русско-турецкой (1877-1878 гг.) и гражданской (Турция) войнах и других ассимиляционных процессов.

Убыхи во главе с их предводителем Хаджи Керентух Берзеком выбрали Османскую империю, а не поселились на земли за Кубанью, как это им предла-

галось, по одной причине. У убыхов и в частности у рода Берзек здесь были широкие этнокультурные и родственные связи. К тому же, они у султанов пользовались огромным авторитетом. Немаловажное значение при этом имело то обстоятельство, что не только у последних султанов Абдул Азиза и Абдул Хамида II, но и у их предшественников, начиная с XVI в., а также у советников и многих других знатных и влиятельных лиц в Османской империи матери и жены были выходцами из среды абазино-абхазо-убыхо-адыгов¹⁸. Так, например, дед Хаджи Керентуха Берзека и бабушка турецкого принца Юсуфиззеттина Эфенди были родными братом и сестрой. Таких прямых родственных связей у убыхов и других Берзеков в Турции было много. И не обязательно, что эти связи происходили, как это всегда пишут исследователи, по причине продажи дочерей в турецкие гаремы. Такое, конечно, было, но не всегда. Были и обычные брачные союзы по общепринятым в то время порядку. Кроме того, многие убыхи, в том числе и из рода Берзек, задолго до их изгнания, жили в Порте и нередко занимали важные посты в государственных органах и армии. Так, в Османской империи проживали Берзек Хусейн-паша и Берзек Али-паша. В Порте так просто к имени не приписывалось слово "паша". Тот, кто обладал этой приставкой к имени, как правило, служил в Османской армии и по европейской классификации звание паши соответствовало званию генерала, т.е. надо было ее заслужить участием в боевых сражениях и при этом командовать значительными воинскими формированиями. В период Кавказской войны и выселения горцев Берзек Хусейн-паша и его племянник Али-паша поддерживали самые тесные связи с Хаджи Дегумуко и Хаджи Керентух Берзеками и другими деятелями антиколониальной борьбы абазино-абхазо-убыхо-адыгов. Через Хусейн-пашу многие представители из рода Берзек и из среды убыхов обучались грамоте с детских лет в Порте. Али-паша до 1864 г. служил в Османской армии, затем занимал важный государственный пост в правительстве султана¹⁹. Берзек Хусейн-паша был обеспокоен событиями конца Кавказской войны, намерением Турции и России переселять горцев. Генерал Муса Кундухов вспоминал: "Вернувшись от премьер-министра (Турции. – М.К.), я отправился к Берзек Хусейн-

паше. У него находился в то время его убыхский соплеменник Али-паша, младший брат Хафиз-паши с озабоченностью говорил о том, как много лишений и бедствий выпало на долю первых эмигрантов из-за абсолютной неготовности Османского государства к их приему. Он просил меня не торопиться с переселением". Берзек Хусейн-паша был повешен турецкими властями в 1866 г. не только за то, что выражал недовольство в правительстве Порты за политику переселения горцев с Кавказа, но и за его возмущения условиями их приема и обустройства жизни махаджиров²⁰. Он хорошо понимал, что убыхи и другие выходцы с Кавказа Османской империи нужны прежде всего для 1) пополнения армии; 2) увеличения мусульман в тех регионах, где преобладало христианское население и 3) для окультуривания малопригодных земель²¹. И действительно, в первые же дни, как только нога абхазо-убыхо-адыгов ступила на землю Порты из них начали формирование воинских подразделений на "добровольной" основе. В планах Порты, было создать на первых порах боеспособную армию из 12000 всадников²². Большинство же выходцев с Кавказа в первую очередь начали поселять в Юго-Восточную Анатолию на границе с Арменией – Грузией – Россией и на Балканах в Косово, Сербии, Болгарии. Тем самым Порта решала сразу две задачи: усмиряло местное христианское население и из поселений горцев образовывало буферные зоны на границах Российской империи²³. Эта мера сыграла свою положительную роль для Порты в период русско-турецкой войны 1877-1878 гг.

Как рассказывают современные потомки убыхов-махаджиров из рода Берзек – Кязим, Сафар, Нихат и другие, основная масса рода Берзек поселилась в Самсуне и его окрестностях в 1864 г., другие вместе с Хаджи Керентухом Берзеком расселились в округе Маньяс, а сам он вместе со своим семейством – в селе Еникей²⁴. Они считают неверными сведения русских источников о его отъезде в Турцию вместе с принадлежавшими ему лично семействами и поселением в Родосто на берегу Мраморного моря. Хаджи Керентух действительно с принадлежавшими ему крестьянами прибыл в Константинополь, был принят султаном Абдул Азизом по официальному протоколу как руководитель борьбы

черкесов в последние годы Кавказской войны. Султан знал, что Хаджи Керентух в некоторой обиде на Порту за помощь, которую они обещали ему и не оказали в последние годы борьбы за независимость. Поэтому султан, стараясь как бы смягчить беседу с Керентухом и отнестись к его личной судьбе с участием, вежливо встретил его со словами: "Вы, я думаю, не обидитесь на меня и не скажете, как Шамиль, который заявил – "Надо было руку подавать не здесь, а там, на Кавказе, во время войны!"²⁵ Тут же султан предложил Керентуху, чтобы он вместе с семейством обустроился и жил в Стамбуле. Керентух Берзек, поблагодарив за внимание к его персоне, вежливо отказался от предложения султана и выбрал местом жительства округ Манъяс, село Еникей, в окружении других убыхских поселений, и умер в 1880 г., там же похоронен²⁶.

Нынешние потомки из рода Берзек, проживающие в Турции, также говорят о некоторых досадных ошибках, содержащихся в автобиографических сведениях как русско-советских, так и зарубежных, о их знаменитых предках – Хаджи Дегумуко Берзеке и его племяннике Керентухе. Во-первых, путают их друг с другом, приписывая дела одного другому. Это происходит из-за того, что часто в русско-советских, французских, немецких, турецких и др. источниках неверно указаны годы их рождения и зачастую записаны их неполные имена. Часто можно встретить запись "Хаджи Берзек" или просто "Дегумуко" – "Адагум-ипа" или "Догомуков". В двух лицах выступает и сам Керентух, который в ряде случаев записан как "Гарандук", "Грандук", "Керендук", и считают их разными деятелями Кавказской войны. В действительности же, согласно семейным архивам, первым лицом – лидером убыхов в период антиколониальной борьбы выступал Хаджи Дегумуко (не Догомуко) Берзек. Его имя Исмаил. В среде Берзеков его всегда называли – Хаджи Берзек – старший. Родился он не в 1766 г., а в 1775 и умер не в 1846, а в 1853 г. и похоронен в селе Мытыхуаса под г. Сочи²⁷. Род Берзек во главе с ним, по свидетельству Дж. Белла, в период Кавказской войны мог выставить от 2 до 3 тысяч хорошо вооруженных воинов, так как состоял из 400 семейств и каждая семья владела от 5 до 20 душ крепостными крестьянами. Дж. Белл был хорошо знаком с Хаджи Дегумуко Берзеком и

знал многие подробности из его военной деятельности. Он писал, что "большинство прогрессивных мер в этой стране (Убыхии. – М.К.) осуществлены глубоко чтимым Хаджи (Исмаил. – М.К.) Дегумуко Берзеком"²⁸. В свои молодые годы (в 25 лет) он уже был военным предводителем убыхов, одним из самых крепких, бесстрашных людей, с целью защиты Абхазии он организовывал неоднократные набеги в Мингрелию и Имеретию, где знал каждую тропинку. Во время одного похода в Грузию он получил тяжелое ранение в грудь, но выжил. Потом он имел еще 7 ранений в период Кавказской войны. Грузию он оставил в покое после 1829 г., когда полностью посвятил себя борьбе с царскими войсками²⁹. Дж. Белл называл его "Вашингтоном черкесов"³⁰, а известный историк убыхов А.В. Фадеев, наряду с "предательством", все же признал его одним из самых авторитетных не только среди убыхов, но и заметной личностью на Кавказе³¹. Предвестником Сочинского меджлиса, одним из организаторов которого был в 1861 г. его племянник Керентух, был такого же типа меджлис, который создал Хаджи Исмаил Дегумуко Берзек – старший. По его инициативе 28 июля 1839 г. на совместном собрании черкесских лидеров (абазино-абхазо-убыхо-адыгов), которое состоялось в селе Геч недалеко от Адлера, был создан национальный меджлис, в которую вошли убыхи, приморские абазины, шапсуги и садзы. Этот меджлис тогда принял решение образовать из земель, лежащих по Черноморскому побережью Кавказа между Гаграми и Туапсе, 9 управлеченских округов. В каждом округе были назначены по 40 старейшин, которые руководили общенародными и судебными делами. Была усовершенствована судебная система и ужесточены меры наказания для шпионов и предателей родины. На первом же заседании были обговорены регулярность заседаний меджлиса. Все его члены, а также старейшины округов и герои Кавказской войны приняли присягу на коране под черкесским флагом³². Под непосредственным руководством Хаджи Берзека Дегумуко был разработан (не без участия англ. рез. Дж. Белла) и осуществлен план захвата русских укреплений и форпостов на Черноморской береговой линии в 1840-1842 гг. В одном из боев в 1841 г. в течение двух дней погибли четверо из девяти его сыновей. Остальные братья, ра-

ненные сами, вынесли их с поля боя и привезли к отцу в село Мытыхуаса. Отец и мать семейства не проронили ни одной слезинки, так как они погибли за свободу и независимость своей маленькой Родины³³. Как описывал Дж. Белл Хаджи Дегумуко Берзека, он был высокого роста, элегантно одет, говорил всегда деликатно и уважительно с собеседником, его лицо и блестящие голубые глаза всегда выражали его благородство, был глубоко верующим человеком, ел очень мало, никогда не употреблял спиртного, знал несколько языков – арабский, турецкий, абхазский и черкесский. Когда речь шла о судьбе его страны, защиты чести и достоинства, он всегда преображался в строгого, жесткого и требовательного лидера. Его уважали и любили не только в Убыхии, но и в Абхазии и по всей Черкесии, но врагов одно лишь упоминание его имени приводило в ужас³⁴. В Абхазии его уважительно называли "Великий (Большой) Адагуа-ипа Хаджи Берзек"³⁵. Дж. Белл вспоминал: "Когда в Сочи Хаджи Дегумуко был ранен, русский гарнизон, вооружившись пушкой, двинулся волной, размахивая полковым знаменем. И чтобы взять его живым в плен, русские высыпались из крепости на поле. В этот момент около 100 убыхов молниеносно и храбро атаковали русских. Приблизившись к ним на 5-6 шагов и став на колени, открыли огонь по врагу и разогнали его. Если бы количество черкесов было бы чуть больше, они смогли бы захватить полковое знамя"³⁶. Это его голова была оценена генералом Раевским в 1000 руб. серебром. Когда на одном из сходов черкесов зачитывали обращение Раевского с объявлением им условием за голову Хаджи Дегумуко Берзека, где присутствовал Керентух, последний "взял это отвратительное заявление, демонстративно разорвал и выбросил"³⁷. Уставший от сражений и больной от многочисленных ран, после одного из боев в 1841 г., он сдал свои полномочия своему племяннику Керентуху³⁸.

Не меньшей, чем дядя, покрыл себя славой и Хаджи Керентух Берзек после того, как он стал лидером убыхов. Как говорят нынешние потомки Берзеков, его правильное имя Гирандук. Керентухом же его называли абхазо-абазины. Иногда в русских источниках его тоже называют Догомуковым. Так иногда называли и его дядю Хаджи Дегумуко Берзека – старшего. Дело в том,

что это не их обоих имя, и не отчество. Абхазы, абазины и убыхи никогда не говорили чье-нибудь отчество, это было не принято. В их среде иногда произносилось рядом с именем Керентух – Дегумуко, тем самым подчеркивая имя предка, давшего начало родовой ветви. Это имя приставлялось всегда и к Хаджи Берзеку – старшему и известному Сааткерою (правильно – Сахат-Гирей), совершившему зимние походы в Абхазию и погившему в 1825 г. Все они трое – Исмаил, Сааткерей и Керентух – потомки одной из родовых линий, основателем которой был Дегу (см. предание в гл. II). В русско-советской и ряде зарубежной исторической литературе также неверно указаны годы рождения и смерти Керентуха (1804-1897). Он родился в 1790 и умер в 1880 г.³⁹ Не правильно также то, что он в 100-летнем возрасте воевал на Балканах в 1877-1878 гг. Он действительно воевал там, руководил 5-ти тысячным добровольным отрядом убыхов и наводил ужас на русские войска. (Отряд Гирандука Лесли Бланш называл "Адские кинжалы")⁴⁰. Ему тогда было 88 лет, а не 100. Вместе с ним в этой войне участвовали двое его сыновей (всего их было четверо, двое старших пали в период Кавказской войны) – Ислам, Тевфик и 10 племянников. Первый из них погиб под Плевной⁴¹, второй – позже, в период смуты в Турции⁴². Керентух и его сыновья и племянники вместе с убыхами отчаянно дрались на территории Болгарии с русскими войсками и проявили чудеса храбрости. 1 сентября 1877 г. главнокомандующий Османской армией докладывал султану: "Черкесские кавалеристы-добровольцы под командованием Ибрагим-паши, Сулейман-бея и Герандук-бея (Керентуха. – М.К.) по дороге в Габрово в селе Ешмиль Агачь столкнулись с противником. Доказательством тому 2 пленных офицера, множество убитых солдат, а также пустившиеся в бегство враги. Черкесы потеряли убитыми 7 человек, среди которых Ислам-бей, сын Герандук-бея, 18 – ранены"⁴³. По возвращению с войны на Балканах Гирандук-бею, его сыновьям (одному посмертно) и всем племянникам были пожалованы высокие звания "паши" и награждены медалью "За подвиги под Плевной"⁴⁴.

Берзековы Турции, и не только, крайне были возмущены, когда в романе Б. Шинкуба на турецком языке под названием "Последний убых" (вариант названия на русском языке. – "Последний из ушедших") Керентух был назван изменником Родины. "Все черкесы Турции, – писал К. Берзег, – чтят его память до сих пор. Во время Кавказской войны прославил себя как один из военно-политических лидеров, известного по всему Кавказу. Его считали чуть ли не посланником Аллаха, спасителем убыхов. Среди убыхов род Берзек считался всегда первым, и он во главе. И сейчас по всей Турции род в память о нем пользуется уважением и почетом, а на родине его "имя выкинули как старую рубаху..."⁴⁵. По сведениям К. Берзега, Керентух (Гирандук) после войны на Балканах ушел от активных дел, жил в г. Маньяс, умер во время пребывания в с. Еникей и захоронен на родовом кладбище между селами Еникей и Дунбе в 1880 г.⁴⁶ Его имя увековечено выпуском французской грампластинки, где содержится речевой очерк об истории рода Берзек под названием "Старый Гирандук"⁴⁷. К сожалению, у Керентуха, как и у его дяди – Хаджи Берзека – старшего, хоть и были сыновья, но все они, не обзаведясь семействами, погибли в войнах, за исключением Тевфика, у которого от брака не было сыновей, была только одна дочь. У Керентуха также оставалась одна дочь, которая, по сведениям Нихата Берзега, в свое время вышла замуж за турка и с ее потомством они не знакомы и не поддерживают никаких связей. Таким образом, линия Дегу на этом пресеклась.

В Убыхии среди Берзек после Хаджи Берзека – старшего и его племянника – Керентуха, третьим лицом по своей храбости и уму считался Хасан Еминуко Берзек (р. 1760-у. 1840)⁴⁸. Он в среде абхазо-абазин, убыхов и адыгов на Черноморском побережье Кавказа был известен как жесткий дипломат, переговорщик, владел свободно 6 языками – арабским, турецким, русским, абхазским, абазинским и черкесским, мог также изъясняться отдельными фразами и мимикой на английском. Был убежденным противником русской колонизации Черноморского побережья Кавказа и Черкесии. Широко стал известен по всему Западному Кавказу, когда на первых переговорах он, возглавляя делегацию абха-

зо-адыго-убыхов в 1830 г., заявил российской стороне: "Вы видите эту птичку на дереве. Насколько она моя, настолько мы принадлежим Османской империи. Нас не интересует о чем вы договорились с Портой. Она не имела права передать вам то, чем никогда не владела, и мы просим не захватывать наши земли, а вместо войны с нами заключить договор, по которому мы обязуемся не беспокоить вас на другой стороне Кубани, а вы не должны претендовать на нашу территорию"⁴⁹. Хасан Берзек был участником и многих других переговоров с царским командованием, с англо-турецкими эмиссарами, автором многих писем и деклараций убыхов и адыгов к царским генералам, правительству России, Англии и Турции. Некоторые из них приведены в предшествующей главе. Безусловно, что некоторые из документов типа "Декларации независимости Черкесии", обращения к королеве Англии и ряд других были составлены и при участии других лиц, в т.ч. и резидентов Англии – Белла, Лонгворта и др. Но одно из них, в адрес барона Розена от августа 1837 г., несомненно – его руки, о чем коротко пишет К. Берзег: "Вы говорите, что наши горы отданы вам (России. – М.К.) Османской империей. Мы не согласны с этим. С нами султан Махмуд и Али-паша, послы и короли Англии и Франции. Вы должны вернуть обратно наши земли, которые захватили... Мы клянемся Аллахом, что все захваченное отберем обратно. Посмотрим, Аллах с вами или с нами?"⁵⁰ Речь в этом письме в адрес царского командования шла о сносе прибрежных укреплений и форпостов, мешавших убыхам, шапсугам и натухайцам вести торговлю с Турцией и другими заморскими странами. Хасан Еменуко Берзек умер, заболев тяжело после голода 1839-1840 г. Похоронен в ауле Чехашк в Убыхии. Но, в отличие от генеалогической линии Дегу, к которой относились знаменитые Хаджи Берзек-старший и Керентух, ветвь Еменуко – Хасана и по сей день живет в Турции. У Хасана тоже были сыновья, но многие также погибли во время Кавказской войны, но один из них – Наршу, родившийся в 1800 г. в родовом ауле Чехашк в Убыхии, оставил за собой потомство. В 1864 г. он вместе с семьей (в т.ч. сын Беслан и внуки Кязым и Сафар) переехали в Турцию. На следующий год, после прибытия в Самсун, заболел и умер в возрасте 65 лет в 1865 г., захоронен в ауле Чехашк.

ронен в окрестностях Самсона в селе Азакли. Благодаря ему, его сыну и внукам сохранился род Берзеков по линии Емин (см. генеалог. карту в прилож.1).

Заметный след в истории рода Берзек оставили многие из тех, кто родился и вырос на Кавказе, а потом были вынуждены эмигрировать в Турцию. И здесь они не затерялись, стали известными и уважаемыми в турецком обществе людьми. Один из них – Мехмет Зеки-паша Берзег. Родившись в Сочи, он, до выселения убыхов в Османскую империю, обучался в Стамбуле, здесь окончил кавалерийское училище. Во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. вместе со своим отрядом воевал в Эрзеруме и Ван против царской армии, защищал также от возможного вторжения английских войск со стороны Ирака район Урфа-Мардин. Женился на дочери султана Абдул Хамида II. Во времена его правления Зеки-паша в 1890 г. создал кавалерийский отряд "Хамидие". Этот отряд и сам Мехмет Зеки-паша многое сделали для сохранения спокойствия в Румелии, Македонии, в Юго-Восточной Анатолии, в местах поселений понтийских греков. Во время гражданской войны в Турции немало энергии он приложил для защиты новой Турецкой Республики. Он был один из старших представителей Берзеков, который поддерживал Мустафу Кемаля. Мать и сестра последнего, во время гражданской войны, постоянно проживали у него в доме в Самсуне. О Мехмет Зеки-паша Берзеке всегда вспоминают, когда 29 октября ежегодно празднуется годовщина образования Турецкой Республики, наряду с именем Мустафы Кемаля Ататюрка и других деятелей-революционеров⁵¹.

Не меньший вклад в дело укрепления Османской армии внес и другой представитель рода Берзек – Назим-паша. Он был представителем родовой линии Бабук, родился в известном Бабук – ауле в верховьях р. Шахе, возле нынешнего Солох-аула. Как и Зеки Мехмет-паша, а также Али-Паша (тоже из Бабуковской ветви), он с детства получил образование в Стамбуле, воевал в составе Османской армии. Его называли Назим-паша Бабук, командовал кавалерийским корпусом, затем был начальником Главного штаба турецкой армии, а в 1912 г. стал министром обороны. Видимо к нему, а может быть и к Мехмет Зеки-паше (по документам сложно установить) султан послал делегацию револю-

ционеров с Кавказа в 1905 г. Тогда они обратились в Порту с просьбой послать войска, чтобы освободиться от царского самодержавия. Султан посоветовал с этим вопросом обратиться к Берзековым. Старший Берзеков принял депутатов-революционеров, выслушал их и дал ответ: "Я могу не любить Россию, враг ее, могу воевать с нею, но воспользоваться ее временным ослаблением я считаю подлостью..."⁵² Впоследствии этот ответ стал известен Воронцову, и он написал Берзекову письмо, в котором отметил рыцарское благородство в его ответе. Меньше всего современному поколению Берзек известны подробности из биографии Али-паши, но он, как и Назим-паша, достиг высокой государственной должности и был членом правительства Турции⁵³.

Во времена Абдул Хамида II заметной фигурой в Турции стал и другой представитель рода Берзек – Бекир-паша. Родился в Убыхии. Учился в Стамбуле. Несколько лет был вали (губернатором) Самсона, затем советником Абдул Хамида II. Вышел на пенсию в 1910 г. У него не было детей, но очень многое сделал, чтобы дети рода Берзек, которые потеряли родителей в детстве при переселении или уже родились в Турции, могли учиться и стать деятельными людьми. Как отмечали многие очевидцы его жизни и деятельности, он отличался добротой и порядочностью, как губернатор, он помог не только многим выходцам с Кавказа получить работу в Самсуне и других регионах Турции, но и многим коренным туркам. Из-за его доброты, готовности помочь всем бедствующим турки говорили о нем: "Крык камчы, йыртык ямчы, Бекир-паша (Бекир-паша – молочный брат оборванных и обделенных)". Бекир паша умер в 1919 г. и захоронен в селе Кауак возле старинной крепости в знак его уважения и значительного вклада в дело укрепления государственности Турции⁵⁴.

Свою лепту в дело защиты Османской империи в период русско-турецкой войны 1877-1878 гг. внес и другой выходец из Убыхии – сын Керентуха Берзе-ка – Тевфик-бей. Он, как и отец, воевал на Балканах, командовал одним из кавалерийских подразделений в отряде отца. За храбрость и боевые заслуги в войне был повышен в воинском звании и награжден орденами и медалями. Во время гражданской войны защищал, как и другие Берзеки, интересы новой Ту-

рецкой Республики. Вместе с другим участником русско-турецкой войны на Балканах, двоюродным братом Хаджи Ильяс-пашой он был одним из организаторов первого благотворительного общества в 1905-1907 гг. и руководил им продолжительное время. Ильяс-бей также был героем войны на Балканах. Тевфик-бей и Ильяс-бей султаном всегда принимались с почетом по протоколу. У обоих не было сыновей. У Тевфика-бея была единственная дочь, которая вышла замуж за советника второго Президента Турции – Исмета Инёну. Умер Тевфик-бей в 1920 г., захоронен в селе Еникей, рядом с отцом, а точная дата и место смерти другого, Ильяс-бея, не установлены⁵⁵.

Рядом с Керентухом, его сыновьями Исламом и Тевфиком, а также с Зеки-пашой, Назим-пашой и другими выходцами из рода Берзек, родившимися в Убыхии, во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. на Балканах одной из кавалерийских отрядов командовал и проявил образцы храбрости Хаджи Беджи-бей Берзек, внук прославленного Хасана Берзека по линии Емин. Его настоящее имя Яхъя, которое ему было дано с рождения еще в Убыхии. Это был один из старших Берзеков в Османской империи. Еще до выселения в Турцию, он многое делал для обучения там детей Берзеков. Дом, в котором он жил в селе Сыралы под Самсуном, летом становился местом сбора и отдыха детей по линии Емин. Беджи-бей за боевые заслуги на Балканах был награжден орденом им. Абдул Меджита I степени, медалью "За подвиги под Плевной" и рядом других турецких наград. После войны на Балканах он занимал ряд важных государственных должностей в округе Самсун. Здесь он запомнился жителям тем, что долгое время отстаивал права крестьян на снижение налогового бремени и от государства добился не только положительного решения этого вопроса, но и возврата части ранее уплаченных налогов. Имел 8 детей – 4-х сыновей и 4-х дочерей. Один из самых младших сыновей, после окончания института в Трабзоне, учился в Стамбуле в академии международных отношений. Остальные также получили хорошее образование и их потомки сейчас живут в Стамбуле, Трабзоне, других местах. Сам Беджи-бей умер в 1912 г. в Стамбуле, где и похоронен⁵⁶.

Заметный след в истории убыхов оставили и дети Берзеков, которые родились в первые годы изгнания. В их числе Экрем-бей, Сафар и Кязым. Экрем-бей родился в 1890 г. в с. Карлы в районе Кауак, округе Самсун, где жил его отец Джембулат. В молодом возрасте включился в гражданскую войну, создал и руководил отрядом конной гвардии из 200-300 воинов, воевал на юге Анатолии, усмирял восстание понтийских греков, которые хотели создать свою автономию в Турции. Погиб в возрасте 30 лет в 1920 г. во время подавления очередного вооруженного восстания греков⁵⁷. Его близкие родственники – братья Сафар (1877-1941) и Кязым (1880-1931) Берзек по линии Емин также проявили себя видными патриотами и сторонниками Мустафы Кемаля и его революционного движения. В период гражданской войны в Турции они собрали отряд из одной тысячи убыхов и адыгов и внесли свой весомый вклад в становление молодой республики. До этого они вдвоем были участниками и первой мировой войны. В 1917 г. они стали одними из первых организаторов службы безопасности по охране членов будущего правительства зарождавшейся республики⁵⁸.

Одним из деятельных молодых людей из числа Берзеков был и Омар-бей (1875-1956). Родился в Маньясе. По уровню своей образованности и практическим делам он представлял собой эталон государственника. В городе Амасия им был создан центр по разработке программы будущей системы власти Республики Турция. Вместе с другими единомышленниками он завершил работу над этой программой 22 июня 1919 г. Многие успехи молодой тогда республики непосредственно связаны с конкретными решениями, подготовленными Омар-беем. Его сын Берзек Нихат Решат окончил медицинский университет, работал врачом в Анкаре, защитил докторскую диссертацию, стал профессором, был многие годы личным врачом Мустафы Кемаля Ататюрка, работал в посольстве Турции в Париже, затем являлся деканом Стамбульского медицинского университета, а в 1950 г. – министром здравоохранения правительства Турции⁵⁹. Сверстник Омар-бая – Осман-бей Берзек был также активным участником создания Турецкой Республики в годы гражданской войны. После ее окончания был направлен главой (мэром) города Амасия, затем он являлся де-

путатом меджлиса г. Самсун, работал здесь и руководил региональной партией "Иттихат и Тараки"⁶⁰. Словом, вся молодая поросль Берзековых, родившаяся в первые годы от отцов и матерей – махаджиров, с достоинством, которое соответствует этому великому роду, продолжали нести на высоком уровне имя знаменитых предков.

В настоящее время современное поколение рода Берзек проживает в крупных городах Турции: Стамбуле, Анкаре, Измите, Бурсе, Дюздже, в селах районов Бандырма и Маньяс. В округе Маньяс, на берегу Мраморного моря, в районе Гексун, в селе Чамырлу и в других более мелких населенных пунктах хуторского типа живут многие Берзеки. "В г. Самсун и его сельских районах уже никто из представителей рода не проживает, но там остались дома, построенные нашими предками, в том числе наш дом в с. Сыралы, и все они используются нами летом как дачи", – говорит Нихат Берзег, реэмигрировавший из Турции и проживающий в г. Майкоп. Он же при нашей встрече говорил, что род до 2001 г. регулярно собирался и проводил съезды, в 2002 г. намечали приехать в г. Сочи и там провести собрание всех Берзегов, в том числе вместе с теми, кто живет в России. Организаторами съездов Берзег в Турции всегда занимались два родных брата – Хазым и Асым из родовой линии Емин – потомки знаменитого на Кавказе Хасана Еменуко Берзека, дипломата и умелого переговорщика с генералами царского командования. Они же планировали собрать собрание в Сочи, но смерть Хазыма в том же 2002 г. сорвала это мероприятие. "С каждым годом, – говорит Н. Берзег, – наш род уменьшается. Сказывается современная тенденция расположенности общества к малым семьям, с одним-двумя детьми. В нашей родовой линии, где в конце XIX в. было около 300 чел., в 2001 г. насчитывалось лишь 35 чел.". По словам Н. Берзега, в настоящее время в роду турецких Берзег появилось шестое поколение рода, если вести отсчет от предков, которые переселились в Турцию.

Наши исследования показывают, что в настоящее время в Турции осталось носителей фамилии Берзек не более 130 чел. Соотношение мужчин и женщин составляет 43 x 53 %. Более подробно изучена нами родовая линия

Емин. По данным на 01.01.2002 г. в этой родовой линии состоят 32 чел. (без снох-матерей). Среди них детей школьного возраста лишь 7 чел., 19 чел. имеют высшее образование, 7 чел. – среднее образование, которым 70 лет и больше. К сожалению, ни один из турецких Берзеков не знает ни единого убыхского слова, как в целом и другие, которые считают себя убыхами. Последний знаток убыхского языка Тевфик Эсенч (Эсендж), у которого брали уроки живого убыхского языка Ж. Дюмезиль, М. Кумахов и ряд других ученых, скончался в 1992 г. Старшее поколение турецких убыхов (более 50 лет и выше) еще владеет адыгским или абхазским языком, но только на бытовом уровне. Редко, кто может читать и писать грамотно. Современные же дети, в том числе абазины, абхазы, адиги говорят только на турецком языке, другого же языка они не знают. Факт ассимиляции убыхов известен давно, но то, что и молодое поколение абхазо-абазино-адыгов не интересуется и не изучает своего родного языка – явление горькое, их ассимиляция в турецкой среде близка к завершению. Одна из причин этого – смешанные (с турками) браки, а также отсутствие системы обучения детей родному языку, радио-телепередач в Турции и его регионах на языках народов Северо-Западного Кавказа. В этом плане сегодня нужно радоваться абхазо-адыгам, оставшимся хоть и в малом количестве на своей родине. Все, что у этих народов есть и в современной России – мечта для зарубежной диаспоры, и, как мы полагаем, у них нет и никогда не будет перспектив для сохранения и развития национальной культуры, не будет прогресса, единственное их спасение – реэмиграция на историческую родину.

Потомки рода Берзек в сегодняшней Турции продолжают историю своих знаменитых предков. И сегодня среди них есть заметные в зарубежной диаспоре деятели. Это Кязым, Сафар Берзег и другие.

Кязым Берзег (р. 1938, г. Самсун) окончил среднюю школу в Самсуне, в 1961 г. – юридический факультет Стамбульского университета. После окончания университета первые годы работал частным адвокатом, параллельно – в фермерском хозяйстве округа Самсун и с этого периода начинает писать различные статьи в газетах и журналах. Через несколько лет он назначается руко-

водителем управления сельского хозяйства района Кауак, а потом и аналогичного органа управления округа Самсун. Из Самсона его переводят в управление оросительных систем Турции, где возглавляет юридическую службу. Впоследствии такие же службы возглавлял в управлении сахарной промышленности и в министерстве промышленности Турции. После выхода на пенсию продолжил адвокатскую работу, консультировал Европейскую гуманитарную комиссию в Турции. В Анкаре он был членом Северо-Кавказской культурной ассоциации. За 1964-1994 гг. в средствах массовой информации опубликовал множество статей по вопросам политики, истории, юриспруденции, сельского хозяйства и культуры (в газетах "Победа", "Последние новости", "Нация", "Республика", "Новый Кавказ" и др., в журналах "Форум", "Политика", "Юридическая консультация Анкары", "Правда Кавказа", "История и народ", "Семь звезд" и др.). К. Берзег издал ряд книг. Значительными из них являются "Турецкое сельскохозяйственное производство и земельная реформа" (Анкара, 1972), "Для начинающих юристов" (Учеб. пособие. Анкара, 1978), "Черкесская политика Османского государства после войны в Эдирне в 1820 г." (Анкара, 1990), "Либеральная демократия и традиции прошлого" (Анкара, 1993), "Либеральная юридическая этика" (Анкара, 1994). Серьезным вкладом в историческую науку является его очерк под названием "Воспоминания о представителях рода Берзег, родившихся на Кавказе и служивших в Османской империи" (Анкара, 1990), многие сведения из которого легли в основу данной части нашего исследования. К. Берзег имеет дочь Данаф, работает врачом в Анкаре, одного сына – Иналя, который окончил экономический факультет Стамбульского университета и работает в фирме родного дяди здесь же.

Сафар Е. Берзег (р. 1943г., район Кауак, г. Самсун), учился в средних школах Самсона, Синопа и Амасии, куда переводили на государственную службу отца, окончил юридический факультет Анкарского университета. Во время учебы в университете одновременно работал в нефтяной компании Анкары, на общественных началах сотрудничал с Кавказским культурным центром Анкары. После окончания университета работал частным адвокатом, в

1972-1988 гг. являлся руководителем Кавказской культурной ассоциации в Стамбуле. С 17-летнего возраста начинает свою литературную деятельность, публикуется во многих газетах и журналах: "Новый Кавказ" (Стамбул), "Кавказ" (Анкара), "Голос нартов" (Анкара), "Северный Кавказ" (Стамбул) и др. В 1990-1993 гг. работал главным редактором в журнале "Правда о Кавказе" (Самсун). Издал ряд сборников стихов и книг по истории и культуре, из которых значительными являются: "Тоска о Кавказе" (стихи, Анкара, 1966, в соавторстве с Халиюком Эдисом), "Дума о Родине" (сборник стихов на адыг. и турец. яз. Анкара, 1967), "Северокавказские писатели – махаджиры" (Анкара, 1968), "История адыго-черкесского алфавита" (Анкара, 1969), "Северокавказские переселенцы – композиторы, художники и писатели" (Анкара, 1971), "Отечественная война в Турции и черкесские переселенцы" (Стамбул, 1990) и др. В последние годы он издал две замечательные по содержанию книги – "Писатели в Кавказской диаспоре" (Самсун, 1995) и "Сочинские убыхи-черкесы" (Анкара, 1995), где помещены как его, так и научные статьи, очерки и рассказы других авторов по историко-этнографическим вопросам убыхов. Сафар имеет лишь одну дочь.

Нихат Берзег (р. 1953, в Амасии) – среднее образование получил в Амасии, окончил экономический факультет Анкарского университета, с учебой в университете совмещал работу в сельскохозяйственном банке. По окончанию университета вместе с коллегами создал ассоциацию сельхозбанков в Анкаре, здесь же он сотрудничал с северо-кавказской культурной ассоциацией, до 1980 г. был главным редактором газеты "Голос нартов". В своих статьях и очерках о жизни черкесской диаспоры в Турции, за смелую критику властей республики по вопросам внутренней и внешней политики и по проблемам культуры за время работы в редакции против него были возбуждены 15 уголовных дел, но так и не была доказана его вина в чем-либо. По этой причине он уезжает в Иорданию. Чтобы прокормить себя и родных, он работает в различных местах. Здесь он воссоздал газету "Голос нартов" на арабском языке и издал 10 книг. Сотрудничал с Черкесской ассоциацией "Хасэ" г. Аммана, печатается по вопросам языка, истории и культуры в газетах и журналах на арабском,

адыгейском и турецком языках. В Аммане он создал для молодежи курсы адыгейского языка, такие же курсы помог соотечественникам открыть в Сирии (г. Шам). Судебные процессы, возбужденные в Турции, завершились его победой только к 1992 г. и можно было возвращаться, но он решил иначе: переехать на землю далеких предков, в Адыгею. Здесь он сотрудничает с Адыгэ Хасэ республики Адыгея и редактирует газету "Путеводитель". Одной из его значительных работ является "Изгнание черкесов: причины и последствия" (Амман, 1987, на араб. яз., в переводе на русск. яз., Майкоп, 1996). У Нихата 5 братьев (об одном из них, Сафаре, мы написали выше) и 3 сестры. Брат Ведат, как и Сафар, адвокат, также переехал в Майкоп и работает здесь. Другой брат Ферит (ум. в 2002) составил каталог из 10 тысяч имен черкесской интеллигенции в Турции. Среди молодого поколения современных Берзеков много юристов, экономистов, врачей, преподавателей и других специалистов, что позволяет сделать вывод о том, что созидательная жизнь и деятельность некогда знаменитого рода, берущего свое начало в далеком прошлом, продолжается.

3.2. Адыгские ветви рода Берзек (Берзеговы=Берзековы)

После выселения в 1864 г. убыхов в Османскую империю, в пределах современной Адыгеи осталось несколько семей Берзек, живших здесь, как отмечалось выше, среди абадзехов и бжедугов со второй половины XVIII в.

В архивных и других документах дореформенного периода (до 60-х годов XIX в.) их фамильное имя встречается в форме "Берзек" и "Берзеч", а с конца 70-х годов XIX в. – в форме "Берзегов".

Абадзехские Берзеговы жили в предгорьях на левом берегу р. Белой в а. Хачемзи отдельным патронимическим кварталом на месте современного пос. Тульский под Майкопом. Старожилы окраину между Майкопом и Тульским до сих пор называют Бэрзэджхъабл (на адыг. яз.) – околоток Берзеговых. Из этих мест жители Хачемзи и околотка Берзеговых были поселены во вновь образованный в 1864 г. аул Хачемзи на нижнем течении р. Фарс⁶¹. В том же году часть Берзеговых поселилась в аул Егерухай, основанный в 1864 г. на нижнем тече-

нии р. Лабы⁶². Здесь Берзеговы поселились также отдельным патронимическим кварталом – Бэрзэджхабл, название которого сохранилось по настоящее время.

Бжедугские Берзеговы жили возле леса на южной окраине аула Нешукай (совр. Теучежский р-н). Это место называется Берзеджхабль там – околоток Берзеговых⁶³. Отсюда Берзеговы поселились в аулы Нешукай (осн. в 1845 г.)⁶⁴ и Ассоколай (осн. в 1850 г.)⁶⁵. Позже одна-две семьи поселились в а. Бжедугхабль (осн. в 1871 г.)⁶⁶. В те годы они вели торговлю в меновых дворах. "Как говорили наши старики, – рассказывал Борэн Берзегов (старейшина из г. Майкопа), – в этих аулах нас насчитывалось до 20 семейств после Кавказской войны, около 130-140 душ". Пред началом Великой Отечественной Войны 1941-1945 гг., как утверждал другой старейшина этого рода Аскерби Учужукович, Берзеговых сбрасывалось с разных мест в а. Хачемзи 21 семья (84 чел.), в а. Егерухай – 23 (около 100чел.), в а. Бжедугохабль – 2 семьи (10 чел.), всего не более 200 человек. Житель а. Егерухай Шумаф Теслимович Берзегов, соглашаясь со своими старейшинами о численности своего рода, особо выделил, что, "когда наши старики после войны собирались на свадьбу или похороны, всегда подчеркивали то, что нас осталось только 130-140 чел., т.е. почти сколько было после Кавказской войны". К сожалению, более точных данных невозможно установить в связи с тем, что многие документы сельских советов довоенного времени пропали, сгорели и т.д. Но, если учесть, что в период сталинских репрессий 1937 г. число Берзеговых стало меньше на 12 чел., а во время войны 1941-1945 гг. погибли 35 чел., а еще умерли 18 чел., то так и есть, правы старейшины рода. Если отнять от предвоенной численности (200 чел.) погибших, умерших и репрессированных (всего 65 чел.), то действительно носителей фамилии Берзеговых в конце 40-х годов XX в. осталось не более 150 чел. с учетом родившихся за 4-5 послевоенных лет.

Понятно, что количественные и качественные показатели народонаселения меняются постоянно. Известно также, что особо отрицательно на тенденцию роста или снижения этих показателей сказываются такие явления, как война или массовые репрессии, какие имели место в истории бывшего СССР в

XX в. Сокращение численности рода Берзеговых по окончанию войны 1941-1945 гг. – прямой результат указанных событий. Отсутствие подобных фактов и стабильное развитие общества, рост благосостояния людей положительно сказывается и на динамике роста народонаселения. Это видно и на примере рода Берзеговых. По данным исследования Адыгейского государственного университета на 1971 г. (по трем районам – Кошхабльскому, Шовгеновскому и Течежскому) и на 1991 г. (по г. Адыгейску) носителей фамилии Берзеговых в Адыгее было 246 чел.⁶⁷, а по нашим полевым исследованиям по состоянию на 01.01.1999 г. – 40 семей (205 чел.). С учетом же проживающих за пределами Адыгеи на тот период род Берзеговых насчитывал 253 чел. (49 семей). По сравнению с началом 70-х годов XX в., в настоящее время практически нет роста численности этой фамилии. На наш взгляд, на это повлияла имевшая место тенденция снижения темпов воспроизводства населения в целом по России и, в частности, в Адыгее в 1990-1999 гг. (опережение уровня смертности над рождаемостью).

Качественный анализ данных носителей фамилии Берзегов, проживающих в Адыгее (по материалам муниципальных образований), показал, что 18 % имеют высшее образование, 15 – средне-специальное, 65 – среднее и неполное среднее, остальные – начальное образование. Соотношение мужчин и женщин составило соответственно 46 x 54 %, а доля детей и молодежи в возрасте до 21 года (включительно) – 33 %.

Берзеговы, ныне живущие в аулах Егерухай и Хачемзи, Аскербий Учужукович, Шумах Теслимович и Схатби Кальмекович, с которыми беседовали в конце июня 1998 г., рассказали о своих ближайших предках, родившихся в конце XIX в., о своих отцах, братьях и сестрах, проживших рядом с ними весь XX в. За это время в жизни рода произошло немало приятных и не очень, если не сказать горьких, событий. Как выразился Шумах Теслимович, "наши предки были хлебопашцами, жили как все, участвовали в революционных событиях 1917 г., гражданской войне, строили и восстанавливали разрушенное после Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. хозяйство, растили и воспитывали

детей, играли свадьбы, многие из нашего рода оставили добрый след на земле...".

Действительно, из рода Берзеговых вышло немало трудолюбивых земледельцев, рабочих, учителей, врачей, инженеров, руководителей колхозов и просто воинов, сильных духом и отличившихся своей отвагой. В период русско-турецкой войны 1877-1878 гг. в Кубанском горском конно-иррегулярном полку, который был направлен в район Карса, служили Анчок Берзегов из а. Хажмизевский и Давлет-Гирей Берзегов из а. Бжедугохабль. Первый за заслуги по службе из всадников 1 разряда был переведен в урядники, а второй 26 июня 1877 г. исключен из полка по причине того, что вместе с другими 57 всадниками сбежал из воинской части⁶⁸. В конце XIX в., будучи молодым человеком, в ауле Егерухай славился своей выносливостью и силой Учужук (в переводе его имя означает сын быстробегущего), который умел ломать вручную железную подкову. Старики рассказывали также, что его дед Сахатби в начале XIX в. имел 12 жен и восемнадцать детей от них, был также силачом и бегал очень быстро. Он в молодости мог бежать рядом со своим скакуном, держась за гриву, от Ермальхабля (Армавира) до Егерухая, что составляет по нынешней автомобильной трассе более 80 км.

В период гражданской войны 1918-1922 гг. был активным сторонником Советской власти Якуб Берзегов, сын Учужука, славившегося своей силой, как и его предки Хахуж и Сахатби. После гражданской войны, как и все в Адыгее, Берзеговы строили новую жизнь. Своим трудолюбием и крепким хозяйством отличались Асланчери Хатрукович, его младшие братья Хаджимос, Бамбет и сестра Заргуаш из аула Бжедугхабль, Белух Берзегов и его сын Теслим из а. Егерухай. В годы коллективизации умелым кузнецом прославился егерухаевец Амин Темирканович. Старшее поколение а. Егерухай до сих пор помнят мастеров по дереву – братьев Марзана и Тевчежа. Их сверстница Гошпака Умаровна, одна из первых учительниц аула Егерухай из числа женщин, имея лишь четырехклассное образование, работала активно в период ликвидации безграмотности. Впоследствии и ее дочери Джаншыр и Зоя стали учителями музыки.

В 30-е годы прошлого столетия на различных участках государственной и общественной деятельности работали многие Берзеговы. Так, после известного революционера и государственного деятеля Адыгеи – Хакурате, председателем Адыгейского облисполкома работал (с 20 июня 1932 г. по 10 сентября 1934 г.) Кунчук Хасанович Берзегов. Его старший брат Махмуд Хасанович занимался хлебопашеством, а отец их Хасан Мсович до революции был управляющим имения Багарсуковых под Майкопом. В 30-е годы, как и повсюду в стране, подвергалась репрессиям наиболее активная часть рода Берзеговых. Среди первых, кого коснулись репрессии, был и Кунчук (Хланышв – матер. имя) Хасанович (1894 г.р.). Его молодость совпала с революцией. С ноября 1917 г. он вместе с братом Хатруком служил в Филипповском революционном отряде. Этот отряд был создан для защиты советской власти из соседних сел, хуторов и аулов, назван был по наиболее крупному отряду из села Филипповского. Отрядом руководил Филипповский военно-революционный Совет, членом которого состоял Кунчук Берзегов. А его брат Хатрук был секретным ординарцем в штабе отряда. Бывший председатель Филипповского военно-революционного Совета Ксенофонт Ищенко вспоминал: "Заслуживают светлой памяти и почитания Хатрук и Кунчук Берзеговы"⁶⁹. В течение 1917-1920 гг. они неоднократно проявили образцы мужества и отваги. После гражданской войны, с 1923 г. Кунчук работает председателем сельского Совета а. Бжедугохабль. После одного года работы в этой должности, его назначают заместителем председателя исполкома тогда Преображенского (ныне Красногвардейского) района. До 1929 г. он одновременно замещает должность заведующего райземуправления. Через год Кунчука Хасановича переводят в Понежукай, где он возглавил районный госбанк, а затем, в 1930 г., становится председателем Понежукайского райисполкома. Здесь он работал недолго, около года. Впоследствии, как хорошо знающего проблемы сельского хозяйства и умелого организатора производства, в 1931 году его назначают заведующим областным земельным управлением. В марте следующего года он становится заместителем председателя облисполкома с оставлением за ним прежней должности, а через три месяца, в июне 1932 г., изби-

рается председателем Адыгейского облисполкома. Тогда еще центр области находился в г. Краснодаре. Кунчук Хасанович с 1930 г. и до ареста 10 сентября 1937 г. являлся членом ЦИК СССР. Мотивы его ареста и приговора "тройки" УНКВД по Краснодарскому краю от 24 ноября 1937 г., как принято сейчас говорить, были стандартны, как и для многих других: "по политическим мотивам, за якобы имевшую место контрреволюционную деятельность (без ссылки на закон)". Он по этому приговору был подвергнут лишению свободы на 8 лет, но родные его больше не видели. После ареста Кунчука Хасановича его жена Ф.И. Хот – Берзегова воспитывала шестерых детей (Мерема, Касбота, Юсуфа, Соню, Аскарбия, Мугдина). Младшему, Мугдину, было всего 8 лет. Кроме него, сейчас из семьи в живых никого не осталось. Мугдин живет в Адыгейске. Его старшие братья Касбот, Юсуф и Аскарби воевали в 1941-1945 гг., двое первых погибли. Кунчука Хасановича реабилитировали лишь в 1962 г. Этой же участи не избежал еще в 1932 г. Белух Берзегов из Егерухая, который был раскулачен. "Не дожидаясь ареста, он ушел в Чечню, куда убегали многие из тех, кто был раскулачен. Туда же вместе с мужем ушла наша бабушка Заза и четыре ее дочки, дальнейшая история которых нам не известна. А в 1937 г. посадили и моего отца Теслима, как сына врага народа, который отработал десять лет в заключении, на лесоповалах, строил объекты в Комсомольске-на-Амуре" – говорит Шумах Теслимович Берзегов, вспоминая о судьбе своих родных в тот период. Из аулов Хачемзи и Бжедугохабля также были репрессированы и другие семьи Берзеговых.

Несмотря на чинимые репрессии, Берзеговы продолжали трудиться и воспитывать детей. В ауле Хачемзи хорошо помнят Матыха Луховича, работавшего учителем еще до Великой Отечественной войны. Здесь же бригадиром местного колхоза работал Учужук Джамболетович, впоследствии участник войны 1941-1945 гг. В этом хозяйстве трудились еще трое его родных братьев: Кущук, Сагид и Келешби, которые также являются участниками этой войны. Из аула Хачемзи одной из первых стала фельдшером Асият Кадыровна, которая проработала в Кошехабльской райбольнице много лет до и после войны.

Образцы мужества и героизма в годы Великой Отечественной войны проявили 47 мужчин Берзеговых, 35 из которых сложили свои головы на полях сражений. Не вернулись домой: Абдул Умарович, родом из Егерухая, лейтенант, командир взвода 24-го горнострелкового полка 77-й горнострелковой дивизии, погиб в апреле 1943 г.; Аскербий Туркубиевич, из этого же аула, снайпер, погиб в бою 6 сентября 1943-го на мысе "Мысхако", что под Новороссийском, где и похоронен; Догуж Османович, также из аула Егерухай, погиб в одном из боев под Сталинградом 14 декабря 1942 г.; Мотих Лухович из Хачемзи был начальником связи 137-го гвардейского полка 47-й стрелковой дивизии, погиб в неравном бою с немецко-фашистскими захватчиками 18 марта 1944 г. в деревне Селиверстово Николаевской области Украины; в Эстонии, южнее х. Гора Оявара осталось лежать тело рядового пулеметчика 161-го стрелкового полка 53-й стрелковой дивизии Николая Яковлевича из а. Кошехабль; отчаянно сражался на Курской дуге егерухаевец Салих Учужукович, разведчик, сложивший голову на окраине села Березовка, а его брат Хусейн Учужукович был сражен смертельно в ходе атаки на врага в районе Жешуховского воеводства (Польша), а еще двое их родных братьев – Худ Учужукович и Ахмед Учужукович – пропали без вести в апреле 1943 г., попав в окружение противника. Не дождался возвращения сыновей – Едыджа и Зуля – их отец Харун из Хачемзи. Они пропали без вести в 1944 г. Неизвестна судьба не вернувшихся с полей сражений: Кары Якубовича и его брата Махмуда Якубовича, их аульчанина Ляу (отчество не известно) из аула Хачемзи, Пшимафа Люовича, Рамазана Татуховича, Нурбия Учужуковича, братьев Сальмена и Сулеймана – сыновей Сафарбия из аула Егерухай. В 1942-1943 гг. такая же участь постигла Жалиха Халаховича и Шабана Тлехуновича из Теучежского района. Отважно воевали на фронтах Великой Отечественной войны и четверо братьев: Кущук, Сагид, Учужук и Келешби, сыновья Джамболета из аула Хачемзи. Первые двое не вернулись с поля боя. В жестоком бою за Керчь в 1942 г. погиб и Бамбет Хатрукович из Бжедугхабля, а в 1944 г., в боях под Житомиром – его аульчанин Хаджимос Хатрукович. Сложили свои головы в ожесточенных боях два сына Кунчука Ха-

сановича – Каспот и Юсуф. С фронта не вернулся также Измаил Махмудович из а. Бжедугохабль. Вот уже минуло 58 лет со дня Победы, но так и не дождались семьи Берзеговых своих отцов, мужей и сыновей из аула Ассоколай – Якуба Цисковича и Юсуфа Тлиадовича, из аула Хачемзи - Кишмафа Луовича, Хаджертбия Бимовича, из аула Кошехабль – Еушука Радкатовича, а также Ереджиба Савкаровича и Исмаила Биловича, по которым еще не удалось установить, из какого аула (села) они родом.

Вернулись после войны и трудились еще долгие годы воины-фронтовики: Амин Лухович, Хаджимус Ханагожевич, Хаджимус Люович, Асламбий Якубович, братья Келешби и Учужук, сыновья Джамболета, а также братья Карпо и Нурби – сыновья Якуба из аула Хачемзи, Аскербий из г. Краснодара, Борэн Османович Берзегов из аула Егерухай, который сейчас проживает в городе Майкопе. Вернулся с фронта и Давлет Учужукович из аула Егерухай, который потерял на войне четырех родных братьев. Он проработал председателем колхоза имени Сталина в своем ауле с 1947 года по 1960 год. При нем колхозники впервые стали получать вместо трудодней деньги, имели возможность покупать себе необходимый товар. Как только давали зарплату, весь колхоз по выходным дням стал ездить в Армавир. С ним хозяйство крепло из года в год. У него в хозяйстве пахали на "фардзонах" его родственники – фронтовики Кальмек, Кады, Зуль и Рамазан, настоящие хлебопашцы-орденоносцы. Давлет Учужукович с 1960 года вплоть до ухода на пенсию в 1984 году работал и директором Кошехабльского пищекомбината. Он воспитал очень примерных детей: дочь Софья стала учительницей, сыновья Руслан, Аслан, Беслан и Накоби также получили высшее образование, стали агрономами, учителями и строителями.

Заслуженными иуважаемыми людьми стали и многие другие сыновья фронтовиков. Достойным сыном своего отца, лейтенанта Абдула Умаровича, погибшего в годы войны, оказался Ким Абдулович Берзегов. Несмотря на послевоенные голодные и холодные годы, он успешно окончил школу, служил в армии, работал слесарем завода, водителем, следователем ОБХСС, а затем, после окончания Кубанского сельхозинститута в 1974 году и до ухода на пенсию,

был главным агрономом колхоза в своем родном ауле Егерухай. Нурбий Бамбетович Берзегов из аула Бжедугохабль и Вячеслав Хаджимусович Берзегов из аула Понежукай долгие годы работали механизаторами в колхозах, а сейчас на пенсии. Сразу после войны одновременно окончили Кубанский мединститут и стали врачами Кадырбеч Тавчежевич и Шумаф Масхудович Берзеговы. Первый из них, Кадырбеч, после окончания медтехникума в Майкопе, с 1948 года работал заведующим фельдшерско-акушерским пунктом в своем ауле Егерухай, а после окончания института – главным врачом Кошехабльской райбольницы, а незадолго до пенсии – рентгенологом там же. А Шумаф, проработав недолго главным врачом Теучежской райбольницы, умер в 1963 году. И все же оба они успели оставить о себе память добрыми делами. На них всегда равнялась молодежь.

Достойную высокого уважения жизнь прожил и Нуух Асланчериевич Берзегов, крестьянин, отважный воин, педагог, ученый-экономист, крупный организатор производства, талантливый государственник и лидер на протяжении почти четверти века коммунистов Адыгеи. Его биография насыщена многими яркими событиями, как фронтовыми, так и трудовыми. Нуух родился 30 ноября 1925 года. Его отец Асланчери Хатрукович родом из аула Бжедугхабль, занимавшийся хлебопашеством, умер в 1929 году, когда его сыну Нууху исполнилось лишь 3 года, а младшему брату Федору (Хатажук) – около 2 лет, который в годы войны работал прицепщиком, трактористом, после войны – водителем, а после окончания института многие годы – главным инженером и заместителем начальника автомобильного треста Адыгеи. У братьев была сестра Шамсета, которая умерла в юношеском возрасте. После смерти их отца, спустя некоторое время, мать Гошсох Магамталовна вновь вышла замуж, а дети остались на попечении бабушки – матери отца. Школу Нуух окончил в 1942 году. 7 февраля 1943 года в семнадцатилетнем возрасте он ушел на фронт. Фронтовыми дорогами прошел от предгорий Северного Кавказа до Австрийских Альп. Принимал участие в боях за освобождение Кубани, Дона, Украины, Молдавии. Затем, когда советские войска пересекли государственную границу, воевал на террито-

рии Румынии, Болгарии, Югославии, Венгрии, Чехословакии и Австрии. В Австрии воины 223-й стрелковой дивизии, в составе которой он воевал, встретили День Победы. После победы над врагом Нуух Асланчериевич служил в Восточной Сибири. В сентябре 1946 года он демобилизовался из 109-й гвардейской дивизии Восточно-Сибирского военного округа. За проявленные мужество и отвагу в боях с немецко-фашистскими захватчиками был награжден многими боевыми наградами. Среди них два ордена Красной Звезды, орден Отечественной войны I степени, медали "За отвагу", "За победу над Германией", "За оборону Кавказа", "За освобождение Болгарии", "За освобождение Белграда" "За взятие Будапешта", "За взятие Вены", "За освобождение Чехословакии". По возвращении домой – ему шел 21 год – он поступает в Майкопский учительский институт на исторический факультет, который оканчивает в 1948 году. Трудовую деятельность начал учителем, потом работал директором средней школы в ауле Ходзь, завучем и учителем истории в Адамиевской средней школе. Заочно учился и в 1951 году окончил Краснодарский пединститут, вел активную общественную работу. Молодого способного педагога замечают в Адыгейском обкоме КПСС и в марте 1952 года его выдвигают на должность заведующего областным отделом народного образования, а потом – в 30 с небольшим лет он становится заместителем председателя Адыгейского облисполкома. В общей сложности на этих двух должностях он работал 6 лет, вплоть до сентября 1958 года. В том же месяце его избирают секретарем обкома партии, а в последующем, с марта 1960 года, в 34 года он становится первым секретарем Адыгейского областного комитета КПСС и работает в этой должности 23 года 8 месяцев и 24 дня. В 1968 году заочно заканчивает Кубанский сельскохозяйственный институт. Через год защищает диссертацию кандидата экономических наук, издает книги, имеет ряд научных трудов, многие из которых опубликованы в печати. Он избирается депутатом Верховного Совета СССР пяти созывов (с VI-го по X-й), избирался делегатом XXII, XXIII, XXIV, XXV, XXVI съездов КПСС. В декабре 1983 года Нууху Асланчериевичу присваивается дипломатический ранг Чрезвычайного и Полномочного посла и шесть лет работает Гене-

ральным консулом СССР в Болгарии (г.Варна), становится почетным гражданином городов Руссе и Шумен Народной Республики Болгария. Кроме трех боевых орденов и восьми медалей, за добросовестный труд и заслуги перед Родиной Н.А.Берзегов награжден орденами Ленина, Октябрьской Революции, Дружбы народов, четырьмя орденами Трудового Красного Знамени, медалью "За трудовую доблесть" и двенадцатью золотыми медалями ВДНХ СССР. При нем Адыгею называли регионом стабильных больших урожаев и высокой культуры земледелия. Многие руководители предприятий, колхозов, совхозов, труженики полей и ферм, заводских цехов и стройплощадок по всей Адыгее помнят его частые посещения, не забыли, как он оперативно и со знанием дела разрешал острые проблемы развития экономики и культуры области. При нем сам Майкоп, ряд аулов и сел Адыгеи были обустроены и обрели свой нынешний вид. Умер Н.А. Берзегов в возрасте 77 лет, в 2002 году.

Славные боевые и трудовые традиции продолжает высоко нести и молодое поколение рода. По-прежнему из среды Берзеговых выходят достойные солдаты Отечества: Энверби Пшимаевич из а. Егерухай дослужив до капитана, уволился из рядов Вооруженных Сил, а его младший брат, Сафарби, еще в строю, полковник, несет службу в Калининградской области. Их третий брат Каральби, окончив Таганрогский радиотехнический институт, долгое время работал на заводе "Точрадиомаш" в Майкопе, а сейчас занимается компьютерной техникой. В новых экономических условиях способности к предпринимательству проявил руководитель фирмы "Анай" егерухаевец Аслан Шумаевич Берзегов, окончивший Московский радиотехнический институт. Вадим Нурович Берзегов окончил Краснодарский политехнический институт, затем Академию внешней торговли СССР, живет и работает в Москве. Мурат Федорович Берзегов окончил Краснодарский политехнический институт, работает начальником СМУ в Майкопе. Байзет Вячеславович Берзегов окончил юридический факультет Краснодарского госуниверситета и работает старшим следователем ГОВД в г. Адыгейске. Продолжателем славных дел хлебопашцев рода стал и Давлет Ахмедович Берзегов. Школу окончил с золотой медалью. Получив образование

в Кабардино-Балкарском госуниверситете, стал инженером-механиком сельского хозяйства, ряд лет работал управляющим районной "Сельхозтехники" в ауле Кошебаль, в 1979-1983 гг. – председателем колхоза "Путь к коммунизму", а сейчас работает исполнительным директором фермерских хозяйств Кошебальского района Адыгеи.

Молодое поколение Берзеговых, как и многие другие в Адыгее, любят спорт. В свое время больших достижений в спорте достиг Шихан Асланович Берзегов. Он стал мастером спорта по борьбе самбо, неоднократно становился победителем и призером ряда российских и международных турниров. За достижения на тренерской работе ему присвоено звание "Заслуженного тренера РФ". В числе его воспитанников – известный в Адыгее и за ее пределами борец Мурат Русланович Хасанов, ставший чемпионом мира по борьбе самбо. По стопам Шихана пошел и Руслан Асланович Берзегов, учитель физкультуры Егерухайской средней школы, который тренирует детей, будущих чемпионов по борьбе самбо и дзюдо. Дело старших, внесших немало труда в развитие самобытной культуры Адыгеи, продолжают и современные выходцы из рода Берзеговых: Руслан Берзегов, солист Адыгейского государственного академического ансамбля песни и народного танца "Нальмес", Роза Берзегова, преподаватель института культуры г. Краснодара и др.

Не менее интересна судьба представителей другой ветви Берзек – Берзековых, воскресшая от мальчика-младенца в абазинском ауле Бабукт Кабарды, родители которого были вынуждены эмигрировать из Убыхии в Турцию в последние кровавые дни Кавказской войны. Подробности этого события описаны во второй главе, а в данной мы изложим то, как сложилась дальнейшая судьба потомков этого ребенка, имя которого – Хачимахо из рода Берзек – бережно сохранили воспитавшие его люди (см. генеалог. карту в прилож. 2).

Хачимахо, названный так его дедом с этим же именем, был доставлен из Убыхии в 7-дневном возрасте двумя всадниками-убыхами в аул Бабукт (Берзекенхабль) Кабарды в конце весны 1864 г. Один из них вез его завернутым в бурку, которая была приторочена с боку к седлу. При переходах через шумные

реки, встречах с группами горцев и других опасностях всадник всегда давал ребенку вместо соски смоченную в меде комочек тряпки. Другой всадник вез для него спрятанные детские пеленки, буйволиное молоко и детскую кашу в специальных сычужных бурдюках. Через несколько дней перехода из Убыхии в Кабарду они без происшествий прибыли в аул Бабукт, где мальчика передали владельцу аула Бабукова со словами старого убыха, деда малыша: "Мой мальчик для кабардинских друзей станет князем или пастухом, не знаю, но просьба одна – пусть не дадут ему забыть свое имя и род, из которого он вышел". Прошло время, мальчик окреп и вырос, в 21 год обзавелся семьей, у него родились двое сыновей – Гиса (Айса, 1886-1949) и Гумар (Умар, 1890-1937). Так в ауле Бабуковский (Берзекенхабль) Кабарды началась новая история одной из ветвей убыхского (теперь кабардинского) рода Берзек – Берзековых (Берзеговых).

Старший Айса женился, как и отец, когда ему шел 21-й год, в 1904 г. на 15-летней Маржан Мальсургеновой (1890 г.р.) из а. Бабуковский. Вскоре умер отец, Хачимахо, вслед за ним и мать. Через несколько лет женился и Умар. Братья переехали в Залукокуаже, стали самостоятельными семьями. В 20-е годы, до образования колхозов, они владели землей, работали вместе в ТОЗе (Товарищество по Обработке Земли). Потом они со своим хозяйством вступили в колхоз. Но в 1937 г., как и многих аульчан, по наущению из сельского Совета Умара арестовали в 1937 г., причислили к троцкистскому движению и заключили в тюрьму. Больше его никто из родных не видел, не имел он также потомства.

Лучше сложилась судьба старшего, Айсы. У него с Маржан родились 5 сыновей (Пата, Хачим, Каарльби, Наурби и Заудин) и две дочери. Айса, не покладая рук, работал в колхозе а. Залукокуаже в трудные 30-40-е годы и в возрасте 64 года умер. Его супруга Маржан вместе с сыновьями и дочерьми прожила долгую и счастливую жизнь, увидела плоды своей большой семьи – внуков и ушла в мир иной в возрасте 96 лет.

Старший сын семейства Айсы и Маржан Берзековых – Пата (1926-1999), хотя имел лишь начальное образование (помешала война), но жил и работал

добропорядочно, с началом войны в 15-летнем возрасте впрягся в колхозное производство. После войны женился. Вместе с супругой Фатимат Наурдиновой воспитали 10 детей, в том числе 8 дочерей и двух сыновей. В конце 60-х гг. он получил первую трудовую медаль, в 1973 - орден Трудового Красного Знамени, в 1976 - бронзовую медаль ВДНХ СССР, в 1994 - медаль "За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.", в 1995 - медаль "50 лет Победы в ВОВ 1941-1945 гг.", другие государственные знаки отличия за добросовестный труд в сельском хозяйстве.

Брат Паты - Хачим - начинал работать вместе с братьями в колхозе "Дружба народов" (а. Залукокуаже) трактористом, потом учился в институте, стал главным инженером этого же хозяйства. В настоящее время он на пенсии и самый старший в роду. С ним все остальные постоянно советуются по важнейшим проблемам рода и только после этого принимают решение по тем или иным вопросам. Хачим вместе с супругой Евгенией Малеевой воспитали троих сыновей и одну дочь.

Третий по старшинству сын Айсы, Караджи (1932-2000), получив высшее образование, работал главным агрономом колхоза "Дружба народов", вместе с женой Люсей, учительницей средней школы а. Залукокуаже, вырастили троих сыновей и дочь. Все дети получили высшее образование. Старший из сыновей - Рамазан - пошел по стопам отца, стал главным агрономом в хозяйстве, где работал отец. Дочь семейства Фатимат также, как и мать, стала учительницей и работает в школе.

Настоящее повествование истории кабардинского (убыхского) рода Берзековых не увидело бы свет, если бы этим не занялся следующий, четвертый, сын Айсы - Заудин (1936 г.р.). Он со слов своей матери Маржан записал историю своего деда, отца, братьев и сестер. Не завершив работу, умер в 1990 г. Заудин, получив высшее образование, жил и работал в г. Нальчик, был известен в Кабардино-Балкарии как государственный служащий, специалист высшей категории по финансам. Вместе с Аминат Аброковой вырастили трех сыновей -

Аслана, Руслана и Артура. Все они стали предпринимателями, обзавелись семьями.

Не сложилась жизнь одного из сыновей Айсы, Наурбия (1934 г.р.). Не успев обзавестись семьей, он умер в 1982 г., в возрасте 48 лет. Вместе с тем он оставил среди сельчан и родственников заметный след порядочности и добродетели.

В настоящее время пятое и шестое по счету поколения Берзековых КБР живут, учатся и работают в самых различных сферах государственной службы, экономики, образования, медицины и культуры. Их 62 чел., в т.ч. мужчин – 29, женщин – 33, молодежи и детей – 22. Среди них врачи, учителя, агрономы, инженеры, финансисты, писатели, юристы, историки и т.д. Среди 62 представителей рода – 28 % имеют высшее образование, 49% – среднее специальное и среднее, остальные начальное или еще учатся в школе. По уровню образования эти показатели значительно выше, чем средние показатели по а. Залукокуаже, где проживает основное ядро рода. Мухамед Хачимович Берзеков (1959-2003), хоть и рано ушел из жизни, в Кабардино-Балкарии был известен как молодой и талантливый руководитель колхоза "Дружба народов". Это он вместе с троюродными – сестрой Сaimат, братьями Аслан и Руслан – был инициатором и координатором восстановления связей с Берзеговыми из Адыгеи и Берзег из Турции – Сафаром, Ведатом и Нихатом. Позже, изучая историю своего рода, он вместе с Русланом и сестрой Сaimат вышли и на другие фамильные группы из Абхазии (Берзения=Барзакъ=Бырзыкъ; Кишмария) и Карачаево-Черкесии (Кишмаковых), были гостями на очередном их совместном родовом съезде, прошедшем в августе 2003г. в а. Кубина Карачаево-Черкесии. Сaimат Патовна Берзекова – Кумехова живет в г. Нальчик, работает заведующей литературной частью Кабардино-Балкарского драматического театра, проявила себя как талантливая писательница, поэтесса и драматург. Ее пьеса "Всадник с Балка" экранизирована, фильм хранится в фонде Кабардино-Балкарского Гостелерадиокомитета. Другие ее пьесы "Скрипка Али" и "Плач Шайдат" хранятся в музее им. Али Шогенцукова. Последняя пьеса посвящена супруге великого кабардинско-

го поэта Али Шогенцукова. Саимат выпустила сборник рассказов под названием "Ледяная рубашка" (Нальчик, 2002), пишет стихи, собирает материалы и намерена выпустить очерк о своем роде Берзек. "Когда есть люди, которыми можно гордиться, в каком бы они ни были возрасте, в том числе из твоего рода, за них никогда не приходится краснеть". Пожалуй, эти слова, принадлежащие Саимат Берзековой, можно с полным правом отнести к жизни и деятельности самой Саимат и ко всем носителям дружной и трудолюбивой фамилии Берзековых Кабардино-Балкарии, достойно сохраняющих характерные черты рыцарства и благородства старинного убыхского рода Берзек.

3.3. Абхазо-абазинская ветвь рода Берзек (Кишмария=Кишмаховы)

Во второй главе подробно были изложены обстоятельства, при которых произошло разделение убыхского общества Кищмай – Кіщтеу на две половины – абхазскую и абазинскую родовые ветви. Благодаря сказителям рода и проведенным нами полевым изысканиям практически без больших пробелов удалось восстановить имена предков во всех поколениях Кишмаховых = Кишмария, начиная со второй половины XVI в. Нами составлены сводная генеалогическая схема и 18 генеалогических карт ныне самостоятельных родословных ветвей Кишмаховых = Кишмария, которые приведены в выше упоминавшейся работе "Род из священной долины убыхов".

Современные кишмариевцы хорошо владеют историей своего рода со времен переселения их предков из региона Псху. Дневниковые записи истории и этнографии фамилии, начатые сказителем Джугуной Хасановичем (1885-1978), продолжает его сын Варлам (1921 г.р., с. Река, Абхазия) по линии Цкуцкуа. Некоторыми подробностями о событиях, которые происходили в жизни рода в прошлом владеет также старейшина Алиша Гажевич (1918 г.р.) из с. Члоу по линии Гдыж, представители более молодого поколения – Борис Меблудович (1930 г.р.) из с. Джал по линии Хаб, Серапион Романович (1939 г.р.) из г. Сухум и Руслан Ражикович (1959 г.р.) из г. Очамчира по линии Цкуцкуа, Апполон Лекрович (1948 г.р.) из с. Члоу по линии Хусеин и другие.

Все они утверждают, что род Кишмария первоначально поселился в мес-тешке Илор возле устья р. Галидзга. Из-за заболоченности местности, плохих климатических условий, к которым никак не могли привыкнуть люди, предки переселились в два села – Река и Члоу. Это произошло, как рассказывал старейшина-сказитель Джугуна (в 2002 г. в Москве вышла почтовая марка, посвященная ему), после того, как турки разрушили большой храм в Илори (по истор. докум. – 1733 г.). Двоим родным братьям, стоявшим во главе одной части кишмариевцев, Цкуцкуа и Куагь вместе с семьей другого родственника Хецар-кук удалось уладить все долговые дела с князем Шат-ипа, выделившим им землю в счет платы за ежегодную работу их крестьян на его плантациях, переселились в село Река и образовали отдельный патронимический околоток. А двоюродный или троюродный их брат Гдыж, сын Татлукуа, поселился со своим семейством в селе Члоу.

Жизнь рода на вновь обретенных землях складывалась по-разному. Были времена расцвета рода, так и черные годы войн, когда приходилось отстаивать свое право на жизнь. Не все подробности судьбы предков дошли до потомков. Тем не менее нынешнее поколение рода хорошо знает о делах и поступках отдельных из них, оставивших заметный след в истории фамилии.

Алиша Гажевич из села Члоу вспоминает: "В наших родовых селах были фамильные кузни, мельницы, разводили хороших лошадей. Женщины были искусными мастерицами по выделке бурок, обработке кожи и пошиву одежды. Мужчины, практически все без исключения, умели сами изготавливать брички, сбрую для лошадей, всякий сельхозинвентарь. Все наши предки, как и мы сейчас, обрабатывали землю, сами разводили виноград, цитрусовые, чай, овощи".

Удивительное сплетение традиций язычества, христианства и ислама можно наблюдать сегодня в Абхазии, в том числе среди кишмариевцев. Во время полевых изысканий мы спросили у старейшины Алиши Гажевича Кишмария, что он думает по этому поводу. Он ответил: "А вообще мы были язычники, сейчас соблюдаем некоторые обычаи и традиции, которым преклонялись

наши предки с давних времен". Традиционные религиозные учения христиан внедрялись в Абхазии еще со времен греков-милетцев, а впоследствии – Византией до середины XV века, потом культивировался ислам в XV-XVIII веках, а с 1810 года опять в абхазскую среду активно внедрялось христианство. До настоящего времени кишмариевцы имеют свои фамильные кладбища и покойника не хоронят ни в какое другое. В селах же хоронят усопших в укромном месте, возле своего домовладения. Обязательно также в процессе похорон обед поминования проводить с вином. В свадебных же мероприятиях соблюдается обряд венчания, а при рождении ребенка – обряд крещения. Во всех же остальных жизненных ситуациях в быту у всех кишмариевцев верховенствуют древние традиции и обычаи предков, вполне близких и схожих с нравственно-этическими установлениями, выработанными веками и у абазин, и у черкесов (адыге).

Сафон Романович Кишмария (1937 г.р., с. Река), у которого нам довелось побывать (ведет также дневниковые записи истории рода), говорил: "Наш род с момента поселения в этих местах и до настоящего времени не дал повода кому-либо говорить о нас плохо. Вместе с абхазским и другими народами мы трудимся, участвовали во всех этапных событиях в истории СССР, России, были участниками практически всех войн, которые велись в последние 200 лет". И действительно, кишмариевцы участвовали в русско-турецких войнах 1853-1856 гг., 1877-1878 гг., в войне России с Японией 1904-1905 гг., в первой и второй мировых войнах, в гражданской войне в России 1918-1922 гг., а также в гражданской войне в Афганистане в 1979-1989 гг. Для рода Кишмария, как и для других жителей Абхазии, перечень этих несчастий на этом не закончился. Была и война 1992-1993 гг., в которой они защищали землю предков от вероломного нападения вооруженных сил Грузии. Храбрым и отважным воином в период Крымской войны 1853-1856 гг. показал себя Киаламат Джангиатович Кишмария (по линии Цкуцкуа). Он в составе Гурийского отряда под командованием Багратиона-Мухранского воевал против войск Омар-паши, который высадился в Сухуме в октябре 1855 года. Известно, что Омар-паша оттеснил русские вой-

ска, выиграл битву на Ингуре, внедрился в пределы Мегрелии. Однако дальше пройти он не смог, был оттеснен к Сухуму, который турки оставили уже летом 1856 года. В битве при Ингуре Киаламат был легко ранен. После лечения он был направлен в войска под Карс, где участвовал в его осаде. Из рассказов ныне живых его потомков, у кого хранятся его боевые награды, свидетельства и фотографии, известно, что он проявил мужество и отвагу при взятии Эрзерума. Благодаря тому, что он не растерялся и во главе горстки абхазов с обнаженной шашкой кинулся на передовые окопы противника, русским войскам удалось прорвать кольцо обороны турков и обратить их в бегство. В честь этого подвига Киаламат Джангиатович уже после войны, в 1868 году, был награжден светло-бронзовой медалью на Георгиевской ленте за номером 110. После окончания русско-турецкой войны Киаламат Джангиатович вернулся к мирному труду в своем родном селе Река. Он прожил еще несколько десятков лет до глубокой старости. Однако ни Киаламату Джангиатовичу и не другим его родичам не пришлось прожить эти годы счастливо. Шла Кавказская война и часть кишмириевцев уже участвовала в этой войне на стороне цебельдинцев, дальцев и псхувцев (свободные общества, которые не особо подчинялись абхазскому владельцу), со многими фамилиями и семьями которых они находились в родстве, против царской колониальной политики и проводимых земельных и административных реформ. Самыми активными сторонниками своих соплеменников в борьбе против царских войск в 1856-1864 гг. и начатых в 1866 году земельных реформ были Хасан Тахтоуович, его брат Хуху, Омар Куабанович, сыновья Багыра (линия Куагь), Ханаш Хатажукович (линия Хецаркук), Хаб (отчество не известно) и многие другие.

Известно, что после окончания Крымской войны 1853-1856 гг. Россия бросила все свои силы на покорение горцев Северо-Западного Кавказа: абадзехов, шапсугов, убыхов, садзов, аибга, ахчипсоу, псхувцев, цебельдинцев и дальцев. В покорении этих обществ вместе с русскими войсками участвовал и сам владетель Абхазии Михаил. Вскоре (ноябрь 1864 г.) он сам стал политическим ссыльным, и в 1866 году умер в г. Воронеже⁷⁰. В том же 1866 году, после

кончины владетеля, в Абхазии вспыхнуло восстание крестьян, недовольных начатыми земельными реформами, участниками которых были и кишмариевцы: те же Хасан, Омар, Азамат, Хазрат, Баго, Хапащ и др. Были убиты начальник Сухумского военного отдела, несколько офицеров и более полусотни казаков. Произошло это в результате того, что российская администрация не учла социально-бытовых и сословных особенностей уклада абхазского народа, который был лишен крепостнических отношений. По этому поводу сын бывшего владельца Абхазии Михаила Георгий писал: "Дело в том, что в Абхазии не существовало... крепостной зависимости... Народ никак не мог понять, от кого и от чего освобождают"⁷¹. Он же писал, что на одном сходе граждан в поле прибыл участковый начальник Измайлова с целью проведения земельной реформы и потребовал, чтобы при его появлении крестьяне снимали шапки. Один из крестьян по фамилии Микамба сказал: "Мы шапки снимаем только в церкви, а святого Измайло мы еще не знаем"⁷². Восстание абхазов, как и их борьба за независимость в конце Кавказской войны, было подавлено войсками, и в очередной раз масса абхазов была выселена в Турцию, а многие попали в тюрьмы России. Очередное восстание в Абхазии произошло в 1877 году и совпало с началом русско-турецкой войны. В мае того года турецкий десант, который состоял, в основном, из абхазских махаджиров, высадился в Сухуме и прошел через все юго-восточные земли до Илора. К этому десанту присоединились и абхазы, недовольные крестьянскими и административными реформами 1866-1877 годов, в том числе Хасан и Хаб Кишмария вместе со своими родственниками. Но турецкие войска потерпели поражение в битве на реке Галидзга, недалеко от Очамчира. Выступление абхазов на стороне Турции закончилось для них очередным массовым выселением и репрессиями. Им с этого периода было запрещено селиться в прибрежные города и села⁷³.

"Покинул свою родину и мой дедушка Хасан Тахтоувич, – рассказывал Варлам Джугунович. – Он уехал вместе с племянником Мыстафой, отец которого Кублыху погиб в бою на р. Галидзга, и дочерью Кучь. Его жена не захотела выезжать туда. Вернее, не захотели этого ее отец, мать и братья. Не знаю,

видимо, Хасан был там женат и оставил детей. Но знаю, что он вернулся один с дочерью и повторно женился здесь, родился сын Джугуна, наш отец. У отца нас пятеро: Ражико, я, Мушни, Бубли и Аксент. Мыстафа Кублыхувич домой вернулся в 1913 году, женился на девушке из рода Чочхалия, родился сын Мегона. Через два года Мыстафа со своей семьей уехал обратно в Турцию. В настоящее время двое сыновей Мегоны, уже взрослые, живут в Турции и, как мы убедились (они приезжали в Абхазию), принадлежат к высшим слоям общества. Старший из сыновей Мегоны недавно (в 1995 г.) был избран президентом ассоциации производителей текстиля, ездил в Узбекистан вместе с Президентом Турции С. Демирелем и заключил там договор на поставку хлопка..." Судьба же Хаб и его близких сложилась иначе, чем у Хасана Тахтоуовича. Алиша Гажевич (с. Члоу) рассказывал: "Хаб жил в Турции до 1919 года, а когда узнал, что в Абхазии установилась советская власть, вернулся (Алиша не знает, была ли там у него семья, все же он без этого не мог там жить так долго. – М.К.). Дома женился на девушке из рода Тарба. Родители его жены помогли построить дом в селе Джал, откуда была и его супруга. Хаб переселился туда, от него ишла самостоятельная ветвь рода. В настоящее время эта ветвь рода довольно большая и дружная, только мужчин насчитывается около 20. У одного только Бориса Меблудовича шестеро сыновей, все семейные, очень хорошие ребята. Жаль, что один из его сыновей попал в засаду (Гоча) и погиб от рук бандитов из "Белого легиона" накануне 1 мая 1998 года".

Варлам Джугунович и Алиша Гажевич утверждают, что "не обладают точными сведениями, но предполагают, что в Турции остались потомки от Хасана и Хаба, помимо нынешних сыновей Мыстафы, так как там проживают еще немало семей с нашей фамилией, о чем нам сообщили приезжавшие оттуда в 1993-1996 годы абхазы. Они же говорили, что те носят фамилию Кишмаала". Старейшины предполагают также, что последние могут быть потомками и первых махаджиров 1810 года. Впрочем, они могли оказаться в волне и последующих массовых выселений. Их, изгнаний, еще было шесть-семь до окончания Кавказской войны. Старейшины правы. Действительно, начиная с присоедине-

ния Абхазии к России и начавшихся в итоге восстаний, войн, реформ земельных и административных, массовых изгнаний абхазов было 10. Только после окончания Кавказской войны и крестьянских волнений 1877-1878 гг. насильно были выселены около 80 тыс. человек, а вместе с предыдущими изгнаниями абхазов и приморских абазин было выселено порядка 135 тыс. человек. В результате Абхазия обезлюдела и в пустые селения хлынули поселенцы из Западной Грузии. В 1886 году в Абхазии проживало около 4 тыс. грузин, а к 1897 году их стало 26 тыс. чел. (22,4 %), к 1926 году их численность была доведена до 68 тыс. чел. (31,8 %). Доля же абхазов за это время в общей структуре населения снизилась с 87, 6 до 26,4 процентов⁷⁴. Таковы итоги последних войн, махаджирства и переселенческой политики царской России и Грузии.

Правы старейшины, когда говорят, что "спокойной жизни не было и нет ни у одного поколения абхазов. Мы не помним, чтобы какое-то поколение родилось и дожило до глубокой старости без войны". За последние 200 лет в истории России и Абхазии не было действительно промежутка времени длиной в человеческую жизнь, чтобы люди не перенесли тяготы войны, разрухи, голода, репрессий. В беседе с нами Варлам Джугунович сказал: "Если не войны, то обязательно репрессии или эксперименты над народом, не стоит даже их перечислять, мы ими сыты". В период русско-японской войны 1904-1905 гг. обильно полил своей кровью дальневосточные земли Куат Киаламатович по линии Цкуцкуа. Он, как и его отец, который воевал против турок на р. Ингур, под Карсом и в Эрзеруме, проявил самые лучшие качества воина, был несколько раз ранен, но войну прошел до конца. Рядом с ним, но в битве за Порт Артур отважно сражался и молодой Чанта Пекович Кишмария. Последний вернулся с фронта живым, с ранениями и наградами, дожил до счастливой старости, вырастил четверых сыновей, умер в 1960 году. Храбрыми и отчаянными бойцами показали себя в первой мировой войне в составе "дикой дивизии" Чина Тархунович и его младший брат Илья. Обоим братьям вместе с дивизией довелось пройти и проскакать дорогами первой мировой войны Австрию, Венгрию и Чехию. Чина был четырежды ранен и после каждого ранения попадал в плен, и

всякий раз бежал и снова возвращался в строй. За свои подвиги он был удостоен Георгиевского креста. Старший и младший вернулись с первой мировой, а Илье пришлось участвовать и во второй мировой войне, освобождал Моздок, Прохладный, Мин-Воды, Невинномысск, а вот под Тихорецком ему не повезло, был тяжело ранен и комиссован. Но он все же дожил до 69 лет, воспитал одного сына и ушел в мир иной в родном селе Река. В составе "дикой дивизии" сражался также и троюродный брат Чанты и Ильи – Диуан Екупович Кишмария. От своих братьев Диуан отличался тем, что в ходе атаки противника, в особенности, когда конница налетала на окопы, он всегда был впереди и ложился под брюхо лошади, как будто ранен, и проскакивал вражеский оборонительный рубеж, разворачивался и атаковал с тыла. Этому мастерству он научил практически всю сотню, в которой состоял. А самого Диуана этому научил его дед Кузамач. Уже в возрасте 12 лет он отлично владел всеми навыками хорошего наездника, а с 16 лет мог ловко пролезть на всем скаку под брюхо лошади и достать с земли не только женский платок, но и монету. Равных ему в этом деле не было во всей округе. Диуан также вернулся с войны, его ратный подвиг отмечен наградами.

С победой Октября в 1918 г. история рода Кишмария приобрела новые черты. Проблемы жизни следовали одна за другой. Однако род Кишмария, как и весь абхазский народ, находил возможность начать ее заново: рожали и воспитывали детей, трудились на полях и стройках, строили новое социалистическое государство. Из числа кишмариевцев активными участниками установления советской власти в Очамчирском районе был Махаз Данакеевич по линии Цкуцкуа. Он стал одним из первых председателей сельского Совета в селе Река, а с созданием колхозов – первым председателем Рекинского хозяйства, а на посту председателя сельского Совета его сменил Ражден Базалович Кишмария по линии Куагь. Раждена Базаловича, после ухода Махаза Данакеевича с поста председателя колхоза, избирают руководителем этого же хозяйства, а затем он работает директором артели местной промышленности в г. Очамчира. Уже после Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. он был избран депутатом и

председателем сельского Совета в селе Моква. Впоследствии его направляют в "отсталое" хозяйство, как тогда говорили, где работал председателем колхоза "Гвада" в селе Джгерда Очамчирского района. Здесь он погиб в 1952 году от рук бандитов. Махаз Данакеевич и Ражден Базалович за годы работы руководителями сельских органов власти и колхозов имели немало правительственные наград и поощрений, пользовались в своем родном селе и районе заслуженным авторитетом. Они являлись для своего рода как бы маяками в жизни. На них равнялись не только их сверстники, но и молодежь, которая старалась жить, учиться и работать, так как это умели их старшие в лице Махаза и Раждена.

В трудные 30-е годы учились, получили соответствующее образование и стали работать учителями, врачами, специалистами сельского хозяйства, строителями 15 человек. Из них выделялись Махаит Смелович и Махаз Басиатович из села Члоу, которые во времена ТОЗов и СОЗов (товарищества по совместной обработке земли) слыли крепкими хозяйственниками в Очамчирском районе, а затем возглавляли колхоз и сельский Совет в своем родном селе Члоу, как и Махаз Данакеевич из с. Река. Оба они были арестованы весной 1937 года и расстреляны под Сухумом.

Род Кишмария, несмотря на репрессии, сложности в жизни, не роптал, не поднимая головы работал на колхозных плантациях, обустраивал вместе с абхазским народом города и села. Но относительно мирная поступь жизни была прервана очередным известием о войне в июне сорок первого года. Из городов и сел Абхазии ушли на фронт 27 представителей рода, из которых 17 пали на полях сражений Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Тяжелые потери понесли в годы войны семьи Кишмария из села Члоу. Отсюда на фронт ушли 11 братьев-родственников, а вернулись лишь двое. Одним из тех, кто вернулся, был и Алиша Гажевич, заслуживший за свой геройзм и мужество, проявленные под Сталинградом, Киевом и при взятии Берлина, три боевых ордена и четыре медали. Из его уст нам удалось узнать немало из истории рода Кишмария. Когда его спросили: "Алиша, что делали в годы войны?" – ответил: "А смотря какой?" Когда ему напомнили о недавней абхазо-грузинской войне, он чуть под-

жав губы, с хитринкой сказал: "Малость партизанил..." В ходе беседы у Алиши Гажевича нередко менялось выражение лица, отражая то радость, то грусть. А когда говорил о своих братьях, ушедших с ним на фронт и не вернувшихся, не мог сдержать мужских слез. Это были слезы сильного человека. Извиняясь за них, он сказал: "Дважды в жизни у меня были слезы: когда, вернувшись с войны, узнал, что из 11 братьев нас вернулось двое. И второй раз, когда услышал, что 30 сентября 1993 года наша армия победила грузинских оккупантов, которые выпили немало нашей крови". Из села Члоу во время Великой Отечественной войны навсегда остались лежать в могилах далеких от Абхазии два сына Махаза – Колодя и Лука, трое родных братьев – Михаил, Куания и Мыджга, сыновья Османа Татлыковича, Рафат Рашидович, Мыдгуа Гдуович, Гамаз Смелович и Куцыц Kakуович. Из 16 ушедших на фронт из села Река кишмариевцев не вернулись к своим очагам восемь человек. Это Дианоз Путлович, Григорий Андреевич, братья Илларион и Ион, сыновья Базала, Акун Васильевич, Сандро Ясонович, Николай Гуджинович и Аксент Джугунович. Последний учился с начала войны в артиллерийском училище в г. Тбилиси вместе с младшим братом Варламом. Как вспоминает ныне живой Варлам Джугунович, "всех курсантов досрочно выпустили и бросили навстречу врагу, стремившемуся прорваться в августе 1942 года через Военно-Грузинскую дорогу. Бои шли уже на территории Северной Осетии, у Эльхотовских ворот, где произошло крупное танковое сражение с участием большого количества пехоты. Наши потерпели неудачу, отступили и закрепились под Орджоникидзе, с западной стороны, в селе Гизель. Сюда прибыли и курсанты. Аксента сразу назначили командиром противотанковой батареи (он был на последнем курсе училища), а нас, молодых курсантов, придали ему. Все училище, таким образом, было сформировано: старшие курсанты – командиры, младшие были им приданы в батареи, взводы, роты и т.д. Учились воевать и осваивать артиллерийскую технику и тактику ведения боя на ходу, в боевых условиях". Братьям не довелось воевать вместе долго. Аксент остался под Орджоникидзе (ныне Владикавказ), а Варлама перевели в конце осени под Моздок. В декабре началась крупная наступательная опера-

ция советских войск и Варлам участвовал в освобождении Моздока, Нальчика, Пятигорска, Железноводска, Невинномысска, Армавира, Кропоткина и Краснодара, где восьмой раз был ранен, но тяжело в отличие от предыдущих, и после лечения отправлен домой летом 1943 года. Старший же, Аксент, освобождал также города Северного Кавказа и Украины, а в 1944 году погиб под Витебском, что в Белоруссии, отражая очередную атаку танков противника. Варлам же вернулся в родное село, имея агрономическое образование (до войны окончил сельхозтехникум в Гудауте), стал работать в колхозе, заочно учился на курсах счетных работников и был бухгалтером совхоза "Большевик", а после объединения двух хозяйств сел Река и Агубедиа в единый цитрусовый совхоз стал главным бухгалтером и работал в этой должности до ухода на пенсию. Но долго отдыхать ему не пришлось, понадобились его опыт и знания.

После Великой Отечественной войны бывшие фронтовики старались как можно быстрее войти в ритм жизни. Многие продолжили учебу в вузах, техникумах, а большинство вернулось к довоенному мирному труду на колхозных полях, на стройплощадках и в заводских цехах. Продолжил учебу в школе, а затем в 1958 году окончил Тбилисский университет Ражико Джугунович Кишмария. Это он мальчишкой безутешно плакал, когда узнал, что его старший брат Аксент погиб в бою под Витебском. Ражико в молодости был очень серьезным, целеустремленным человеком, готовым прийти на помощь соседу, сверстнику и всем тем, кто нуждался в этом. Наверное, поэтому Ражико в 1953 году, в период учебы в университете, организовал первое абхазское общество земляков-студентов в Тбилиси. Для работы в этом обществе привлекались и те абхазы, которые жили и работали в Тбилиси. Благодаря этой общественной организации, многие абхазы-студенты имели возможность благополучно окончить университет, так как получали материальную поддержку. Многие из тех, кто состоял в этом обществе при Ражико, впоследствии стали замечательными людьми и они сделали немало для подъема экономики и культуры Абхазии. Сам же Ражико, получив специальность учителя, вернулся в родное село Река и стал преподавать в средней школе. Ражико недолго работал в своем селе. Его через

год работы вызвали в райком КПСС и назначили директором средней школы в с. Агубедиа, а после этого, как восстановили в Очамчирах абхазскую школу, ликвидированную еще во времена грузинизации Абхазии, он переводится туда директором школы. Затем он был направлен директором Губской средней школы, где работал до ухода на пенсию. Ражико Джугунович, впитав вкус общественной деятельности со школьной и студенческой скамьи, потом до конца жизни не расставался с этой нагрузкой. Он длительное время был членом бюро Очамчирского райкома КПСС, одновременно работал внештатным корреспондентом республиканской газеты "Советская Абхазия", являлся внештатным заведующим сельхозотдела Очамчирской районной газеты "Коммунизм". К Ражико за советом и помощью всегда обращались руководители хозяйств и школ, студенческая молодежь и просто пенсионеры. И все они всегда получали необходимую поддержку. Даже в сложные для интеллигенции Абхазии семидесятые-восьмидесятые годы, когда они писали письма в ЦК КПСС и были преследуемы, он всегда был с ними и помогал делом и советом.

Дети военной поры, ставшие впоследствии педагогами, врачами, агрономами, инженерами, как и Ражико Джугунович, вложили немало труда в воспитание подрастающего поколения, прославили свой род честным трудом и активной общественной деятельностью. Многие жители городов Очамчир, Ткуарчал, сел Река, Члоу, Джал, Чубурхиндж, где проживают Кишмария, помнят до сих пор Шалву Дитовича, проработавшего в 1965-1996 гг. директором средней школы в селе Река, учителя этой школы Георгия Ясоновича, главного агронома совхоза "Цитрусовый" Очамчирского района Тура Гуджевича, Сергея Капитоновича, проработавшего 30 лет директором Ткварчельского автотранспортного предприятия. В Очамчирах хорошо знают очень отзывчивого и готового всегда помочь Ачико Чантовича, работающего в должности начальника Очамчирской районной ветстанции и заместителя главного ветеринарного врача района, начиная с 1956 года. В 1956 году окончил в Тбилиси политехнический институт и долгое время работал начальником железнодорожной станции в Донбассе, а затем в Ткуарчале Шамиль Романович. Одновременно с Шами-

лем, но только Тбилисский сельхозинститут, закончил и его брат Карбе Романович. Получив специальность агронома, он долгое время работал главным агрономом Киндигской чайной фабрики, затем секретарем Очамчирского райкома КПСС, был главным агрономом Агубедийского совхоза по производству тунгового масла, а перед уходом на пенсию был директором чайного совхоза в селе Меркула.

Из рода Кишмария первым ученым-физиком стал Серапион Романович. После окончания Сухумского пединститута в 1959 году, он остался работать заведующим кабинетом кафедры физики, а в 1972 году окончил аспирантуру Ленинградского пединститута им. Герцена, защитив диссертацию кандидата физико-математических наук. Его специализация – физика полупроводников, имеет 43 научные работы, ныне доцент, заведующий кафедрой физики Абхазского госуниверситета. В 1999 году исполнилось 70 лет Абхазскому государственному драматическому театру им. С.Я.Чанба. Около сорока лет из них вместе с этим театром прожил актер и организатор театрального дела Нури Шалвович Кишмария (1937 г. р.). За долголетнюю и верную службу театральному делу он в 1972 году был удостоен Почетной грамоты ЦК КП и Верховного Совета Украины, в 1975 году решением Президиума Верховного Совета Абхазии ему присваивается звание заслуженного работника культуры Абхазии, а в 1978 году он становится и заслуженным работником культуры Грузинской ССР. К поколению детей военной поры относится и Иван Романович Кишмария. В 1973 году он окончил юридический факультет Тбилисского госуниверситета, 10 лет работал в Сухумском городском отделе внутренних дел, затем учился в академии МВД СССР и 17 лет являлся сотрудником МВД Абхазии. Его последнее место работы, перед уходом в 1995 году в отставку, – паспортно-визовая служба МВД Республики Абхазия. Вполне заслуженным авторитетом в кругу ученых Абхазского госуниверситета пользуется, как и Серапион Романович, Ямзе Шамильевна Кишмария, родом из Ткуарчала. Ямзе с отличием закончила физико-математический факультет Абхазского госуниверситета в 1975 году, а потом и аспирантуру Московского института химической физики Академии наук

СССР, где успешно защитила диссертацию кандидата физико-математических наук на тему: "Автоматизация хромосомного анализа и биофизические особенности механизма фотомутогенеза растений". После окончания аспирантуры работает преподавателем кафедры общей физики, а с 1995 года – доцент этой же кафедры Абхазского госуниверситета. Ямзе Шамильевна имеет 27 научных работ, которые опубликованы в журналах "Биофизика", "Оптико-механическая промышленность", "Селекция и семеноводство", в научных докладах ВАСХНИЛ. В Российском университете Дружбы народов издан атлас-пособие на основе ее научных трудов. Тезисы ее научных докладов на ряде Всесоюзных и Международных конференций изданы в Москве, Казани, Львове, Сухуме, Мироновке, в Лиме (Перу).

Впрочем, после Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. мирная поступь жизни этого поколения Кишмария, как и старшего, длилась всего 47 лет. 14 августа 1992 года, день начала грузино-абхазской войны, поистине стал трагическим в истории взаимоотношений двух народов. Много несчастий принесла эта война уже в первые дни во многие семьи Абхазии и Грузии. Весть о ней с болью отзывалась и в сердцах сотен тысяч людей за пределами Апсны: в Адыгее, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Краснодарском крае, а также у зарубежной абхазо-адыгской диаспоры. Одним из организаторов и командиров партизан, а затем и так называемого Восточного фронта, был отставной офицер-афганец Мераб Борисович Кишмария. В первый же день войны (уже был в отставке и работал дежурным офицером Очамчирского РОВД) он, прихватив некоторое вооружение из отдела милиции, ушел в лес и организовал из кишмариевцев и своих односельчан (с. Джал) партизанский отряд. Потом его отряд воссоединился с двумя другими, и первое время он был назначен начальником штаба единого партизанского объединения, воевавшего в окружении в лесах Очамчирского района под г. Ткуарчал. Вместе с боевыми товарищами провел ряд операций в тылу врага, последняя из которых привела к окружению Сухума с юга-восточной стороны и в конечном итоге – к окончательной победе абхазской армии 30 сентября 1993 г. В настоящее время он в звании генерал-

лейтенанта является заместителем Министра Обороны Республики Абхазия. Очерк о бойцах-кишмариевцах еще будет написан, в нашем же исследовании укажем вкратце о некоторых из них. Всего из рода Кишмария в грузино-абхазской войне участвовали 83 чел., начиная от 75-летнего тогда Алиши Гажевича и до 5-летнего Мераба Кишмария-младшего. Последнему не повезло, был ранен грузинским снайпером во время доставки боеприпасов партизанам. Но он выжил после операции. Кроме них умелым организатором и боевым командиром зарекомендовал себя Руслан Ражикович. В начале войны он со своим разведотрядом освобождал Гагры, затем помогал своему брату, Мерабу, командиру Восточного фронта, возглавлял разведывательно-диверсионную группу "Дельфин", провел много удачных операций. После войны вот уже около 10 лет является Главой администрации Гальского района на границе с Грузией. Отважно сражались с противником и родные братья командующего Восточным фронтом: Хвича, выпускник танкового училища, воевал в Моквинском батальоне; Зураб и Гоча сражались в составе Меркуловского батальона; Гарик, самый младший из братьев, воевал в рядах бойцов Аджарского батальона. Геройски сражался в отрядах партизан Беслан Кишмария, защищая вместе с другими свое родное село Река. Он, в тяжелораненном состоянии, после операции, был доставлен из больницы окруженного Ткуарчала, чтобы организовать борьбу с бронетехникой противника, которая, не приближаясь к абхазскому селу Река, периодически обстреливала ее, уничтожая сплошным огнем дома, сады, виноградники, наконец, самих жителей. Стрелять из противотанковых снарядов мог только Беслан. И он свою "работу" выполнил хорошо, подбив не одну бронемашину противника из ПТУРсов (противотанковая управляемая ракета). До сих пор на подходах к селу Река стоит один из танков, подбитых Бесланом, в память о прошедшей кровавой войне. Из числа кишмариевцев в грузино-абхазской войне 1992-1993 гг. и от рук бандформирований, действующих в Гальском районе Абхазии, погибли 7 человек. Весной 1993 года попал под артиллерийский обстрел и погиб Рушан Илларионович из с. Река. На мине подорвался Роин Баджагович из этого же села. От тяжелых ран после боевого столк-

новения скончался Шота Чичинович из с.Члоу. Очищая леса от остатков грузинских войск, погиб через 10 дней после окончания войны Джустан Джорович из с. Джал. На минах, оставленных гвардейцами Китовани, погибла и супруга Хвичи Борисовича из этого же села. От рук террористических формирований "Белый легион" и "Лесные братья" погибли джалцы Дож Отарович (1994 г.) и младший брат бывшего командира Восточного фронта Мераба Кишмария – Гоча (1998 г.). За боевые заслуги перед родиной Указом Президента Республики Абхазия В. Ардзинба, сразу после войны, звание "Герой Абхазии" присвоено родным братьям – Мерабу и Хвиче Кишмария, орденом Леона награждены Беслан Софонович и Даур Хухутович Кишмария, медали "За отвагу" удостоен Зураб Хухутович Кишмария. Нет сомнения в том, что и в дальнейшей жизни молодое поколение этого рода будет с достоинством нести имя своих предков. Об этом свидетельствуют и некоторые показатели (1998 г.) социального и культурного положения носителей фамилии Кишмария в абхазском обществе.

Род насчитывает 573 чел. (83 семьи). Среди них: трое ученых, пятеро деятелей культуры, четверо госслужащих, 27 награждены орденами и медалями СССР, 25 – работают руководителями различных предприятий, в т.ч. коммерческих, 15 – офицеры Абхазской Армии, 18 – учителя, 12 – врачи, 8 – юристы, 7 – экономисты и т.д., 37 % - составляет молодежь до 25 лет, 12 % - с высшим образованием, 68 % - со среднеспециальным и средним, остальные – с неполным средним, соотношение мужчин и женщин – 48 x 52 %.

Современное поколение Кишмаховых во многом обязано знаниями истоков рода своим старейшинам Бабух Магомет-Гиреевне (1842-1852), Абдулаху Закерьяевичу (1904-1984), Эраджибу Заурбековичу (1905-1980) и Хаджи-Бекиру Зулькарнеевичу (1906-1995) из аула Псыж (Карачаево-Черкесская Республика), Абдулаху Мазановичу (1870-1967) из аула Кара-Паго (Карачаево-Черкесская Республика) и Шахмырзе Хаирлиевичу (1880-1974) из аула Кубина (Карачаево-Черкесская республика).

Первая из них, Бабух Магомет-Гериевна, являлась чуткой хранительницей истоков рода, истории происхождения фамилии, человек с феноменальной

памятью, которая поименно помнила всех предков с середины XVI в. по мужской линии одной из родовых ветвей Кишмаховых, родоначальником которой был, как она утверждала, убыхский князь Батоко. Бабух хорошо владела арабским, турецким, русским и немецким языками, свободно могла общаться еще на трех языках народов Кавказа. Эраджиб Заурбекович и Абдулах Закерьяевич совместными усилиями вели учет имен, годов рождения и смерти своих предков и современников по родовой линии Клыч с конца XVI в., производя записи на арабском языке на полях Корана. Абдулах Мазанович и Шахмырза Хаирлиевич выделялись всегда из среды рода тем, что они знали во всех деталях не только "биографию" рода, но были знатоками истории своего аула Кубина (ранее - Лоовско-Кубанский) и выделившегося из него в 1926 г. аула Кара-Паго.

Благодаря этим старцам и дополнительным полевым исследованиям, как отмечалось выше, удалось восстановить в целом картину жизни рода Кишмаховых, начиная с происхождения фамильного имени во второй половине XVI в., и составить сводную генеалогическую схему, как в целом всего рода Кишмаховых=Кишмария, так и отдельных его ветвей.

Воссозданию объективной истории и имен предков рода способствовали также многие документы из семейных архивов, черновые записи преподавателя Ставропольской гимназии Батоко Мусовича (1869-1919) и священнослужителя Шехмырзы Хаирлиевича (1880-1974), получившего образование в Турции и обладавшего библиотекой из 1000 книг, которых он лишился после гражданской войны 1918-1920 гг.

Помимо самих представителей рода, их убыхское происхождение знали и многие другие аульчане, с которыми они породнились или были в других близких отношениях. Так, например, об истории рода Кишмаховых немало знали сказитель аула Дударуковского (совр. а. Псыж) Хацу Куржев (1887-1972), а также одна из последних снох основателей абазинского аула Дударуковского – Гайшат Пшмаховна Чукова-Дударукова (1912 г.р.), проживающая сейчас в г. Черкесске. Хацу Куржев, после вечерних молитв в аульской мечети, в кругу стариков, всегда любил поговорить и вспомнить о прошлом. О происхождении

рода Кишмаховых он говорил: "Это не простой род, они из убыхских князей. Я часто общался с сыновьями Магомет-Гирея и Аслан-Гирея – Мусой, Зулькарненем и Батоко. Последний был старше меня лет на 5, грамотный, учился в Петербурге, работал в гимназии г. Ставрополя. Прежде чем их предки поселились в нашем ауле, жили на побережье Черного моря, пришли в Теберду во главе 7 братьев. Их звали Джамирза, Джамбот, Абдул, Байнур, Киш-ипа, Хаджи-ипа и Яхутль. Джамирза и Джамбот были родными братьями..."

Прав был Хацу Куржев, когда свидетельствовал и о многих других событиях из жизни рода Кишмаховых. Ошибался лишь в одном – Кишмаховы во главе семи братьев переселились сперва не в Теберде, а в Архызе. Бабух Магомет-Гиреевна и другие старейшины подчеркивали, что их предки перешли перевал и обосновались в Архызе, известное теперь как горно-курортное место. Абазины это место всегда называли "чІвартажв" – "старое селище". Из Архыза часть Кишмаховых через год-два переселилась в Теберду во главе с Джамботом из-за его ссоры с сыном бесленеевского князя, сестру которого он украл и женился. В отместку за это бесленеевский князь убил старшего брата Джамбота Джамирзу и перебил много его людей. Узнав об этом от двух посыльных-всадников, присланных от сородичей, Джамбот собрал своих братьев и других родственников, напал на бесленеевцев, перебил и пленил многих из них, а их предводителя казнил. Джамбот собрал остаток людей Джамирзы и поселил их в Теберде. Со временем Кишмаховы переселились в Каладас (совр. г. Георгиевск, Ставр. кр.), затем – в урочище Белый ключ, находившееся на хребтовой горе между истоками реки Кума и речки Абазинка. "Во время Кавказской войны, когда к нам пришел Ермолай (Ермолов. – М.К.), часть наших переселилась на р. Ходзы, там жили родственники по линии прапрадеда Джамбота. Другая часть, у которых прабабушка была из рода Лоовых, осталась в Лоовском ауле. Тогда наш род поделился на две половины. Бабушка моя Хаджат Джегутанова говорила, что мой дед Батоко родился в год, когда русские разбили войско Батал-паши. Хотя он служил в царской армии, его убили офицеры в Прочном Окопе. Жили мы тогда в имении возле Невинки (совр. г. Невинномысск Ставр.

кр. – М.К.) и собирались переезжать в аул Дударукова. Тогда-то мой отец и его брат Аслан-Гирей вместе с группой горцев в отместку за отца напали на Прочный Окоп. На обратном пути, когда их погнали казаки, они столкнулись с людьми ногайского князя Алиева, с сыновьями которых дружили мой отец и его брат. Эти ногайцы были наши соседи. Один из ногайцев подумал, что нападают на них, выстрелил в одного из наших и за это его наши зарубили. По этой причине чуть не вышла ссора с Алиевыми, но простили друг другу. Мой же отец Магомет-Гирей и его младший брат потом ушли в горы к убыхам и прятались там. Убийцу отца его сыновья искали долго. Узнали, что он служит в Каладасе и решили его там найти и убить. Вместе с адигами, абазинами и убыхами они напали на казачью станицу, которая была основана на месте, где мы когда-то жили (Георгиевск. – М.К.). Его не нашли, захватили в плен его жену. На обратном пути столкнулись в Бекешевской станице с русским отрядом, но благополучно ушли. О их проезде в Каладас тогда предупредил русских наш родственник Асламбек Каблахов из Лоовского аула. Потому их русские встретили в Бекешевской. Через несколько месяцев родилась я, и мой отец вернулся из Убыхии..," – вспоминала Бабух Магомет-Гиреевна о своем отце.

В правдивости рассказа Бабух Магомет-Гиреевны сомневаться не приходится, так как многие факты о местах жительства рода и т.д. подтверждаются и другими источниками (письмо семье о смерти ее деда, справка о его службе, поездка родственников на его похороны, события периода Кавказской войны, рассказы других информаторов). Сказительница из а. Псыж Фатимат Джандарова (Дыгова) во время сбора полевого материала для Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института в 1988 г. свидетельствовала: "Дыговы жили в Каладасе. Когда его сожгли, они были вынуждены уходить оттуда. Из Каладаса ушел во главе своей фамилии Дыга Бакъкъан. Как рассказывают, там жил и тоже вынужден был уйти и сын князя Лоова – Мамат-Гирей. Из этого села ушли также Хурановы, Кишмаховы, Аджиевы"⁷⁵.

Благодаря информации указанных и других старейшин из рода Кишмаховых и его абхазской ветви – Кишмария, об исторических событиях, которые

происходили в их жизни, нам удалось восстановить не только генеалогическое древо этих двух родов, но и составить ориентировочный маршрут – схему миграции потомков одной из бывших ветвей старинного рода Берзек, чьей колыбелью является урочище Старый Кичмай в ущелье р. Кичмай, правого притока р. Шахе на Черноморском побережье Кавказа.

Права была Бабух Магомет-Гиреевна, которая говорила, что ее отец с братом и другими горцами, в т.ч. убыхами совершили поход в Георгиевск. На переходе туда они останавливались на короткий отдых у Каблаховых в Лоовском ауле. По всей вероятности, они договаривались с ним, что остановятся и на обратном пути, потому на переходе к аулу Лоова в станице Бекешевской были застигнуты казачьим отрядом. Бабух рассказывала, что, видимо, "Каблахов их выдал, подозревал в этом мой отец, поэтому года три-четыре друг к другу они не ездили, отец хотел его убить, но родственники его отговорили". Не можем мы точно утверждать, что именно горцы, в том числе Кишмаховы с убыхами совершили кражу жены офицера и осуществили поход в Георгиевск, но о фактах кражи жены офицера Махина и доноса Каблаховым о якобы планируемом нападении горцев на станицу Бекешевскую есть документальные подтверждения. Произошли эти события в один и тот же год – 1843. С. Эсадзе описывает случай, связанный с приездом в Нальчик в сентябре 1850 г. сына Николая I – цесаревича Александра Николаевича. Он принимал почетных гостей из горцев и среди них был Тукум-Бугов из Бабукова аула, "который, – как пишет С. Эсадзе, – за четыре года перед тем был отчаянным абреком, а в 1843 г. (у Ф.Ф. Торнау – в 1845 г. – М.К.) недалеко от Пятигорска захватил в плен жену батарейного командира полковника Махина, держал ее у себя три года, пока не получил выкупа, но обращался с ней с такой утонченно рыцарской вежливостью, что князь Воронцов простил ему все прошлое и разрешил ему поселиться опять в Бабуковском ауле"⁷⁶. (Ср. связи абазин-казаков, жителей Бабуковского аула с горцами, сведения о которых приведены в главе II). В другом источнике записано: "В апреле 1843 г. большое ополчение баракаев, кизилбековцев, тамовцев (все абазины. – М.К.), черкесов и убыхов совершило нападение на посты По-

дольский... Но тапантский амыста Асламбек Каблахов предупредил бекешевцев, и 2 мая штурм станицы был отбит. Каблахова произвели в прапорщики, а позже наградили и земельным участком⁷⁷. Судя по этим документам, есть все основания считать, что это именно те события, о которых говорила в своих воспоминаниях Бабух Магомет-Гиреевна Кишмахова

Из рассказов старейшин рода известно также, что в неспокойные 40-50-е годы XIX в., когда шла борьба между закубанцами и царскими войсками, в Кавказской войне воевали, кроме братьев Магомет-Гирея и Аслан-Гирея, и другие Кишмаховы – Хача Дахикович (1774-1854), его сыновья Макучча (1812-1889) и Макао (1819-1924). Последний один из тех, кто ездил хоронить в Прочном Окопе отставного офицера Батоко Мусовича Кишмахова, вместе с Г. Кмузовой и Х. Джегутановой, А. Каблаховым и другими. Асламбек Каблахов тогда доверил Макао управлять тачанкой, в которой находились женщины. В войне участвовали и Кишмаховы из аула Лоовско-Кубанского – родные братья Бора (1772-1863), Альбора (1780-1855) и Борануко (1783-1860) с сыновьями Мазана, Муда, Идрис, Аслануко, а также их родственник Исмаил (1770-1850) со своим сыном Батыр.

Кишмаховы периода Кавказской войны жили той же жизнью, которая их окружала, делали все то, что и другие, в том числе занимались набегами, пленением людей, работорговлей. Одним из основных источников доходов было рабство. Рабы приобретались как путем покупки, так и пленением. О пленении и рабстве Тукумом-Буговым жены русского офицера, не без участия в этом деле и Кишмаховых, мы писали выше. Другой пример. "В 50-е гг. XIX в., когда мне было около 10 лет, - говорила Бабух Магомет-Гиреевна, - Дама Кишмахов пленил в Адыгее семью Зафесовых, потом через некоторое время он продал их Заурбеку Куджеву из аула Лоовско-Зеленчукского (совр. Инжич-Чукун. – М.К.)". Это утверждение подтверждается архивными документами. В пореформенное время рабы могли откупиться от князей и дворян на определенных условиях. Поэтому плененная Дамом Кишмаховым семья Зафесовых, доказывая право в горском словесном суде на безвыкупное освобождение, в своем иске от

9 января 1878 г. указывала: "Вызываюсь повесткою в оный суд по просьбе жителя сего аула (Лоовско-Зеленчукского. – М.К.) Заурбека Куджева о взыскании с меня (Мерзекан, мать семейства. – М.К.) с сыновьями выкупной платы 150 рублей... я остаюсь недовольно потому, что я не есть крестьянка (т.е. раба. – М.К.), а свободная. Первый бывший наш владелец – житель Дударуковского аула Дама Кишмахов, продавший Куджеву, приобрел нас как пленников, с покупкою жителей аула Падысова Майкопского уезда Хусины Апазатова и Татхуза Хитова, а эти два нас с покойным мужем взяли в плен с поля на реке Чуедук, из аула Салмана Хаджимукова, в настоящее время этот аул поселен на р. Фарс, в котором... живут мои родственники: брат мой Мача Зафесов и другие..." В связи с этим мать семейства просила суд: "избавить меня на право взыскания 150 р. на удовлетворение Куджева, к заявлению подписуемся Мерзакан и сыновья Агурле, Бида и Хатат Шкарао (прежняя фамилия Зафесовы)"⁷⁸. Данный иск начальником Баталпашинского уезда был переправлен начальнику Кубанской области для принятия решения. Однако какое окончательное решение было принято по этой семье в архивах нет данных. Но нам известно другое. Крепостные крестьяне Хусин Апазатов и Татхуз Хитов получили фамилию Кишмахов.

После Кавказской войны представители рода, как и все горцы, более или менее смирились с положением вещей на тот период. Больше никто их селения не жег, да и сами стремились жить мирно с населением новых казачьих поселений, которое активно осваивало вновь обретенные земли по рекам Кубань, Зеленчук, Уруп, Лаба, Ходзь и далее к Черному морю.

Более того, как и многие горцы, Кишмаховы стали служить и в армии недавнего противника. Так, в период русско-турецкой войны 1877-1878 гг. самыми активными участниками этих событий были братья Ахмет и Щамса, сыновья Дама Кишмахова, о котором несколько выше шла речь. Оба они состояли в Кубанской постоянной милиции⁷⁹. Последний из них, Щамса, прошел всю войну и вернулся в родной аул, а второй, Ахмет, по причинам не известным до сих пор, был заключен в тюрьму. Участником этой войны был и Хаирли Борович Кишмахов из Лоовско-Кубанского аула⁸⁰. Он же, после возвращения с войны,

прославился тем, что прекрасно излечивал костные переломы и вывихи. Больных к нему иногда привозили из Адыгеи, Кабарды и Карачая. Его сын Алимурза (1883-1973) пошел по его стопам. Кроме того, последний был непревзойденным мастером по дереву, изготовлению бричек и домашней утвари. Иногда над ним шутили, что он хуже отца умеет лечить костные переломы. Тогда он изготавливал скелет человека, позвав обидчиков, предложил: "Давайте поломаю комунибудь руку в этом месте и склею..." После этого охотников подшутить над ним убавилось.

В прошлом среди своих аульчан славились своей силой и мастерством многие представители рода. Метким стрелком, умелым охотником слыл в Лоовском ауле Бора (1772-1863), основатель одной из родовых ветвей Кишмаховых. Его внук Маут (1878-1925) был непревзойденным косарем. В свои 18 лет ему не было равных в этом деле по всей округе. К тому же он был очень сильный. Как вспоминает ныне живой его родственник-очевидец Шахим-Гирей Пельонович (1913 г.р.) из аула Лоовско-Кубанского (совр. а. Кубина), Маут в молодости сам грузил сеном две сцепленные воловьи брички, при спуске с горы, не доверяя колесным тормозам, за заднюю ось последней брички он цеплял веревку и вручную тормозил ее, чтобы она не "легла" на бок. А когда это случалось, без помощи других он ставил ее на колеса, не выгружая сено. Другой силач из а. Дударуковского Бакир Макучевич (1857-1934) был не только силачом, но и прекрасным наездником и стрелком. До сих пор, когда речь идет о "краже" невесты в ауле Псыж, старшее поколение вспоминает, как он однажды проучил горе-женихов из аула Клычевского (совр. Псаучье-Дахе), которые воровали его соседку Хани Симхову в 90-х гг. XIX в. Он догнал их на околице аула, сбивая деревянными вилами с лошади каждого "джигита". Потом захватил и главного похитителя с невестой, привел его во двор ее отца, отнял оружие, папаху и выпроводил со словами: "Иди и скажи своим старшим и спутникам – пусть едут выкупать шапку, если не умеете воровать как положено".

Таким же сильным и смелым был Мухамед Исмаилович Кишмахов (1880-1916) по линии Локман – Исмаил, участник первой мировой войны из аула Лоовско-Кубанского. Как вспоминают о нем старейшины, он был лихим наездником. Не было в ауле скачек, которые бы он не выиграл, или свадьбы, где бы с ружья на скаку не сбил флаг с крыши дома, а иногда, если это позволяли дверные проемы, мог верхом на лошади заехать в дом жениха. Это в те времена у горцев считалось за удальство. Такие джигитовки были в почете у народа, а победителей одаривали подарками, они могли претендовать и на выбор лучшей невесты. Он погиб в 1916 г. во время первой мировой войны. Его сослуживцы по "дикой" дивизии и земляки К. Айсанов, М. Архагов, А. Кенжев рассказывали семье и близким: "Мухамед всегда был в авангарде, первым врезался в ряды противника, отчаянно бился. Бывало часто, что в гуще противника он правой рукой орудовал шашкой, а левой наготове держал пистолет, не армейский, а стариный, привезенный с собой из дома на службу. При этом в бою управлял скакуном, привезенным также из дома, коленями".

Из среды Кишмаховых в XIX-начале XX в. вышло немало и грамотных людей. Выше мы уже отмечали, что Шахмырза Хаирлиевич из Лоовско-Кубанского аула грамоте обучался в Турции, потом был священнослужителем. Получил образование в Казани его брат Алимурза (1883-1973), о котором упоминалось также выше. В Казани учились также Галим Локманович (1883-1965) и Гали Адамович (1885-1946). Все они были репрессированы в годы сталинизма.

Университетское образование в Санкт-Петербурге получил Батоко Аслан-Гиреевич Кишмахов (1868-1919) из а. Дударуковского. Имя ему было дано в честь первопредка, основателя рода Кишмаховых по линии убыхского князя Бата Берзек. Это его двоюродная сестра по отцовской линии Бабух Магомет-Гиреевна была сказительницей рода, владела несколькими языками. Немецкий она изучила, находясь среди детей-сверстников из немцев, колония которых была образована возле дедовского имения (Александровфельд, 1853 г., совр. с. Кочубеевское Ставр. кр.). После окончания университета, Батоко был направ-

лен в Ташкент, оттуда сперва переведен в Царицын, а за два года до начала первой мировой войны – в г. Ставрополь, преподавателем мужской гимназии. Работая в Ставрополе, он старался как можно больше отобрать одаренных детей горцев и обучить их грамоте. Таким образом, он обучил в Ставропольской гимназии нескольких детей, выходцев из горских селений, в том числе и своих племянников – Шахима Мусовича, Магомета Мусовича, Хаджи-Бекира Зулькарнеевича Кишмаховых и Магомета Аджиева – сына двоюродной сестры, которая была замужем за Анфоко Аджиевым, отставным офицером царской армии (владетель Аджиевского аула – совр. с. Садовое, КЧР). Прежде чем устроить детей горцев в гимназию, Батоко обучал их русскому языку в течение года на специальных частных курсах, открытых за его счет. Для этого он нанял русскую женщину-учительницу одной из школ Ставрополя. Батоко Аслан-Гиреевичу, как и его деду с этим же именем, не удалось прожить долгую жизнь. Как вспоминал его племянник Хаджи-Бекир Зулькарнеевич (1906-1995), "он был убит по дороге в Ставрополь в районе Невинномысска в августе 1919 г., когда возвращался туда после отпуска, на "омнибусе", в котором ехало около 10 человек. Напали бандиты, которые ограбили и порубали шашками почти всех". Оставшиеся в живых два кучера здесь же похоронили убитых, а тяжело раненых, в том числе и Батоко, отвезли в Ставрополь, где он и скончался. Похоронили его на мусульманском кладбище. Все, что осталось от него – книги, рукописи, другие документы – хозяйка дома (он сам еще не был женат) по просьбе самого Батоко передала родным в аул Дударуковский. Мария Сахат-Гиреевна Чукова (1910-1995), вспоминая тот год, говорила: "Помню в детстве, как из ящика тачанки вытаскивали много бумаг, книг, привезенных из Ставрополя: говорили, что это документы Батоко..." Батоко был участником марксистского кружка в г. Ставрополе, много ездил по абазинским и адыгским аулам и под видом отбора способных детей выполнял различные поручения. Его племянникам было известно также, что он был лично знаком с Нестором Лакоба, одним из первых руководителей Советской Абхазии, с которым он познакомился в Краснодаре. Племянники Батоко впоследствии окончили: Шахим –

университет в Ростове, стал бухгалтером первого колхоза "Хаир" в а. Псыж; Магомет – Московский коммунистический ВУЗ им. Сталина в 1931 г., преподавал в школах Абхазии (с. Дурипш, пос. Приморский, расстрелян в 1937 г.); Хаджи-Бекир – веттехникум, потом – педучилище и был одним из первых учителей рода в 1930-50-е гг.

Самыми сложными для рода Кишмаховых выдались годы репрессий при Сталине. Тогда, в 30-е гг., в тюрьмы и лагеря попали 58 чел., в том числе женщины. Они были в Сибири, Казахстане, строили Комсомольск-на-Амуре и т.п. Многие остались там навсегда. Первыми пострадали те, которые по своему социальному происхождению принадлежали в прошлом к князьям, дворянам, а также были грамотными и "крепкими" в своем единоличном хозяйстве (так называемые кулаки). В лагеря попали все Кишмаховы, которые были перечислены выше и относились к названным социальным слоям. Асламбек Зулькарнеевич (1909-1937), инструктор Хабезского райкома КПСС, после ареста в 1937 г. был сразу расстрелян, а его жена Хаджат Кочиева с малолетней (1,5 года) дочерью Лелей отправлены в женский лагерь в Караганду. Магомет Мусович, как уже отмечалось выше, расстрелян в Сухуме по наговору из Карачаево-Черкесии, а его брат заключен в тюрьму и выслан в Сибирь. Туда же была отправлена из аула Кубина полностью семья Бахсита Хачевича (1871-1958) без права возвращения на родину. Горько сложились судьбы семей всех репрессированных. Невозможно было без переживаний слушать рассказы бывших репрессированных, какие они перенесли на себе издевательства в лагерях и даже по возвращению некоторых из них домой. Из личных дел Кишмаховых нам не удалось выявить, что кто-либо из них был бандитом или активным антисоветчиком. В их документах о причинах высылки значились: "по происхождению из дворян", "принадлежность к троцкистскому движению", "не сдал норму зерна", что означало "упрятал" и т.п. С репрессированными порой проделывали и "курьезные" вещи. Так, Шахмырза Хаирлиевич из а. Кубина, священнослужитель, которому удалось вернуться из лагерей, рассказал такой случай. Гулаговские чиновники сформировали эшелон с бывшими заключенными, отбывшими

срок заключения на строительстве Беломоро-Балтийского канала, и отправили в путь, домой, на юг. Когда доехали до Харькова, поезд остановили и всем объявили, что "враги советской власти застрелили С.М. Кирова..." В связи с этим поезд повернули обратно и привезли всех "освобожденных" в Карелию на лесоповалы, где работали еще 3 года. Все политические интриги и события того времени исторической наукой изучены, сделаны выводы. Красноречиво об этих событиях изложено в многотомной работе А. Солженицына "Архипелаг Гулаг". Мы же, ознакомившись с делами осужденных Кишмаховых, приходим еще к одному выводу: людей по всей стране, в основной своей массе, подвергали репрессиям с целью освоения земель в Сибири и в других малонаселенных сурвых местах, решения крупномасштабных экономических проектов и задач по индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства с использованием дармовой рабочей силы.

В это же время, в не менее жестком режиме, работали и жили те, которые не подверглись репрессиям. Полуголодные, плохо одетые и обутые старики, женщины и дети с 12-летнего возраста наравне с взрослыми мужчинами трудились на колхозных полях, строили фермы, заводы, фабрики. Вслед за репрессиями в дома Кишмаховых, как и по всей стране, вошла весть о войне 1941-1945 гг. На фронт ушли 38 чел., из них погибли 23, в том числе одна дочь рода – зенитчица Роза Галимовна, учащаяся медицинского училища г. Черкесска. О пережитых всеми ими в 1930-1940-е годы тяжелых трудовых и фронтовых событиях нами подробно изложено в одной из наших работ. Поэтому мы ограничимся констатацией сказанного.

Несмотря на репрессии и тяжелые годы войны 1941-1945 гг., из детей того времени выросло немало руководителей разного уровня, специалистов народного хозяйства, деятелей образования, медицины и культуры, работников науки. Из среды Кишмаховых заслуженным уважением аульчан пользуются многие простые труженики. По нашему исследованию, род Кишмаховых на 01.01.1997 г. насчитывал 1021 чел. (каждый тридцатый абазин в Карачаево-Черкесии). Из них: трое являются учеными, в том числе один Лауреат Государ-

ственной премии СССР за разработки высоких технологий в области военной техники (Баторий Шахимович); шестеро стали заслуженными артистами и деятелями культуры РСФСР, РФ и Карачаево-Черкесии (Хамзет Эреджибович, Тамара Мурадиновна, Татьяна Ильинична, Умар Ереджибович, Фатима Алиевна, Валерий Хамзатович); 17 чел. работают руководителями предприятий, из них семеро – обладатели званий заслуженных работников министерств и ведомств правительства России (Музакир Мухаджирович, Гумар Мухаджирович, Виталий Мухаджирович, Датко Магометович, Борис Хаджи-Бекирович, Тамара Эраджибовна, Зулькарней Шехмурзович); 16 представителей рода в разное время были работниками театров, государственных и народных ансамблей "Абазинка", "Адиюх", "Эльбрус" (Карачаево-Черкесия), "Кабардинка" (Кабардино-Балкария), "Нальмес" и "Орида" (Адыгея), "Джигит" (Северная Осетия-Алания); 7 чел. из мужчин рода стали кандидатами в мастера и мастерами спорта СССР, в том числе один из них мастер спорта международного класса, трехкратный (среди юношей, молодежи и взрослых) чемпион мира по борьбе самбо (Руслан Мухадинович); 168 высококлассных специалистов, среди которых врачи, учителя, инженеры, юристы, экономисты, бухгалтера и т.д. работают в самых различных сферах жизнедеятельности. С 1940-х гг. по настоящее время боевыми и трудовыми орденами и медалями СССР и России были награждены 24 человека, а двадцать пять рабочих и колхозников за трудовые успехи удостоены золотых, серебряных и бронзовых медалей ВДНХ СССР, 47 старейшин рода, оставшихся в живых к 50-летию Победы Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг., получили юбилейные медали. 35 матерей рода в прошлом были также награждены медалями "Мать-героиня" различных степеней. Среди Кишмаховых два поэта (Умар Эраджибович и Тамара Хаджи-Умаровна), один писатель-прозаик и драматург (Маджид Юсуфович), двое самодеятельных композиторов (Хамзет и Умар, сыновья Эраджиба). Их творческое наследие широко известно в Карачаево-Черкесии. Рамки нашего исследования, к сожалению, не позволяют описать деятельность каждого из них. Материалы по ним помещены также в одной из наших работ⁸¹.

По данным на 01.01.1997 г. среди носителей фамилии Кишмаховых высшее образование имеют 17%, среднеспециальное – 22, среднее и неполное среднее – 59, начальное – 2. Будущее рода за его детьми. Их в возрасте до 21 года – 248 чел., в том числе 121 мальчик. Анализ посемейных списков показал, что род Кишмаховых=Кишмария в течение XIX-XX вв. породился с 460 семьями из 329 фамилий. Среди носителей фамилии есть абазины, абхазы, адыгейцы, армяне, грузины, кабардинцы, карачаевцы, кумыки, молдаване, ногайцы, осетины, русские, татары, украинцы, черкесы и чеченцы, всего представители 16 народов. С 1997 г. эти количественные и качественные показатели изменяются в сторону роста.

Род Кишмаховых с началом демократизации в стране впервые собрался на свой объединительный съезд 17 августа 1997 г. На нем были приняты Устав, гимн, утверждены и впоследствии изготовлены флаг рода, памятная медаль о съезде, медальон рода для ношения на шее. Второй съезд, с участием представителей других ветвей рода Берзек - Берзековых и Кишмария, состоялся 18 августа 2002 года.

Примечания:

- ¹ ЦГИАРГ. — Ф. 416. — Оп. 3. — Д. 149. — Л. 8-9.
- ² Верещагин А.В. Путевые заметки по Черноморскому округу. — М., 1874. — С. 41, 54; Инал-ипа Ш.Д. Садзы... — М., 1995. — С. 126.
- ³ Эсадзе С. Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны. — Майкоп, 1933. — С. 100, 101; Гугов Р.Х., Касумов Х.А., Шабаев Д.В. Трагические последствия Кавказской войны для адыгов. Вторая половина XIX – начало XX века. Сбор. док. и материалов. — Нальчик, 2000. — С. 92, 152.
- ⁴ Кумыков Т.Х. Проблемы Кавказской войны и выселение черкесов в пределы Османской империи (20–70-е гг. XIX в.). Сбор. док. — Нальчик, 2001. — С. 263, 264, 314, 335, 336.
- ⁵ Гугов Р.Х., Касумов Х.А., Шабаев Д.В. Указ. соч. — С. 121.

- ⁶ Берже А.П. Выселение горцев с Кавказа // Эмиграция северо-кавказских народов в Османскую империю (вторая половина XIX – начало XX в.). Сбор. ст. — Махачкала, 2000. — С. 121.
- ⁷ Гугов Р.Х., Касумов Х.А., Шабаев Д.В. Указ. соч. — С. 178, 179; ЦГИАРГ. — Ф. 416. — Д. 149. — Л. 8-9.
- ⁸ Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Втор. доп. изд. — Сухум, 1982. — С. 214.
- ⁹ Дроздов И. Последняя война с горцами на Западном Кавказе // КС. — Тифлис, 1877. — Т. 2. — С. 456-457.
- ¹⁰ Фонвилль А. Последний год войны Черкесии за независимость 1863-1864 г. (Из записок участника-иностраница). — Киев, 1991. — С. 45; Гугов Р.Х., Касумов Х.А., Шабаев Д.В. Указ. соч. — С. 92.
- ¹¹ Фонвилль А. Указ. соч. — С. 45.
- ¹² Дзидзария Г.А. Указ. соч. — С. 229.
- ¹³ Гугов Р.Х., Касумов Х.А., Шабаев Д.В. Указ. соч. — С. 132.
- ¹⁴ Там же. — С. 134.
- ¹⁵ Там же. — С. 139-140.
- ¹⁶ Berzeg S. E. SOCİ,NİN SÜRÜGNDEKİ SAHİPLERİ. CERKES — VUBİHLAR.— Ankara, 1998. — С. 51.
- ¹⁷ Дзидзария Г.А. Указ. соч. — С. 205.
- ¹⁸ Хотко С.Х. Черкесы в составе «профессиональных османов» (XVI – XIX вв.) // Мир культуры адыгов (проблемы эволюции и целостности). — Майкоп, 2002. — С. 142-149.
- ¹⁹ Berzeg K. KAFKASYA, DA ve OSMANLI HİZMETİNDE BERZEG AİLESİ, nden TANINMIŞ KİŞİLER. — Ankara, 1990. — С. 29.
- ²⁰ Берзедж Н. Изгнание черкесов: причины и последствия / Перевод с араб. яз. Хуажевой Н., Губжокова М. — Майкоп, 1996. — С. 165.
- ²¹ Там же. — С. 136.
- ²² АВПР. — Ф. Турецкий стол (старый). — Оп. 8. — Д 19. — Л. 122, 127; ЦГИАРГ. — Ф. 416. — Оп. 3. — Д. 1097. — Л. 16.

- ²³ Берзедж Н. Указ. соч. — С. 137.
- ²⁴ Berzeg K. Указ. соч. — С. 7.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Там же. — С. 44.
- ²⁸ Berzeg S.E. Указ. соч. — С. 51.
- ²⁹ Там же. — С. 51-52.
- ³⁰ Там же. — С. 56.
- ³¹ Фадеев А. Убыхи в освободительном движении на Западном Кавказе // ИС. — Л., 1935. — № 4. — С. 146.
- ³² Berzeg S.E. Указ. соч. — С. 53.
- ³³ Там же. — С. 56.
- ³⁴ Там же. — С. 51, 56.
- ³⁵ Инал-ипа Ш.Д. Садзы... — М., 1995. — С. 157.
- ³⁶ Berzeg S.E. Указ. соч. — С. 56.
- ³⁷ Там же. — С. 53.
- ³⁸ Там же. — С. 57; Berzeg K. Указ. соч. — С. 43.
- ³⁹ Berzeg K. Указ. соч. — С. 44.
- ⁴⁰ Там же. — С. 8.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Там же. — С. 30.
- ⁴³ Берзедж Н. Указ. соч. — С. 140.
- ⁴⁴ Berzeg K. Указ. соч. — С. 8.
- ⁴⁵ Там же. — С. 23.
- ⁴⁶ Там же. — С. 7, 45
- ⁴⁷ Там же. — С. 24.
- ⁴⁸ Там же. — С. 41.
- ⁴⁹ Там же. — С. 42.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ Там же. — С. 26-29.

- ⁵² Гуажба Р. Убыхи: наша общая история // Газ. «Республика Абхазия». — Сухум. — 1999. — № 29.
- ⁵³ Berzeg K. Указ. соч. — С. 29.
- ⁵⁴ Там же. — С. 30, 31.
- ⁵⁵ Там же. — С. 30.
- ⁵⁶ Там же. — С. 31-33.
- ⁵⁷ Там же. — С. 34, 35.
- ⁵⁸ Там же. — С. 36, 37.
- ⁵⁹ Там же. — С. 38, 39.
- ⁶⁰ Там же. — С. 40.
- ⁶¹ Меретуков К.Х. Адыгейский топонимический словарь. — М., 1990. — С. 307.
- ⁶² Там же. — С. 305.
- ⁶³ Там же. — С. 48.
- ⁶⁴ Там же. — С. 306.
- ⁶⁵ Там же. — С. 305.
- ⁶⁶ Там же.
- ⁶⁷ Блягоз З.У., Тхаркахо Ю.А. Адыгейские фамилии и имена. — Майкоп, 2002. — С. 39, 46, 50.
- ⁶⁸ ГАКК. — С. Приказы по ККВ на 1877 г. — №№ 72, 175, 233.
- ⁶⁹ Берзегов Н.А. Дороги моей судьбы. — Майкоп, 2000. — С. 10.
- ⁷⁰ История Абхазии. — Сухум, 1991. — С. 180.
- ⁷¹ Там же. — С. 181.
- ⁷² Там же. — С. 183.
- ⁷³ Там же. — С. 205.
- ⁷⁴ Там же. — С. 206 - 209.
- ⁷⁵ Очаг мудрецов. Сб. рассказов и легенд. — Черкесск, 1994. — С. 277.
- ⁷⁶ Эсадзе С. Указ. соч. — С. 67.
- ⁷⁷ Щербина Ф. А. История Кубанского казачьего войска. — Т. I. — Екатеринодар, 1910. — С. 472-475.
- ⁷⁸ ГАКК. — Ф. 454. — Оп. 7. — Д. 1472. — Л. 7.
- ⁷⁹ Там же. Приказы по ККВ на 1877 г. — № 44.
- ⁸⁰ Там же. — № 172.
- ⁸¹ Кишмахов М. Х.-Б. Род из священной долины убыхов (историко-культурный очерк о роде Кишмаховых — Кишмария). — Черкесск, 1999.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение архивных документов и специальной литературы по этнографии, истории и культуре убыхов, а также полевых материалов позволяют сделать следующие выводы.

Убыхи по антропологическому типу, языку и происхождению относятся к хатто-кашко-абешлайским племенам, которые с позднего неолита начали проникать на Западный Кавказ, а к концу II тыс. до н.э. (возможно, и позже) и в Прикубанье Черноморским путем. Северо-восточный сектор Малой Азии, прилегающий к Черному морю, Западный Кавказ и Прикубанье являются колыбелью процесса раннего этногенеза убыхов. Здесь произошла дивергенция языка-основы прарода абазино-абхазо-убыхо-адыгов на диалекты и последующее их самостоятельное развитие. Общность происхождения и языка указанных народов отразилась на идентичности их хозяйства, культуры, быта и общественных отношений в античную и средневековую эпохи.

Род Берзек этнически относится к убыхам; он в прошлом был известен как дворянский: значится в списках наиболее знаменитых в истории Кавказа фамилий, опубликованных Парижским университетом в 1957 году. Фамильное имя Берзек относится к разряду фамилий, основанных на греко-римских христианско-мифологических терминах. В античное время это имя было дано, как гласит предание, в качестве имени – прозвища новорожденному мальчику из погибшей княжеской семьи; впоследствии оно стало родовым, а затем – фамильным именем. Создатели упомянутого предания действительно правы, когда утверждают, что первообладатель антропонима "Берзек" был наречен этим прозвищем в столь давние времена. Начало нашей эры в истории Черноморского побережья Кавказа связано с активным проникновением древнегреческого языка, греко-римской культуры, христианской религии в быт приморских абазино-абхазо-убыхо-адыгов. Эти влияния коснулись и ономастики этих народов.

Так, антропоним "Берзек" восходит к греческому слову *paraskeue* (озн. пятница). В убыхский язык он вошел в форме *берзекъэ* – "среда", а в западно-

адыгские – как обозначение дней недели "среды" и "пятницы". Кроме того, в языке адыгов, как и у ряда других кавказских народов, этот термин в форме бэрэзджс бытует в значении "пост". По всей видимости, обладатель антропонима "Берзек" родился в среду или в пятницу, а в честь этих почитаемых христианской религией дней или поста он был назван таким именем.

Заслуживает внимания и следующая версия происхождения антропонима "Берзек", не противоречащая, а дополняющая первую. Согласно этой версии первообладателем имени – прозвища Берсек//Берзек мог быть этнический грек. У абхазов и абазин в прошлом греков называли "а-бырзенкуа", где корень "бырз" восходит к греческому *paraskeue* (рус. "берс//берз") в значении "пятница" или "пост", "енк" – показатель множественности, а "уа" – "люди, народ". Таким образом, слово "а-бырзенкуа" (греки) дословно означает "пятничные" или "постяющиеся люди, народ". Не зря адыгский просветитель Хаджимуков писал, что многие дворянские роды берут начало от Рум, Греков и Латин.

Рассмотренная версия имеет право на жизнь еще по одному существенному обстоятельству. В Абхазии и в современной Македонии проживает род Берзения, представители которого считают, что они происходят из убыхского рода Берзек. Это подтверждается и данными лингвистики. Фамильное имя Берзения восходит к старому абхазо-абазинскому названию греков – "а-бырзенкуа", где также присутствует корень греческого термина *paraskeue*.

Полагаем, что и носители адыгских фамильных имен Берсеков и Берзегов связаны общностью происхождения с родом Берзек, ибо они тоже восходят к тому же греческому *paraskeue* в значении бэрэзджс (каб.-черк.)- "пост". Лингвист Дж.Н. Коков допускает, что кабардинские Берзеговы и адыгейские (абадзех.) Берзеговы могут иметь один корень происхождения.

Об античности и единстве происхождения фамильных имен Берзек, Берзегов и Берсеков говорит и античный знак собственности "у" ( ), который совпадает по своей форме с их родовыми тамгами (знаками).

Привлеченные нами полевые и исторические материалы свидетельствуют, что абазинский род Кишмаховых и абхазский – Кишмария в прошлом но-

сили фамилию Берзек. По нашему мнению, родовое имя Берзек заменилось на "Кищмахо", которое затем оформилось в указанные фамильные имена. Антропоним "Кищмахо" восходит к названию убыхского общества "Кишмей – Кіштєу", которое проживало в бассейне реки Шахе Черноморского побережья Кавказа. О существовании в прошлом такого общества свидетельствует кавказовед Л.И. Лавров. Историческое "Кіштєу" состоит из двух слов — "Кіш" (кузня, адыг.) и "тей" (Май — имя кузнеца). В генеалогии Кищмаховых — Кишмария присутствует такое имя. По преданию, в его кузне фамильным именем "Кищмахо" (счастливый день в кузне) был наречен мальчик, от которого впоследствии продолжился род с фамильными именами Кищмахов//Кишмария. А кузня Мая, где это событие произошло, стала для этого рода святыней. В настоящее время в бассейне реки Шахе имеются два шапсугских аула Большой и Малый Кичмай. По Меретукову К.Х., оба аула шапсуги называют Шэхэкэй (Шехечей), а старожилы рассказывали, что они когда-то назывались Клищмай. Этот термин идентичен названию общества Кищмай, состоит также из двух слов — "Клиш" в значении "кузня" и "май" — личное имя кузнеца. В настоящее время в топонимике бассейна реки Шахе сохранились гидроним Кичмай, правый приток р. Шахе, а также урочище в ущелье одного из левых ее притоков под названием Старый Кичмай (вероятно, здесь был старый аул Клищмай, где проживало одноименное общество). Русская форма Кичмай произошло от термина "Клищмай". Известный кавказовед Ш.Д. Инал-ипа и этнограф М.С. Тхайщухов также считают, что от названия убыхского общества "Кищмай" произошли фамилии Кищмахов – Кишмария.

Полевые материалы показывают, что отделившиеся от Берзек род Бабуковых, а также Берзения, Кищмаховы и Кишмария покинули Убыхию по причине перенаселения и малоземелья. Часть Бабуковых оставалось до 1864 г. на прежнем месте в верховьях р. Шахе (Бабук-аул), а другая — ушла на Северный Кавказ, где в 1643 г. исторические документы их фиксируют на р. Кума под совр. г. Пятигорском. Род Кищмахо полностью уходит из бассейна р. Шахе, поселяется в местности Псху в Абхазии, затем часть (в то время) общества ухо-

дит на Северный Кавказ, другая – в абжуйскую Абхазию (совр. Очамчирский р-н.). Это событие произошло, судя по воспоминаниям старейшин и сравнительному сопоставлению с историческими фактами, на рубеже XVII-XVIII вв.

Носители современной кабардинской фамилии Берзековых являются прямыми потомками убыхского мальчика Хачимахо из рода Берзек, который был отправлен в Кабарду (Бабук-аул) его семьей за несколько дней до их отплытия в Османскую империю.

По историческим документам XIX века, род Берзек был известен на Западном Кавказе как один из влиятельнейших владетельных дворянских фамилий. Фактически этот род управлял всей Убыхией, начиная с 20-х годов XIX в. и до изгнания убыхов в 1864 г. в Османскую империю. В этом роду (по обычай атальчества) были воспитаны многие владетельные князья и дворяне Абхазии, Джигетии, Абадзехии, Бесленея, Шапсугии, Натухая и Темиргоя. Род Берзек был также в тесных кровнородственных отношениях с феодальной знатью Абхазии и Черкесии. Берзекам принадлежало большинство убыхских аулов по бассейнам рек Шахе, Дагомыс, Псахе и Сочи. Как зафиксировали исторические документы, этот род в 30-х годах XIX в. состоял из 400 благородных дворянских семей, каждая из которых владела 5-20 рабами. Они могли выставить до 3 тысяч воинов. Как и вся убыхская знать, Берзеки вели широкую торговлю с Турцией. В обмен на свои товары (лес, кожа, мед, воск и т.д.) и рабов они приобретали соль, ткани, посуду, оружие, металл, свинец и т.д. У убыхов из рода Берзек, лучше, чем у соседей, было организовано кустарное производство, в том числе изготовление вооружения, продукцией которого торговали на Западном Кавказе. С Турцией род Берзек поддерживал и этнокультурные связи. Здесь обучались их дети, имели место и кровнородственные отношения.

В отличие от большей части феодальной знати соседних народов и этнических групп, в целом убыхская знать, как и род Берзек в частности, была лучше обеспечена всем необходимым для жизни, отличалась высокой нравственностью, обязательностью, твердостью характера, независимостью и воинствен-

ностью. Эти качества убыхов и рода Берзек вполне ярко проявились в период Кавказской войны на Западном Кавказе (1830-1864 гг.). На протяжении всей войны в этом регионе Кавказа главными военно-политическими лидерами в борьбе горцев против царской колонизаторской политики были Хаджи Исмаил Дегумуко Берзек – старший (1775-1853), Хаджи Керентух (Гирандук) Дегумуко Берзек (1790-1880), Хаджи Хасан Еменуко Берзек (1760-1840) и другие представители этого рода.

Убыхи во главе своих военно-политических лидеров были инициаторами создания в 1839 г. с центром в селе Геч единой централизованно управляемой территории из 9 округов во главе с меджлисом и старейшинами в округах, начиная от р. Туапсе до р. Бзыбь. Это был практически прообраз Сочинского меджлиса, образованного в июне 1861 г. с 12 округами, для противостояния царской России. Убыхи во главе с Берзеками в ходе 35-летней Кавказской войны в Закубанье и на Черноморском побережье Кавказа, в том числе и на территории Абхазии, провели совместно со свободными обществами абазин, абхазов и западных адыгов сотни боевых операций против царских войск. В них убыхи понесли значительные людские потери. Ощутимые потери нес и род Берзек. Хаджи Берзек-старший потерял в этой войне всех девятерых сыновей, а Керентух Берзек – двоих из четырех. По свидетельству очевидца, они нанесли сокрушительное поражение частям генерала Раевского в районе Сочи, который потерял только убитыми 600 солдат и офицеров. В течение одного 1846 г. убыхи во главе с Берзек дали 88 сражений по всей Черноморской береговой линии. Все источники, в том числе и полевые материалы, опровергают содержащиеся в некоторых исследованиях и художественной литературе выводы о якобы имевшем место "предательстве" или "экстремизме" военно-политических лидеров убыхов в лице Хаджи Берзека – старшего и Хаджи Керентуха Берзека. Эти обвинения не имеют ничего общего с действительностью, противоречат объективной военно-политической ситуации, сложившейся в этом регионе Кавказа, не учитывают также каузальных связей исторических событий, имевших место в целом на Кавказе в XVI-XIX веках.

В 1864 г. род Берзек был вынужден вместе со всем народом переселиться в Османскую империю. Здесь они принимали самое активное участие во всех значимых событиях турецкого общества. Во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. убыхи во главе с Хаджи Керентух Берзеком (тогда ему уже было 88 лет) успешно действовал и против своих старых противников по Кавказской войне – русских войск. Из рода Берзек вышло немало известных в турецких кругах высших государственных чиновников и генералов. Берзеки во дворе султанов всегда принимались официально, по протоколу. Они сотрудничали с султанами Абдул Азизом, Абдул Хамидом II (находились в родстве с ним), последующими правителями Турции, в том числе с Мустафой Кемалем в создании и укреплении новой Турецкой Республики из обломков старой империи, были министрами и членами правительства. В настоящее время этот род в Турции насчитывает 130 чел. Они проживают в городах Анкара, Бурса, Дюздже, Измит, Стамбул и в селах округов Бандырма и Маньяс. Среди них сегодня известные в диаспоре писатели, историки, юристы, врачи, преподаватели, инженеры, экономисты, другие деятели многих сфер жизнедеятельности Республики Турция.

Иначе сложилась судьба представителей остальных ветвей рода Берзек, отпочковавшихся от него в разное время. Так, адыгейцы Берзеговы насчитывают около 50 семей в 250 чел., живут в основном в городах и селах Адыгеи, карачаевские Берзековы в числе 9 семей (62 чел.) проживают в Карачаево-Черкесии, абазины Кишмаховы (171 сем., 1021 чел.) – в Карачаево-Черкесии и абазины Кишмария (83 сем., 573 чел.) – в Абхазии, а абазины и убыхи из рода Бабуковых эмигрировали в Турцию и потеряли свои этнические особенности, как в целом и убыхи свой язык, национальную культуру и самобытность.

В отличие от своих турецких сородичей, в Абхазии и России представители некоторых генеалогических ответвлений рода Берзек с детства в школах изучают свой язык, литературу и культуру. Для них государством на родных языках издаются газеты и журналы, выпускаются учебная, научная и художест-

венная литература, ведутся радио и телепередачи, созданы национальные театры, самодеятельные народные и государственные ансамбли песни и танца. Молодежь имеет возможность получения бесплатного высшего профессионального образования, занятия физкультурой и спортом в государственных учреждениях. Все это вместе взятое способствовало, в рамках созданных в советское время и сохранившихся в современной России национально-государственных образований, сохранить, укрепить и развить этнические особенности абхазо-адыгов.

Социологический опрос, проведенный среди респондентов – убыхов через информаторов, показал, что современные потомки махаджиров – убыхов, в том числе Берзек, совершенно не знают своего языка, в большинстве своем (ранее они были дву – и даже трехязычны) не владеют также языком близкородственных абхазов, абазин и адыгов, 75 процентов опрошенных готовы (кроме старшего поколения) вернуться на историческую родину. Однако незнание языка (русского и родного), незнакомая этнокультурная среда и, самое главное, отсутствие российского закона о репатриации изгнанных горцев Кавказа в Османскую империю, экономические и социальные неурядицы в России и боязнь одновременно потерять все, что есть в Турции, не позволяют решиться на это. Устранение законодательных препятствий, государственные социально-экономические гарантии стран – участниц процесса репатриации некогда изгнанных с исторической территории малочисленных горских народов Кавказа могли бы способствовать постепенному и регулируемому возвращению без отрицательных социальных явлений.

Состояние современной изученности этнической истории убыхов, в том числе их этнокультурных и генеалогических связей, предполагают дальнейшие изыскания. Данная диссертационная работа, как мы надеемся, поможет устранить некоторые пробелы и определить ориентиры в этом важном деле.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

1. АВПР: ф. Турецкий стол (старый), оп. 502^а, д. 4504, 1831-1868 гг.;
ф.гл. арх., 1-9, 1863 г., оп. 8, д. 19.
2. АГНМ: ф. 321, д. 12013 / 200, арх. инв. № 654.
3. АМИГС: ф. 2, д. 27.
4. ГАКК: КВА, д. 1113, св. 85; ф. 261, оп. 1, д. 1263; ф. 454, оп. 7, д. 1472;
приказы по ККВ на 1877 г. — № № 44, 72, 172, 175, 233.
5. РГА ВМФ: ф. 19, оп. 2, д. 209.
6. РГВИА: ф. ВУА — дд. 414, 6164, 6234, 6392, 6422, 6435, 6470, 6597,
18511, 19256; ф. 38 — оп. 7; оп. 286, св. 233, д. 12а; оп. 30 / 286, св.
872, д. 12а; оп. 30 / 286, св. 873, д. 8; ф. 90 — оп. 1, д. 120; ф. 14257 —
оп. 3, д. 492.
7. ЦГИАРГ: ф. 416 — оп. 3, дд. 145, 149, 1097, 1156, 1184.

* * *

8. Аверкиев Ив. С северо-восточного побережья Черного моря // Газ.
«Кавказ». — 1866. — № 74, 76.
9. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Архив
главного управления наместника Кавказского. — Т. IV. — Тифлис,
1870.
10. Акты ... — Т. VI. — Тифлис, 1874.
11. Акты ... — Т. VIII. — Тифлис, 1881.
12. Акты ... — Т. IX. — Тифлис, 1884.
13. Акты ... — Т. X. — Тифлис, 1885.
14. Акты ... — Т. XII. — Тифлис, 1893.

15. Альбов Н. Ботанико-географическое исследование в Западном Закавказье в 1893 г. // ЗКОИРГО. — Тифлис, 1894. — Кн. XVI. — С. 141-142.
16. Анучин Д.Г. Очерк горских народов правого крыла Кавказской линии // ВС. — № 1. — СПб. — 1860.
17. Белл Дж. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837, 1838, 1839 гг. // АБКИЕА. — Нальчик, 1974. — С. 458-530.
18. Бентковский И. Бабуковцы // Ставропольские губернские ведомости. — Ставрополь. — 1879. — № № 50,51.
19. Берже А.П. Выселение горцев с Кавказа // Эмиграция северо-кавказских народов в Османскую империю (вторая половина XIX – начало XX в.). Сбор. ст. — Махачкала, 2000. — С. 8-40.
20. Бларамберг И.Ф. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа // АБКИЕА. — Нальчик, 1974. — С. 353-434.
21. Боденштедт Ф. По Большой и Малой Абхазии. О Черкесии / Перевод с немецкого языка Кривенко М. — М., 2002. — 164 с.
22. Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Извлечение по Центральному и Северо-Западному Кавказу. — Нальчик, 1999. — 228 с.
23. Варгас де Бедемар Л. Записка об осмотре западного черноморского берега Закавказского края // ЗКОСХ. — Тифлис, 1867. — № 3-4. — С. 7-13.
24. Верещагин А.В. Путевые заметки по Черноморскому округу. — М., 1874. — С. 30-100.
25. Владыкин М. Путеводитель и собеседник в путешествии по Кавказу. — М., 1885. — Ч. II. — С. 340-341.
26. Гугов Р.Х., Касумов Х.А., Шабаев Д.В. Трагические последствия Кавказской войны для адыгов. Вторая половина XIX – начало XX века. Сбор. док. и материалов. — Нальчик, 2000.

- 27.Гюльденштедт И.А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа. — СПб. — 1809.
- 28.Дроздов И. Последняя война с горцами на Западном Кавказе // КС. — Тифлис, 1877. — Т. 2.
- 29.Думанов Х.М. О предоставлении дворянства кабардинским узденям и владельцам (Бабуковцы) // «Эльбрус». — Нальчик, 1999. — № 1. — 272 с.
- 30.Духовский С. Материалы для описания войны в Западном Кавказе // ВС. — СПб., 1864. — № 11-12.
- 31.Духовский С. Даховский отряд на южном склоне гор в 1864 году // ВС. — СПб., 1864. — № 11-12.
- 32.Дюбуа де Монперэ. Путешествие по Кавказу к черкесам и абхазцам, в Колхиду, Грузию, Армению и в Крым // АБКИЕА. — Нальчик, 1974. — С. 435-457.
- 33.Дюмезиль Ж. Анатолийские документы о языках и традициях Кавказа. — Париж, 1967. — С. 2-74.
- 34.Дюмезиль Ж., Намиток А. Убыхские рассказы // Выдержки из жур. «Азиатик». — Париж, 1955. — С. 30-75.
- 35.Захаров С.Г. О населении 27 полка // «Кубанские войсковые ведомости». — Екатеринодар, 1867. — № 42.
- 36.Званба С.Т. Этнографические этюды / Под ред. и с предисловием Г.А. Дзидзария. — Сухум, 1955. — 82 с.
- 37.Званба С.Т. — Этнографические этюды. Дополненное. / Под ред. и с предисловием Г.А. Дзидзария. — Сухум: Алашара, 1982. — 94 с.
- 38.Зубарев Д. О народонаселении за Кавказом // «Русский вестник». — 1842. — № 6.
- 39.Зубов П. Подвиги русских воинов в странах кавказских с 1800-го по 1834 год // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. — Т. 2. — Нальчик, 2001. — С. 76-120.
- 40.Кавказский календарь за 1858. — Тифлис, 1857.

41. Карлгоф Н.О. О политическом устройстве черкесских племен, населяющих северо-восточный берег Черного моря // «Русский вестник». — СПб., 1860. — Т. 28.
42. Карлгоф Н.О. Военно-статистическое обозрение Восточного берега Черного моря // ВСОРИ. — СПб., 1853. — Т. XVI, ч. 10.
43. Клапрот Г.-Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807-1808 гг. // АБКИЕА. — Нальчик, 1974. — С. 235-280.
44. Клинген Н. Основы хозяйства в Сочинском округе. — СПб., 1897. — С. 20-43.
45. Колюбакин Н. Взгляд на жизнь общественную и нравственную племен черкесских. (Извлечения из записок) // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. — Т. 1. — Нальчик, 2001. — С. 195-239.
46. Лапинский Т. Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских / Перевод Гарданова В.К. — Нальчик, 1995. — 464 с.
47. Лонгворт Дж. А. Год среди черкесов // АБКИЕА. — Нальчик, 1974. — С. 531-584.
48. Люлье Л.Я. Черкесия (историко-этнографические статьи). — Киев, 1991. — 56 с.
49. Невский П. Кубанский край в 1864 году // Газ. «Кавказ». — 1868. — № 101.
50. Новицкий Г.В. Географическо-статистическое обозрение земли, населенной народом Адехе // «Тифлисские ведомости». — 1829. — № № 22, 23, 24.
51. Новицкий Г.В. Топографическое описание северной покатости Кавказского хребта от крепости Анапы до истока реки Кубани // «Кубанские областные ведомости». — Екатеринодар, 1884. — № 38.
52. Нордман А.Д. Путешествие по Закавказскому краю // «Журнал Министерства Народного Просвещения». — СПб., 1835. — № 12.

- 53.Орехов И.О. По южную сторону Западного Кавказа // ВС. — СПб., 1869. — № 11, 12.
- 54.Отчет комиссии по исследованию земель на северо-восточном берегу Черного моря, между Туапсе и Бзыбью // ЗКОСХ. — 1867. — № 5-6.
- 55.Пейсонель М. Исследование торговли на черкесско-абхазском берегу Черного моря в 1750-1762 годах. В изложении Фелицина Е.Д. — М.Ц.Т.К. «Возрождение». — 1990. — 36 с.
- 56.Потоцкий Я. Путешествие в астраханские и кавказские степи // АБКИЕА. — Нальчик, 1974. — С. 225-234.
- 57.Потто В.А. Кавказская война. — Т. 1. — Ставрополь, 1994. — 672 с.
- 58.Прокопий из Кесарии. Война с готами / Перевод с греч. яз. Кондратьева. — СПб., М., 1950. — С. 382-385.
- 59.Псевдо Ариан. Объезд Эвксинского Понта // ВДИ. — 1948. — №4. — С. 657-664.
- 60.Раевский Н. Описание Черноморской береговой линии. — 1839.
- 61.Рейнеггс Я. Всеобщее историко-топографическое описание Кавказа // АБКИЕА. — Нальчик, 1974. — С. 209-213.
- 62.Сафонов С. Поездка к восточным берегам Черного моря на корвете «Ифигения» в 1836 году. — Одесса, 1837. — С. 29.
- 63.Скорятин В.Д. Заметки о Кавказе // «Отечественные записки». — 1862, май. — С. 313-537.
- 64.Смоленский С. Воспоминания кавказца // ВС. — 1874. — № 9. — 1875. — № № 5, 11.
- 65.Солтан В. Военные действия в Кубанской области с 1861 по 1864 год // КС. — Тифлис, 1880. — Т. V. — С. 462-463.
- 66.Спенсер Э. Путешествия в Черкесию / Перевод Нефляшевой Н. — Майкоп, 1993. — 153 с.
- 67.Сталь К.Ф. Этнографический очерк черкесского народа // КС. — Тифлис, 1900. — Т. XXI. — С. 37-97.
- 68.Страбон. География // ВДИ. — 1947. — № 4. — С. 300-306.

69. Тебу де Марини. Путешествие в Черкесию // АБКИЕА. — Нальчик, 1974. — С. 291-321.
70. Торнау Ф.Ф. Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау. — Нальчик, 1999. — 508 с.
71. Фелицин Е. Черкесы-адыге и западнокавказские горцы // Кубанские областные ведомости. — Екатеринодар. — 1884. — № 50. — 1885. — № 1.
72. Филиппсон Г.И. Воспоминания. — М., 1885. — С. 248.
73. Фогт Г. Словарь убыхского языка. — Осло-Лимож, 1963. — С. 37-101.
74. Фонвилль А. Последний год войны Черкесии за независимость 1863-1864 г. (из записок участника-иностраница). — Киев, 1991. — 86 с.
75. Челеби Э. Книга путешествий. — Выпуск 3. — М., 1983. — С. 44-55.
76. Черкесы и другие народы Северо-Западного Кавказа в период правления императрицы Екатерины II. 1775-1780 гг. — Т. II. — Нальчик, 1998. — 506 с.
77. Шаховский И.В. Путешествие в Сванетию и Кабарду // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. — Т. 1. — Нальчик, 2001. — С. 166-167.
78. Яхтанигов Х.Х. Северокавказские тамги. — Нальчик, 1993. — 204 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абазины. Историко-этнографический очерк. — Черкесск, 1989. — 238 с.
2. Абдушелишвили М.Г. Антропология древнего и современного населения Грузии. — Тбилиси, 1964. — С. 15-198.
3. Алексеев А.П. Происхождение народов Кавказа. Краниологическое исследование. — М., 1974. — С. 9-197.
4. Анчабадзе З.В. История и культура Древней Абхазии. — М., 1964. — 240 с.

5. Анчабадзе Ю.Д. Абаза. (К этнокультурной истории народов Северо-Западного Кавказа) // КЭС. — VIII. — М., 1984. — С. 141-166.
6. Ардзинба В.Г. Ритуалы и мифы древней Анатолии. — М., 1982. — С. 4-99.
7. Ардзинба В.Г. О некоторых новых результатах в исследовании истории, языков и культуры древней Анатолии // Послесловие к кн.: Маккуин Дж. Г. Хетты и их современники в Малой Азии. — М., 1983. — С. 265-282.
8. Ардзинба В.Г К истории культа железа и кузнечного ремесла (почтание кузницы у абхазов) // Древний Восток — этнокультурные связи. — М., 1988. — С. 263-298.
9. Аутлев П.У. Адыгея в хронике событий (с древних времен до 1917 года). — Майкоп, 1990. — 112 с.
- 10.Баскаков Н.А. Русские фамилии тюркского происхождения. Втор. изд. — М., 1993. — 280 с.
- 11.Берзегов Н.А. Дороги моей судьбы. — Майкоп, 2000. — 176 с.
- 12.Berzeg K. KAFKASYA, DA ve OSMANLI HİZMETİNDE BERZEG AİLESİ, nden TANINMIŞ KİŞİLER. — Ankara, 1990. — 48 с.
- 13.Берзедж Н. Изгнание черкесов: причины и последствия / Перевод с араб. яз. Хуажевой Н., Губжокова М. — Майкоп, 1996. — 224 с.
- 14.Berzeg S. E. Kafkas diasporası, nda edebiyatçılar ve yazarlar sozlugu. — Samsun, 1995. — 284 с.
- 15.Berzeg S. E. SOCİ,NİN SÜRÜGNDEKİ SAHİPLERİ. CERKES — VUBİHLAR.— Ankara, 1998. — 126 с.
- 16.Березгов Б.Н. Черкесская диаспора // Адыгская и карачаево-балкарская диаспора: история и культура. — Нальчик, 2000. — С. 11-40.
- 17.Бейтуганов С.Н. Кабарда в фамилиях. — Нальчик, 1998. — 560 с.
- 18.Бетрозов Р.Ж. Происхождение и этнокультурные связи адыгов. — Нальчик, 1991. — 168 с.

- 19.Бижев А.Х. Адыги Северо-Западного Кавказа и кризис восточного вопроса в конце 20-х – начале 30-х гг. XIX века. — Майкоп, 1994. — 364 с.
- 20.Блягоз З.У., Тхаркахо Ю.А. Адыгейские фамилии и имена. — Майкоп, 2002. — 204 с.
- 21.Бушуев С.К., Аутлев М.Г., Коджесау Э.Л. Очерки истории Адыгеи. — Майкоп, 1957. — 484 с.
- 22.Бунак В.В. Антропологический состав населения Кавказа // Вестник музея Грузии. — Т. XIII — Тбилиси, 1947. — С. 93-105.
- 23.Бухаров Д. Россия и Турция. — СПб., 1878. — С. 104.
- 24.Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. — М., 1974. — 276 с.
- 25.Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. — М., 1973. — С. 61-63.
- 26.Воронов Ю.Н. Абхазы – кто они? (Экспресс- очерк). — Гагра, 1993. — 30 с.
- 27.Генко А.Н. О языке убыхов // Известия АН СССР. Отделение гуманитарных наук. — Л., 1928. — № 3. — С. 227-242.
- 28.Гиоргадзе Г.Г. Производство и применение железа в Центральной Анатолии по данным хеттских клинописных текстов // Древний Восток – этнокультурные связи. — М., 1988. — С. 244-260.
- 29.Гордезиани Р.В. Кавказ и проблема древнейших средиземноморских языковых и культурных взаимоотношений. — Тбилиси, 1975. — С. 7-10.
- 30.Гуажба Р. Убыхи: наша общая история // Газ. «Республика Абхазия». — Сухум. — 1998: № № 102 (889), 104 (878), 107 (881), 110 (884), 112 (886), 115 (889), 118 (892), 148 (922); — 1999: № № 3 (926), 29 (952), 35 (958), 46 (969).
- 31.Дадиани Н. История Грузии // СМОМПК. — 1902. — Т. 31. — С. 60-158.

- 32.Джавахашвили И.В. Основные историко-этнологические проблемы истории Грузии, Кавказа и Ближнего Востока древнейшей эпохи // ВДИ — 1939 — № 4. — С. 30-49.
- 33.Джапаридзе О.М. К этнической истории грузинских племен. — Тбилиси, 1976. — С. 17-35.
- 34.Дзамихов К.Ф. Адыги: вехи истории. — Нальчик, 1994. — 130 с.
- 35.Дзамихов К.Ф. Адыги в политике России на Кавказе (1550-е — начало 1770-х гг.). — Нальчик, 2001. — 412 с.
- 36.Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Втор. доп. изд. — Сухум, 1982. — 531 с.
- 37.Дирр А. Язык убыхов. — Лейпциг, 1928.
- 38.Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. — Т. 1. — Кн. 1. — Кавказ. — СПб., 1871. — С. 86-259.
- 39.Дубровин Н. Черкесы (адыге). — Краснодар, 1927. — 176 с.
- 40.Думанов Х.М. Территория и расселение кабардинцев и балкарцев в XVIII — начале XX веков. Сб. док. — Нальчик, 1992. — 254 с.
- 41.Думанов Х.М. Вдали от родины. — Нальчик, 1994. — № 1. — С. 10-31.
- 42.Дьяконов И.М. Предистория армянского народа. — Ереван, 1968. — С. 84-125.
- 43.Дьяконов И.М. Языки древней Передней Азии. — М., 1967. — С. 13-176.
- 44.Дьячков-Тарасов А.Н. Абадзехи (историко-этнографический очерк) // ЗКОИРГО. — 1902. — Кн. XII. — Вып. 4. — С. 49.
- 45.Дьячков-Тарасов А.Н. Через перевал Псеашха, верховья Малой Лабы, к Черному морю. — СМОМПК. Вып. 31. — Тифлис, 1902. — С. 10-60.
- 46.Ечерах М. Роль кавказских горцев в политической общественной жизни Турции // «Мусульманин». — Париж, 1910. — № 6. — С. 143-146.
- 47.Иванов Вяч.В. Об отношениях хаттского языка с северо-западно-кавказскими // Древняя Анатолия. — М., 1985. — С. 96-98.

- 48.Инал-ипа Ш.Д. Абхазы (историко-этнографические очерки). — 2-е перераб., доп. изд. — Сухум, 1965. — 560 с.
- 49.Инал-ипа Ш.Д. Страницы исторической этнографии абхазов. — Сухум, 1971. — 312 с.
- 50.Инал-ипа Ш.Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов. — Сухум, 1976. — 464 с.
- 51.Инал-ипа Ш.Д. Памятники абхазского фольклора. Нарты. Ацаны. Сбор. стат. и материалов. — Сухум, 1977. — 200 с.
- 52.Инал-ипа Ш.Д. Об абхазо-адыгской общности // Культура и быт адыгов (этнографические исследования). — Вып. VIII. — Майкоп, 1991. — С. 6-28.
- 53.Инал-ипа Ш.Д. Садзы // ИЭА им. Н.Н. Миклухо-Маклая. РАН. Материалы к серии «Народы и культуры». — Вып. XXVIII. — Народы Кавказа. Кн. 2. — М., 1995. — 286 с.
- 54.Инал-ипа Ш.Д. Антропонимия абхазов. — Майкоп, 2002. — 384 с.
- 55.Ионова С.Х. Абазинская топонимия. — Черкесск, 1993. — 270 с.
- 56.История Абхазии. Учебное пособие. — Сухум: Алашара, 1991. (2-е изд. 1993). — 416 с.
- 57.Касумов А.Х., Касумов Х.А. Геноцид адыгов. — Нальчик, 1992. — 206 с.
- 58.Кишмахов М. Х.-Б. Род из священной долины убыхов (историко-культурный очерк о роде Кишмаховых — Кишмария). — Черкесск, 1999. — 464 с.
- 59.Климов Г.А. Новое в изучении убыхского языка // Труды АБИЯЛИ. — Т. XXX.— Сухум, 1959. — С. 241-244.
- 60.Коков Дж. Н. Адыгская (черкесская) топонимия. — Нальчик, 1974. — 350 с.
- 61.Коков Дж.Н., Кокова Л.Дж. Кабардино-черкесские фамилии. — Нальчик, 1993. — 208 с.

- 62.Косвен М.О. Материалы по истории этнографии Кавказа в русской науке // КЭС. — 1. — М., 1955. — С. 356.
- 63.Крупнов Е.И. О загадочной майкопской надписи // ВДИ. — 1964. — № 8.
- 64.Кубанский госуниверситет и Адыгейский институт гуманитарных исследований. Кавказская война: уроки истории и современность. Материалы научной конференции. г. Краснодар, 16-18 мая 1994 г. — Краснодар, 1995. — 288 с.
- 65.Кумахов М.А. Убыхский язык // Языки народов мира. — Т. 4. — М., 1967. — С. 689-704.
- 66.Кумыков Т.Х. Проблемы Кавказской войны и выселение черкесов в пределы Османской империи (20–70-е гг. XIX в.). Сбор. док. — Нальчик, 2001. — 462 с.
- 67.Куфтин Б.А. Материалы к археологии Колхиды. — Тбилиси, 1949. — С. 60-300.
- 68.Кушхов Х.С. Некоторые аспекты этнокультурной идентификации зарубежной черкесской диаспоры // Адыгская и карачаево-балкарская зарубежная диаспора: история и культура. — Нальчик, 2000. — С. 98-111.
- 69.Лавров Л.И. Из поездки в черноморскую Шапсугию летом 1930 г. (этнографо-исторические заметки) // СЭ. — 1936. — № 4-5. — С. 122-134.
- 70.Лавров Л.И. О происхождении народов Северо-Западного Кавказа // ССИК. — Вып. 3. — Нальчик, 1954. — С. 193-207.
- 71.Лавров Л.И. Этнографический очерк убыхов // Ученые записки АДНИИЯЛИ. — Т. VIII. — Майкоп, 1968. — С. 5-24.
- 72.Лихницкий Н. Адыгея. Исторический очерк // Революция и горец. — Ростов-на-Дону, 1932. — № 8-9 (46-47).
- 73.Личков Л.С. Очерки из прошлого и настоящего Черноморского побережья Кавказа. — Киев, 1904. — С. 50-159.

- 74.Марковин В.И. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н.э.). — М., 1960. — 152 с.
- 75.Меликишвили Г.А. К изучению древней восточномалоазийской этнографии // ВДИ. — № 1. — 1962. — С. 62-63.
- 76.Меликишвили Г.А. К истории Древней Грузии. — Тбилиси, 1959. — С. 50-387.
- 77.Меликишвили Г.А. Возникновение Хеттского царства и проблема древнейшего населения Закавказья и Малой Азии // ВДИ. — 1965. — № 1. — С. 8-12.
- 78.Меретуков К.Х. Адыгейский топонимический словарь. — М., 1990. — 336 с.
- 79.Месарош Ю. Язык пёкхи (на немец. яз.). — Чикаго, 1936. — С. 49.
- 80.Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века. — М., 1976. — С. 350-415.
- 81.Мусукаев А.И. К истокам фамилий. Предания и легенды. — Нальчик, 1992. — 88 с.
- 82.Народы России. Энциклопедия. Гл. ред. В.А. Тишков. — М., 1994. — 479 с.
- 83.Нечкина М.В. История СССР. — М., 1940. — Т. II. — С. 100.
- 84.Никонов В.А., Стратонович Г.Г. Этнография имён. — М., 1971. — 263 с.
85. Очаг мудрецов. Сб. рассказов и легенд. — Черкесск, 1994. — 220 с.
- 86.Очерки истории Карачаево-Черкесии. — Т. 1. — Ставр. кн.изд., 1967. — 600 с.
- 87.Паллас П.С. Заметки о путешествиях в южные наместничества Российской государства в 1793 и 1794 гг. // АБКИЕА. — Нальчик, 1974. — С. 214-224.
- 88.Покровский М.В., Хоретелев А.О. , Алферова Т.Д. Русско-адыгские торговые связи. 1793-1860 гг. Сб. док. — Майкоп, 1957. — 438 с.

- 89.Половинкина Т.В. Черкесия — боль моя. Исторический очерк (древнейшее время — начало XX в.). Изд. второе, дополнен. — Майкоп, 2001. — 224 с.
- 90.Пшибиев И.Х., Пшибиев А.И. Адыгские (черкесские) селения и родовые знаки. — Карачаевск: КЧГПУ, 2001. — 128 с.
- 91.Смыр Г.В. Основные особенности абхазских фамилий. (На абх. яз.). — Сухум, 2000. — 135 с.
- 92.Смыр Г.В. Об основных лингвистических особенностях и критериях определения исконно абхазского происхождения фамилий // Региональное кавказоведение и тюркология: традиции и современность. Материалы второй межвузовской научной конференции: КЧГПУ, 2001. — с. 235-239.
- 93.Смыр Г.В. Об абхазской патrimonии и фамилии патrimonиального происхождения // Проблемы региональной ономастики. Третья межвузовская научная конференция 28-30 мая 2002 г. — с. 180-181.
- 94.Смыр Г.В. Социально-культурный портрет однофамильцев Смыр и Сымсым. Монография. — Майкоп: ГУРИПП «Адыгея», 2002. — 424 с.
- 95.Соловьев Л.Н. Новый памятник культурных связей Кавказского Причерноморья в эпоху неолита и бронзы — стоянки Воронцовской пещеры // Труды АБИЯЛИ. — Т. XXIX. — Сухум, 1958. — С. 135-176.
- 96.Соловьев Л.Н. Погребения дольменной культуры в Абхазии и прилегающей части Адлерского района // Труды АБИЯЛИ. — Сухум, 1960. — Т. XXXI. — С. 162-164.
- 97.Старостин С.А. Культурная лексика в общесеверокавказском словарном фонде // Древняя Анатolia. — М. 1985. — С. 74-90.
- 98.Султан Довлет-Гирей. Жизнь черкесов в Турции // Деятели адыгской культуры дооктябрьского периода. — Нальчик, 1991. — С. 91-100.
- 99.Турчанинов Г.Ф. Открытие и дешифровка древнейшей письменности Кавказа (середина III тыс.до н.э. — IV-V вв. н.э.) — М., 1999. — 262 с.

100. Тхайцухов М.С. Очерки истории абазин конца XVIII-XIX вв. (Этно-культурные связи с народами Северо-Западного Кавказа). — Сухум, 1992. — 211 с.
101. Услар П.К. О языке убыхов // Приложение к «Этнографии Кавказа». Языкоzнание. — 1. — Тифлис, 1887. — С. 75-102.
102. Фадеев А. Убыхи в освободительном движении на Западном Кавказе // ИС. — Л., 1935. — № 4. — С. 135-181.
103. Федоров Я.А. Историческая этнография Северного Кавказа. — М., 1983. — 180 с.
104. Федоров Я.А. О дольменной культуре Западного Кавказа и ее носителях. — Вестник МГУ. — № 4. — 1974. — С. 79-93.
105. Формозов А.А. Каменный век и энеолит Прикубанья. — М., 1965.
106. Формозов А.А. Памятники первобытного искусства на территории СССР. — М., 1980. — С. 98.
107. Хаджимуков Н.Н. Народы Западного Кавказа // Деятели адыгской культуры дооктябрьского периода. — Нальчик, 1991.— С. 14-58.
108. Хамыт С.А. Трагедия убыхов. — Акуа (Сухум), 1999. — 120 с.
109. Хан-Гирей. Записки о Черкесии. — Нальчик, 1992. — 352 с.
110. Хварцкая И. Абхазские сказки и легенды. — М., 1994. — 368 с.
111. Хотко С.Х. Черкесы в составе «профессиональных османов» (XVI – XIX вв.) // Мир культуры адыгов (проблемы эволюции и целостности). — Майкоп, 2002. — С. 387-394.
112. Хуранов Ш.Ш. Об абазинских тамгах // Археология и этнография Карачаево-Черкесии. — Черкесск, 1979. — С. 157-188.
113. Чочхалиа Д. Хроника абхазских царей. — М., 2000. — 168 с.
114. Шагиров А.К. Материальные и структурные общности лексики абхазо-адыгских языков. — М., 1982. — С. 3-28.
115. Шакрыл К.С. К вопросу об этногенезе абхазо-адыгских народов // Ученые записки АдНИИЯЛИ. — Т. IV. — Краснодар, 1965. — С. 205-221.

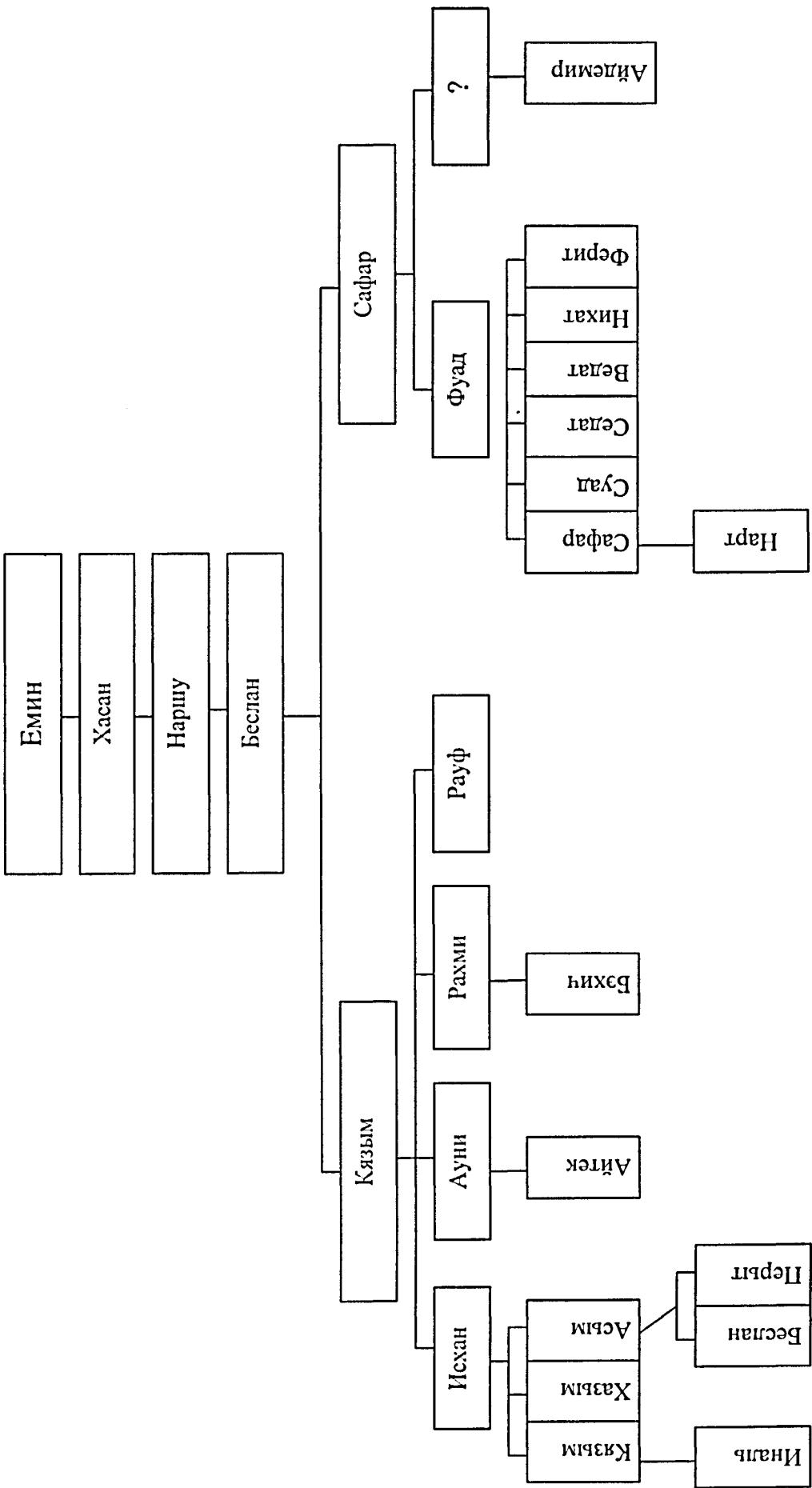
116. Шакрыл К.С. Некоторые лексические и звуковые соответствия в абхазо-адыгских языках. — Сухум, 1968. — 106 с.
117. Шеуджен А.Х. и др. Земля адыгов. — Майкоп, 1996. — 747 с.
118. Шинкуба Б.В. Последний из ушедших. Роман. Перевод Симонова К. и Козловского Я. — М., 1988. — 544 с.
119. Щербина Ф. А. История Кубанского казачьего войска. — Т. I. — Екатеринодар, 1910. — 736 с. Т. II. — Екатеринодар, 1913. — 880 с.
120. Эсадзе С. Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны. — Майкоп, 1933. — 120 с.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АБИЯЛИ	—	Абхазский институт языка, литературы и истории (Сухум)
АБКИЕА	—	Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX веков (Нальчик)
АВПР	—	Архив внешней политики России (Москва)
АГНМ	—	Адыгейский государственный национальный музей (Майкоп)
АдНИИЯЛИ	—	Адыгейский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории (Майкоп)
АКАК	—	Акты Кавказской архиографической комиссии (Тифлис)
АМИГС	—	Архив музея истории города Сочи
АНСССР	—	Академия наук Союза Советских социалистических республик
АССР	—	Автономная Советская социалистическая республика
ВДИ	—	Вестник древней истории (Москва)
ВОВ	—	Великая Отечественная война
ВС	—	Военный сборник (Санкт-Петербург)
ВСОРИ	—	Военно-статистическое обозрение Российской империи (Санкт-Петербург)
ГАКК	—	Государственный архив Краснодарского края
ГИМ	—	Государственный исторический музей (Москва)
ЗКОИРГО	—	Записки Кавказского отдела императорского Русского географического общества (Тифлис)
ЗКОСХ	—	Записки комиссии общества сельского хозяйства (Тифлис)
ИС	—	Исторический сборник
ИЭН	—	Институт этнографии и этнологии им. Миклухо-Маклая
КБР	—	Кабардино-Балкарская Республика
КВА	—	Кубанский войсковой архив (Екатеринодар)
КК	—	Кавказский календарь (Тифлис)
ККВ	—	Кубанское казачье войско
КС	—	Кавказский сборник (Тифлис)
КЧР	—	Карачаево-Черкесская Республика
КЭС	—	Кавказский этнографический сборник (Москва)
РГА ВМФ	—	Российский государственный архив военно-морского флота (Санкт-Петербург)
РГВИА, ВУА	—	Российский государственный военно-исторический архив, военно-учетный архив (Москва)
СМОМПК	—	Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (Тифлис)
ССИК	—	Сборник статей по истории Кабарды (Нальчик)
СЭ	—	Советская этнография (Москва)
ЦГИАРГ	—	Центральный государственный исторический архив Республики Грузии (Тбилиси)

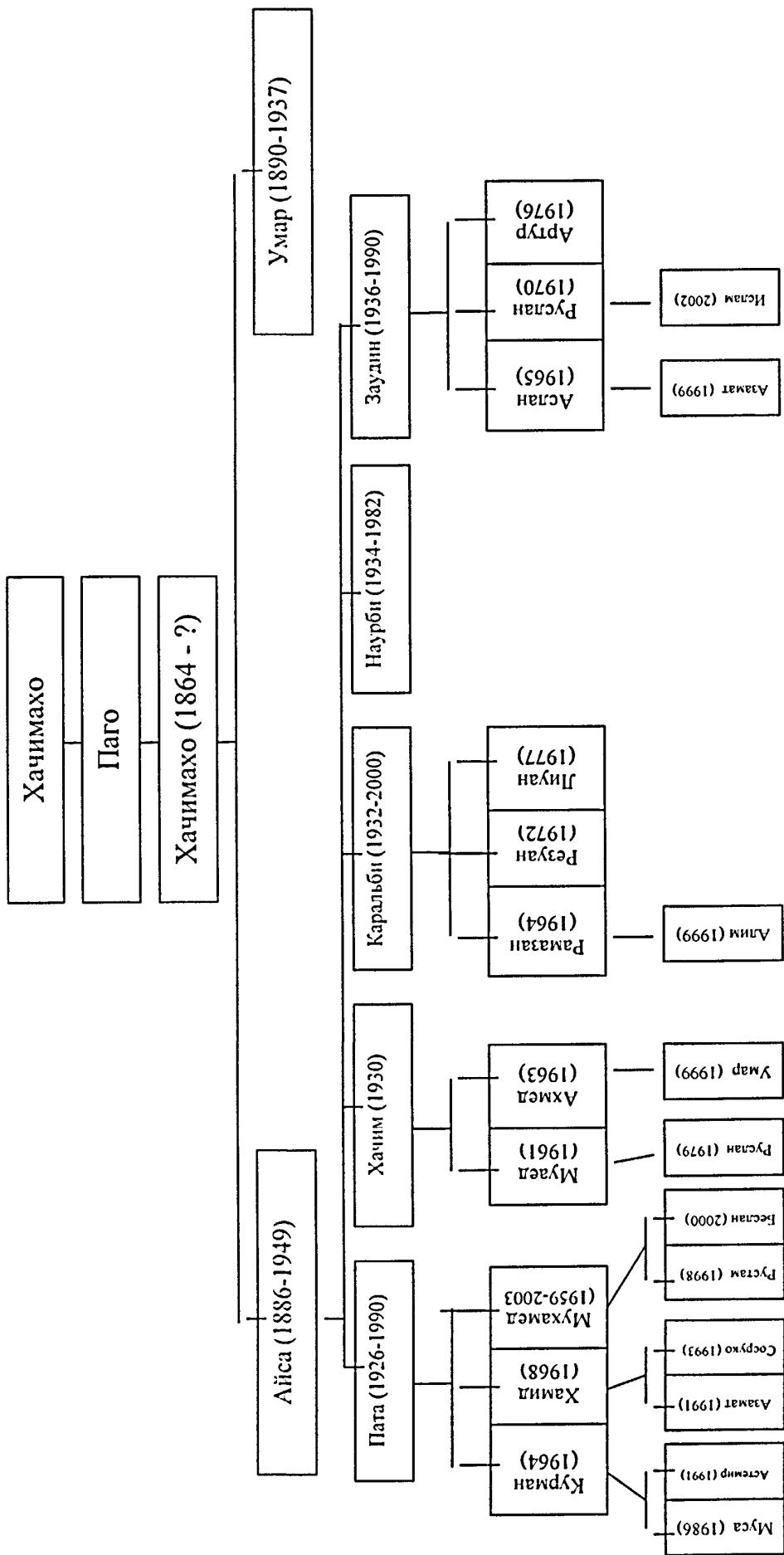
Приложение 1

Генеологическая карта рода Берзек (Турция)
по линии Емин по состоянию на 01.01.2003 г.

Приложение 2

Геоэкологическая карта рода Берзековых (КБР)
по линии Хачимахо по состоянию на 01.01.2003 г.

Приложение 3

СПИСОК ИНФОРМАТОРОВ

Республика Абхазия

1. Берзения А.К. — г. Сухум, 1933 г.р.
2. Берзения А.Ш. — г. Сухум, 1935 г.р.
3. Берзения М.П. — Ткуарчал, 1923 г.р.
4. Кишмария А.Г. — с. Члоу, 1918 г.р.
5. Кишмария А.Л. — с. Члоу, 1948 г.р.
6. Кишмария Б.М. — с. Джал, 1930 г.р.
7. Кишмария В.Д. — с. Река, 1921 г.р.
8. Кишмария Р.Д. — с. Река, 1925-1995
9. Кишмария Р.Р. — г. Очамчира, 1959 г.р.
- 10.Кишмария С.Р. — г. Сухум, 1933 г.р.
- 11.Кишмахова Ф.Ш. — г. Гудаута, 1924 г.р.

Республика Адыгея

12. Берзегов К.А. — а. Егерухай, 1937 г.р.
- 13.Берзегов Н.А. — г. Майкоп, 1925 г.р.
- 14.Берзег Н. — г. Майкоп, 1953 г.р.
- 15.Берзегов С.К. — а. Егерухай, 1935 г.р.
- 16.Берзегов У.А. — а. Хачемзи, 1933 г.р.
- 17.Берзегов Ш.Т. — а. Егерухай, 1928 г.р.
- 18.Бричев Н.Н. — а. Егерухай, 1959 г.р.
- 19.Кишмахов Х.Э. — г. Майкоп, 1938 г.р.

Кабардино-Балкарская Республика

- 20.Берзекова С.П. — г. Нальчик, 1958 г.р.
- 21.Берзеков Р.З. — г. Нальчик, 1970 г.р.

Карачаево-Черкесская Республика

- 22.Абдокова Ф.Т. — а. Псыж 1923 г.р.

- 23.Джердисов М.Х. — а. Псыж, 1928 г.р.
- 24.Каблахов Х.-М.М. — а. Псыж, 1928 г.р.
- 25.Кишмахов А.З. — а. Псыж, 1905 г.р.
- 26.Кишмахов А.-К.Г. — а. Кубина, 1927 г.р.
- 27.Кишмахов А.Н. — а. Псыж, 1931 г.р.
- 28.Кишмахов З.Х.-Б. — а. Псыж, 1938 г.р.
- 29.Кишмахов З.Ш. — а. Кубина, 1928 г.р.
- 30.Кишмахов М.К. — а. Псыж, 1917 г.р.
- 31.Кишмахов М.С.-Г. — а. Кара-Паго, 1940 г.р.
- 32.Кишмахов У.Е. — г. Черкесск, 1953 г.р.
- 33.Кишмахов Х.-Б.З. — а. Псыж, 1906 г.р.
- 34.Кишмахов Э.З. — а. Псыж, 1904 г.р.
- 35.Кишмахов Ю.Х.-Г. — а. Псыж, 1946 г.р.
- 36.Хакунов З.Х.-У. — а. Псыж, 1929 г.р.
- 37.Хуранов А.А. — г. Черкесск, 1928 г.р.
- 38.Чукова Г.П. — г. Черкесск, 1912 г.р.
- 39.Чукова М.С.-Г. — а. Псыж, 1918 г.р.

Другие регионы

- 40.Гвашев И.К. — с. Большой Кичмай, Лазаревский район, Краснодарский край, (1912-2003).
- 41.Горгеладзе С.К. — п. Дманиси (Грузия), 1951 г.р.
- 42.Ерижев М.А. — г. Санкт-Петербург, 1951 г.р.
- 43.Кишмахова А.М. — г. Ставрополь, 1983 г.р.
- 44.Кишмахова Д.Б. — г. Подольск, Московская обл., 1973 г.р.
- 45.Кишмахов Р.Х. — с. Самашки, Чеченская Республика-Ичкерия, 1959 г.р.
- 46.Мекер М.А. — г. Анкара (Турция), 1980 г.р.
- 47.Озова Е.М. — г. Москва, 1979 г.р.